

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт 9

1964

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
О ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

ОГОНЬ ЗЕМЛИ

Ю. ЗИМИН

Рисунки Н. Мооса

Рождение легенды

* * *

В печурке шаманом беснуется огонь. Хэнку Туседа лежит на оленьих шкурах. Хэнку — восьмой десяток. Он знает каждую кочку в тундре, может обхитрить песца, заманив его в капкан, слышит, как подо льдом идет рыба. И еще знает Хэнку: если в тундре живешь, будь насто-роже. Тундра не прощает ошибок. В диковинку ему, как русские парни без малиц здесь расхаживают, чего-то ищут. А в тундре, кроме рыбы, песца да куропатки, ничего нет. Хэнку это знает. Он ждет своего внука Ольчу и думает, лежа на оленьих шкурах около печурки.

Куда это Ольчу запропастился? Эге-гей, Ольчу! Только ветер воет, как пес бездомный. Однако буран будет. Надо сети проверить, пока майны не занесло. Ольчу-у!.. Опять парень ушел смотреть, как землю сверлят, в царство Нга дырку делают. Ольчу говорит, что это огонь из-под земли достать хотят, и по трубам его, как рыжую лисицу, гнать через тундру туда, где в одном стойбище тысячи каменных чумов стоят. Ольчу в школе учился, может, и не врет... Только Хэнку знает, что Нга злой. Не любит, когда его дразнят.

Вон голубой росинкой на ягеле сияет Нгэрм Нумгы — Полярная звезда. Она знает, как может отомстить Нга.

Семь раз по десять лет освещает Луна чум старого охотника. Когда Хэнку был ростом с бо-лотную кочку, рассказы-вал ему отец:

«За непокорность прогнал Великий Нум на землю Нга. Затаил злобу злой дух. И однажды похитил любимую дочь Нума, королеву северных звезд Нгэрм Нумгы. Рас-сыпал Нум по тундре цветы из дочернего сада, приказал: ищите! Пре-вратились цветы в оле-ней, разбежались повсю-ду. Нашли олени свою хозяйку у злого Нга. По-просили они помощи у ненецкого племени, ко-торое ставило свои чумы по берегам Таза.

Стал бороться с Нга богатырь Юнарта Слав-ный. Семь дней, семь но-чей сражались. На вось-мой день собрал Юнарта последние силы, под-нял Нга и ударил его о землю. Великий гром про-катился над тундрой. Раскололась земля, скрылся Нга в пропасти. Взлетела Нгэрм Нумгы в свой небесный сад. Ярче прежнего сияет она людям, темной полярной ночью дорогу указывает. А оле-ней Нум за помощь ненцам подарил. Потому-то зовут оленей цветами тундры, что они из сада Нгэрм Нумгы на землю спустились.

Хорошо стало жить племя, освободившее Нгэрм Нумгы.

Оленей много, пушнины много, рыбы много. Построили они большой город — Мангазею. Со всей тайги и тундры съезжались сюда гости тор-говать. Даже из заморских стран большие бу-дарки приплывали. Как тундра весной, цвела Ман-газея. Люди в шелках и золоте ходили. Стали звать Мангазею «златокипящая».

А Нга под землей сидел, злость копил, при-думывал, как отомстить людям. И однажды, ког-да опустилась над тундрой темная полярная ночь, перепутал Нга все дороги, которые в город вели.

Едут богатые гости, а город не находят. Вый-дут на охоту ненцы, целый день вокруг города ходят, дороги в тундру не найдут. Плохо жить стали. А Нга напоследок огонь на город напу-стил. И не стало златокипящей Мангазеи. Только поют о ней песню священные лиственницы, осы-панные голубым светом Нгэрм Нумгы — «Поляр-ной звезды».

Вот как рассказывал отец Хэнку. А город стоял там, где сейчас землю сверлят. Вон и Нгэрм Нумгы взойшла. Смотрит на то место, где богатырь Юнарта с Нга воевал.

Однако кто это страшнее голодного медведя ревет? Псы всполошились. Киш! Киш!

Олени скачут. Ольчу-у!

— Ири! Дедушка, там беда.

— Нга вырвался?!

— Газ вырвался! Запрягай оленей! Может, помощь нужна.

— Сейчас... запрягаю!

— Скорее!..

Первопроходцы

Самолет зеленой стрекозой летит над тунд-рой. Серебряными слитками переблескивают озера. Запутались среди них, как ленты сер-пантина, речушки. Начальник отряда сейсмораз-ведки Аркадий Краев смотрит в окно. Плыет вниз яркий ковер тундры, рябит Тазовская губа. Проплывают воспоминания...

Видели, как разбушевавшаяся река бросает маленький осенний листочек? Наши корабли в штормовой губе выглядели так же жалко. Валы, как допотопные чудовища, напоздали из-за го-ризонता и с ревом обрушивались на суда. В кло-чья изодранные тучи, казалось, цеплялись за мачты. Буксирные тросы натянулись и гудели, как струны.

Недаром бывалые капитаны говорят о Та-зовской губе, что характер у нее, как у вздорной хозяйки, меняется каждые полчаса.

А в этот штормовой сентябрьский день она, казалось, выложила всю свою злость, обрушив ее на наш караван, везущий оборудование для сейсморазведки.

Цепляясь за леера, подошел сопровождающий грузы. Он монотонно чертыхался.

— Вот черт, а? Разгулялась-то как, а? Что бу-дем делать? К берегу не подойти.

Это было ясно без слов.

От буксира отвалила шлюпка.

— Капитан на совет плывет, — заметил сопро-вождающий.

Шлюпка пришвартовалась к нашему лихтеру. На палубу поднялся капитан буксира. Его обвет-ренное лицо было мрачным. Посасывая корот-кую трубочку, он с неодобрением посмотрел в клубящуюся даль и просипел:

— Перед ледоставом разыгралась, напослед-ки... Еще денек — и обратно в Салехард пешком по льду пойдем. В общем, ждать не можем. Ре-шайте, что делать. Или обратно, или...

— Обратно никак нельзя. Хоть в воду бу-дем прыгать, а высадим-ся.

Это говорит Марлен Шарафутдинов, инже-нер-оператор.

— Да-а... Прыгнешь тут, — протянул кто-то с сомнением. — С этого света на тот!

Конечно, о прыжках говорилось несерьезно, но идея в шутке была: грузить оборудование на понтоны — мелкосидя-щие баржи — и вести их к берегу.

— Как, капитан, по-пробуем? Станки на пон-тон будем сдвигать буксиром.

Тот кивнул головой: как бы то ни было, воз-вращаться в Салехард нельзя. Это значит еще на год отложить развед-ку тундры.

Работа шла ходко.

Парни из отряда, обрадовавшись, что, наконец, нашлось какое-то дело, поскидали телогрейки и начали обтягивать станки тросами. Первый понтон взлетел на гребне волны над палубой. Его пришвартовали плотно к берегу. Подали трос на буксир Сигнал — «давай!». Ветер немного утих, волны присмирели. Пополз станок по палубе. С двух сторон веревками поддерживают. Лихтер качнуло, палуба накренилась. Бац! — станок на понтоне.

Это была сумасшедшая работа. Понтон на волну, трос на станок. Давай!! И опять все сначала. Сколько прошло времени? Час, два, три? Наконец последний понтон ушел к берегу. Парни сгрудились, задымили папиросами. Усталые, разгоряченные работой. Подошли катера. Выгружаемся сами.

Вот и берег. Он, пожалуй, еще неуютнее, чем губа. Там хоть на лихтере койки были, а здесь — только ягель — пух-перина. В двух домиках всем не разместиться. Раскинули палатки. Развели костер. Чай. Наш, геологический, крепкий, как деготь. И спать. Впалку, без сновидений.

Знали бы сокурсники по Свердловскому геологическому, куда меня забросило. Пожалуй, здесь воспоминания о свердловской плотинке, сияющей в янтарном ожерелье фонарей, приобретают особую прелесть...

Спать.

«Сезам, откройся!»

Геологи не любят рассказывать. Говорят, нечего вспоминать. У путешественника, который много ездит, впечатления стираются. И только изредка всплывает в памяти что-то самое яркое. Геологи не любят много говорить. Но, если можешь, послушай их мысли. К примеру, вот о чем мог бы рассказать Марлен Шарафутдинов...

«Хорошо было Али-Бабе. Говорил: «Сезам, откройся!» — и скала отодвигалась. Бери сокровища! Сюда бы его, в тундру! Чтобы прокричал: «Сезам, откройся!» То-то надорвал бы голос. По-своему кричим мы «Сезам, откройся!» Заряд в скважину. Взрыв! И откликаются на наш запрос земные недра.

Живем мы в балках. Месяцами.

Связь с базой поддерживаем на оленях. Карюм у нас Ольчу, молодой ненец. Любознательный парень. Тундру как свою ладонь знает. Едем на базу. Снег свистит под полозьями нарт. Ольчу оленей хореем подталкивает. Капюшон малицы на затылок сдвинул. Поет гортанным голосом:

Тундра моя — ковер белоснежный,
Как пух лебяжий, легки мои нарты,
Пучок быстрых стрел — упряжка оленей.
Эхе-хей!

Хорошо, когда на оленях едешь. Только там больше пешком топать приходится. И тогда запеваем свою:

Наш путь и далек и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты солнцу и ветру брат.

На зиму солнце, как медведь, «заваливается» на спячку. Серый расцвет подбавит часа четыре в сутки — и снова ночь. А ветра с избытком. Как в аэродинамической трубе. Передвигаться можно лишь под углом в сорок пять градусов. Все вещи ставишь в темноте. Уже за десять метров никаких ориентиров не видно.

А работы по горло. Направление для разведки выбрали удачно: пошли вверх по Тазу. Наша буровая установка «УРБ-4-а», смонтированная на автомашине, села на первых метрах. И вообще автомобилям здесь делать нечего. Зимой снега невпроворот, а летом даже без дождя тундра напоминает гречневую кашу — размазную.

Наш бурильщик Алексей Куимов — мастер на все руки. Собрал ребят, покормил пару дней — переставили буровую на тракторные сани.

Первый выезд. Вспахивая снежную гладь, потянулись за трактором сани с буровой установкой. Вот вешка, где намечено пробурить первую скважину. У бурового станка — сам начальник отряда Аркадий Краев. Бур вгрызается в землю. Десять минут... двадцать... полчаса... час... третий... пятый...

Вот где дает себя знать вечная мерзлота! Почва — как гранит. На работу, которую в южных районах проделывают за час, здесь уходят все восемь.

— Пожалуй, тут простым зарядом не отделаешься. Надо покрупнее, — говорит Краев.

— Пожалуй...

Взрыв. «Сезам, откройся!», «Сезам, откройся!» — полетел запрос в глубь земли. Вернулся обратно и застыл на бумаге, пойманный чутким сейсмоприемником.

И еще несколько десятков метров вперед. Снова бурим скважину. Взрыв. «Сезам, откройся!», «Сезам, откройся!»...

И снова вперед.

Когда скребется в двери снежными лапами метель, сидим у печки-буржуйки и...

Слышится одному золотой перезвон колосьев на полях за околицей родного села. Другому видится черемуховая метель, что осыпается в мае на уральские села.

Третий пишет письмо родным. Четвертый не паует здесь же родившуюся непритязательную песенку:

Мы холодные сгустки консервов
На огне сердец разогревали.
Попадались и вырывались
Из объятий ледяных реки.
И на голом энтузиазме
Сотни верст по болотам шагали,
Уставали, не унывали
Землепроходцы-поисковики.

Скажите, в чём заключается героизм? В том, чтобы совершать подвиги? А если условий нет? Если ежедневно только мороз и темень, работа и сон...

Правда, такие случаи, как наша высадка, вносят разнообразие в жизнь. Был и еще один — после первой зимовки в Заполярье. И опять на воде. Чудно: работа сухопутная, а все приключения с водой связаны.

Подходит как-то Краев:

— А не прощупать ли нам дно Пура?

Неугомонный человек. Времени ему не хватает, а то бы всю тундру прощупал.

Идем по Пуру. На буксире — гидромонитор. Машина такая, выбивает водой породу на дне реки. Река — как зеркало. Небо зеленое. Солнце над горизонтом. Тишь, как в раю. А через час заштормило. Гидромонитор мечется на буксире, как осетр на привязи. Волны через борт перекачивают, захлестывают. Лопнули тросы. Гидромонитор пошел на дно.

Телеграфируем на базу: «Высылайте катер монитор вытаскивать». Подошел катер. Покрутился около монитора, как ловчее его подцепить, и... сам сел на мель.

Снова телеграмма.

Второй катер подоспел.

Зашвартовали монитор. Дернули. Тросы, как нитки, пополам. Якорные цепи приспособили. То же самое. Что делать? Умаялись, а толку никакого. Вызываем с Тазовского комбината плавучий кран.

Подцепили монитор, а он ни гу-гу. Засасывает его уже. Собрались, стали думать, как дальше быть.

Не помню, кому пришла в голову идея подмывать монитор водометными катерами. Подвели катера почти вплотную к монитору. Включили двигатели. Кран вверх тянет, катера мель подмывают. Вода вокруг кипит, как в котле с ухой. Вытащили монитор. На все это чуть не сутки у нас ушло.

Есть что вспомнить. А наградой — карта подземного рельефа. Она — дороже золота. Каждый миллиметр ее пропитан потом людей, вымучен месяцами лишений. Словом, эта карта — наш «Сезам».

Мы прибыли в Тазовскую тундру с академической целью — оценить, скрывают ли что-нибудь, кроме вечной мерзлоты, эти места. И вот результат почти двухлетней работы: нащупана большая структура. Если структура не пустая, то будут открыты уникальные по величине залежи нефти или газа. Вплотную стал вопрос о глубоком бурении.

Жаркая тундра

Взгляд у бурильщика Петра Дудки цепкий, характер озорной. Иной раз от его шуток парни только затылки почесывают. Но не обижаются: они ценят шутку. С ней и полярные ночи светлее. О своих друзьях Петр рассказывает с удовольствием. Вот послушайте.

* * *

— Тут у нас, почитай, со всего Союза рабочие. Славка вон прикатил сюда с Украины. Отслужил в Армии, поел у мамы вареников — и на Север. Виктор Денисов, дизелист, тот на Печоре

последнее время нефть промышлял. Бурильщик со звонкой фамилией Иванов-Годунов с Сахалина приехал. Я, к примеру, с Донбасса.

Но из тех, кто на первой буровой работал, почти никого не осталось. По пальцам перечесть можно. Вася Тырин — бурильщик, тот же Виктор Денисов, мастер Николай Ильич Рындин. Там вон стояла первая буровая, километрах в четырех отсюда. На Мамаевском мысу. Был тут в прежние времена, говорят, туз такой, Мамаев. Ненцев грабил, пушниной да рыбой промышлял. Ну, это я к слову. Так вот, сейчас на этом мысу и трава не растет. Все соль съела, та, что тогда вместе с газом и водой из-под земли выхлестнулась.

Я как раз на буровую из Тазовска возвращался, когда рывкнуло. Из скважины под самый кронблок — столб воды с камнями. Бурильщика, как снежинку, в дизельную забило. Рывкнуло раз — и притихло. Верховой на полатах заметался. Слезать по лестнице? А вдруг второй раз ударит и унесет к облакам.

Догадался. Уцепился за оттяжку и давай по ней, как в цирке, с сорокаметровой высоты скользить. Да на половине застрял. Ветрище ураганный. Болтает парня, как тряпичку. Уцепился он в трос, повис — ни туда, ни сюда. Кинулись, трос ослабили. Спустился верховой, а руки от крепежа оторвать не может. Мороз сорок градусов. Ну и пережил парень, пока до земли добрался.

А тут как второй раз даст! Вверх столб воды с камнями, а на землю ледяной дождь: — замерзают брызги на лету.

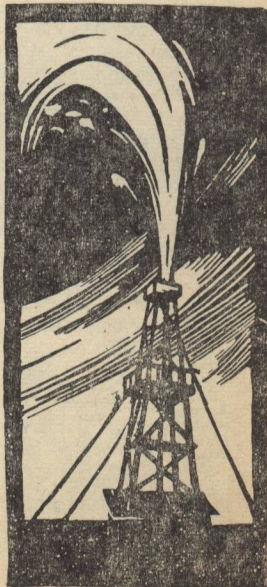
И снова стихло. Подойти к буровой боимся. Вдруг, думаем, как рысь перед прыжком, замерла. Время идет, молчит скважина, будто галушкой подавилась. Так оно, в общем-то, и получилось. Ствол обвалился и заглушил выброс. Две тысячи метров проходки пропало. Зато узнали: газ есть!

Приехал главный инженер из Салехарда, Рябиков. Стали ответвление от старой скважины делать.

Отбуранил апрель. Таз поднатужился и сломал ледяные окопы. Эх, ребята! Знали бы вы, какая красота летом в тундре. Пока комаров нет. Гоголя бы сюда. «Знаете ли вы заполярные летние ночи? Нет, вы не знаете заполярных летних ночей. Небо — зеленое-зеленое и лебеди, как облака, плывут, курлычут. И чайки снежными хлопьями кружатся в воздухе, падают камнем в волны Таза, улетают, зажав рыбешку в красных лапах. И солнце. Много солнца. Круглые сутки солнце!..»

Не понимаю, зачем люди на лето уезжают куда-то на Кавказ жарить свои бока. На Север приезжайте, в тундру. Жарьтесь круглые сутки.

Как мы, к примеру. Отстоял вахту, перекусил, что повар послал, и под солнце. Или на лодке рыбку промышлять. Сыр-ки да муксуны — во! В два локтя.

Все лето бурили. Снова подошли к той отметке, на которой впервые скважина чихнула. Остойнейшей работой стали: мало ли что.

Заполярное лето, как сон, яркое и короткое. Продлить его мы в отпуск ездим. Побывал я и в своем Донбассе. А потом снова на буровую. В сентябре из Тазовского выезжаю, смотрю туда, где наша вышка маячила, а на месте вышки — фонтан под самые облака. Кино «Багдадский вор» видели? Джин там из кувшина вырвался, ростом до небес. Похоже.

Попал я, как говорится, с корабля на бал. Каску на лоб — и к фонтану.

Кто сильнее?

Страницы дневника главного инженера Ямало-Ненецкой геологоразведочной экспедиции А. Рябикова.

«27 сентября»

На полпути к буровой навстречу катеру попала мотолодка. Заворачиваем. Помощник буровика Александр Никонов объясняет, как произошел газовый выброс.

День стоит ясный. И хотя до фонтана на Мамеевой горе добрый десяток километров, его хорошо видно. Чем ближе к буровой, тем страшнее рев газа. Миллионы лет томился он в подземелье и вот вырвался.

Причаливаем. Положение проясняется. Во время вахты буровика Бориса Иванова при смене турбобура произошли два подземных толчка с перерывами в одну-две минуты. Потом ударил фонтан газа, воды и камней. В такой обстановке арматура превентера не помогла.

Земля вздрагивает. Камни летят вверх, бьются о кронблук. Лопаются под их ударами стальные крепежи. Собираем «военный совет». Подойти к скважине можно, но опасно. Поток воздуха подхватывает людей, стремится втянуть в водоворот, унести в небо.

Объясняем жестами. Стараемся разобрать слова по движению губ. Заткнули уши тампонами. Не помогает. Кажется, страшный рев проникает в каждую пору тела. Чувствуется разреженность атмосферы. Как подобраться к устью?

28 сентября

Тракторы проваливаются в снежную кашу. Летящие камни задерживают работу: то и дело приходится убегать в укрытие. На каски надежды мало. Крыша дизельной превратилась в решето. Выбило окна в балках. Челюсти ротора швырнуло вверх метров на шесть. Струя режет ротор.

Вокруг рев, скрежет и вода.

2 октября

Заморозки усиливаются. В реке появились забереги. Водяная пыль замерзает на лету. На левую «ногу» вышки намораживает лед. Шестые сутки фонтанирует скважина. Шестые сутки пытаемся усмирить разбушевавшегося джина.

6 октября

Все покрылось льдом. Мокрая одежда застывает, хрустит, как железная. Губы трескаются, болят от соли пластовой воды. Бороться с фонтаном все труднее и труднее. Левая «нога» вышки превратилась в бесформенный сорокаметровый столб льда. Громадные глыбы отваливаются, падают, рассыпаясь в полете. Породу гонит раз-два в сутки с еще большей силой.

Наконец тракторами вышку повалили.

7 октября

Из Тюмени прилетели главный инженер управления Морозов и главный механик Савин. Но скважине высокое начальство не авторитет. Бьет с прежней силой.

Обсуждаем план «задавки» (в геологии есть такой термин — задавить фонтан).

8 октября

Разобрали подход к устью, но по злой иронии судьбы установилась безветренная погода — редкое в тундре явление. Мороз усиливается. Воду, выбрасываемую из скважины, уже не относит в сторону, и она тут же обращается в снежную крупу.

Красиво, как в сказке. На глазах растут снежные горы. От этой сказки мы чуть не плачем. Все подступы к устью скважины завалило.

За четыре часа образовался кратер высотой в десять метров.

Наш спаситель-ветерок появился поздно. Снеговой поток стал вытягиваться вдоль реки, редеть. Жаль, нет бульдозера. О ручной расчистке и думать страшно. Даже неунывающий Петр Дудка повесил нос.

12 октября

Вертолет доставил навесное оборудование бульдозера. Переоборудуем трактор. Приступили к очистке подступов к скважине. Работаем круглосуточно.

15 октября

Около скважины постоянно находятся помбуры Василий Тырин, Анатолий Лабазов и Юрий Бышевой. Мороз под сорок градусов. Снегопад со льдом — вода на лету замерзает. А эти трое по десять часов у скважины сыры-сырехоньки. Время от времени отбегают от струи, обалдело вытаращив глаза. Зажимают руками уши. Чай горячий наготове. Хватают, обжигая губы, стакан — и обратно к фонтану. На один болт установили «задавочную» арматуру. Трос к трактору развернули, закрепили. Фонтан бьет в четыре отвода. Кажется, дело к концу. Только подозрительно пробивает в резьбовом соединении.

16—19 октября

Отвернули негодную муфту. Поставили новую. У скважины все те же — Лабазов, Тырин, Бышевой и Рындин.

20 октября

Крепим арматуру. Успех!

Все веселят. Несмотря на мороз, Петр Дудка ходит в одном пиджаке. Пошучивает:

— Ребята, вы герои, а? — Подходит к невысокому пареньку: — Ты герой, а?

21 октября

Все к черту! Поломался штрель.

В этой скважине в самом деле сидит злой дух.

22 октября.

Опять безветрие и мороз.

Растет гора снега, и рабочие уже не в силах сохранить узкую траншею — подход к центральной задвижке.

А там, внизу, в этом грохочущем хаосе, те же: Тырин, Лабазов, Бышевой. Напильниками осторожно затачивают грани у штревели задвижки. Час за часом, час за часом. Если высечешь искру — газ вспыхнет. И тогда все силы природы — огонь, вода, мороз и ветер — обрушатся на людей.

Кажется, все. Кажется, кончили... Кажется...

22 октября, вечер.

Ребята, наконец, надели на горловину скважины арматуру и закрыли фонтан.

Но тут рухнула снежная гора, погребая под собой Лабазова и Бышевого. Тырин успел отскочить. Все кинулись спасать товарищей. Копаем. Дальше, дальше, под снежную толщу. Показался чей-то локоть. Из-под снега вытащили Лабазова. Он ошалело смотрит на товарищей и жадно хватается ртом воздух... Дальше, дальше. Вот показался Бышевой! Ура!!!

Перекрыли фонтан.

Все!

В борьбе со стихией не выдерживало железо.

Люди выдержали!

Усмиранный Нга

Мастер Рындин с рабочими разговаривает, будто не приказывает, а советует: «Тут вот так, что ли, сделаем, а? Давай-ка бери пару парней и попробуем...» Может, поэтому его указания выполняются быстро и четко. Смотрит добро и немного удивленно. Самому около четырех десятков лет. Большая часть из них — на буровых Казахстана, Ханты-Мансийска, Ямала. И почти все скважины — аварийные...

О фонтане не вспоминают. Веселятся: Тырин, Бышевой, Лабазов награждены значками «Отличник социалистического соревнования». Заслужили.

Подземный джин хоть и сдался, а работенку нам оставил. Нужно доставать оборудование, заваленное двадцатиметровым слоем спрессованного в лед снега. Сварщик Андрей Дубровин ломиком тюкает, дизелист Николай Селиванов кайлой машет. Слесари Алексей Сылка и Саня Розенбаум топорами ледяные брызги высекают. И все на мускулах, на железном терпении. Вася Тырин ломиком размахнется:

— Похоронить меня хотела! Шалишь... Годы мои еще не те. В Казахстане землю сверлил, по тундре топаю. Земной шар большой. По нему еще походить надо!..

Ветер волком воет. Темень. Только светят лампочки на балках. В их свете радугой переливаются ледяные брызги. Ждет своей очереди новая вышка. Спешат ребята. Из-под льда, как спина мамонта, показалась крышка дизеля с маркой «УЗТМ». Вон куда забралась из Свердловска машина! С уральским характером это можно. Под стать нашим ребятам, в тундре хозяином себя чувствует. Вечная мерзлота для ее зубов — что для ребенка сдоба.

Уже больше двух тысяч метров пройдено на второй буровой. Здесь все легче. Потому что это вторая вышка. На третьей будет легче втрое, на четвертой — вчетверо. Лихой бедой было только начало. Первую монтировали год, оставляя на железе ключья с ладоней. На вторую времени ушло вчетверо меньше. Вышку на земле собрали и подняли своей же лебедкой. Сборка — неделя, подъем пятнадцать минут. И стоит красивая вышка, упираясь в хрустальное небо Заполярья.

Где-то там, в звездном саду, цветет голубая Полярная звезда.

Таким же голубым светом вспыхивает факел, когда поднесешь спичку к отводу фонтанной арматуры. Идет из-под земли газ, укрощенный джин, которого заставили служить людям,

«Новая Мангазея»

Солнечные ночи Заполярья. Три летних месяца солнце катается по небосводу, раскидывая блики по озерам и рекам, по Тазовской губе. Белыми лебедями плывут по Тазу лихтера, груженные новейшим буровым оборудованием из далекого Свердловска, строительными материалами. На палубах кораблей девчата и парни. Со всех концов страны приехали они сюда.

Лихтера идут мимо песков, и рыбаки-ненцы машут им вслед. Который из них Хэнку Туседа? Как северные сполохи, гаснут старые легенды. Новые легенды рождает жизнь. Легенды о том, как славные парни второй раз усмиряли Нга.

Который Ольчу? А может, он уже не около рыбацких чумов, а на одном из кораблей плывет строить новый город?

Лихтера проходят мимо Мамеевского мыса. Тугие узлы арматуры сжали горло первой газоносной скважины. Желтеет трава, политая соляным раствором недр. Но на кораблях знают о парнях, усмиривших Нга.

Лихтера идут туда, где много лет назад стоял древний город, сгоревший дотла «по воле злого духа». Через год там будет стоять новый город с романтическим названием Новая Мангазея. Оттуда к людям пойдет тазовский газ. Будет город светел, как заполярное солнце, и красив, как сердца тех, кто первым пришел сюда открывать подземные кладовые Заполярья.

Покоренный Нга уже не бушует. Со злым шипеньем он вырывается из отверстия превентера. Подожженный, вспыхивает, и голубой факел виден далеко-далеко... А в небе удивленно мерцают шестящие звезды и среди них — ясноглазая Нгэрм Нумгы.

Тазовское—Салехард

ЛЮБОВЬ

Здесь она в разбухших сапогах,—
Не война,

не бедность

и не мода.

Ей надеть велела их тайга,
Севера неверная погода.
По утрам из спального мешка
Выскочит березкою продрогшей—
И к твоим глазам исподтишка:
— Угадай! —

Притронется ладошкой
Ты ее за руку не лови,
А шути, как будто не заметил.
И подснежник зернышком любви

Приколи украдкой на берете.
У нее засветятся глаза,

Щеки вспыхнут,

смокнет смех...

И, кстати,
На притихших лепестках роса
Ей напомним о любимом платье...
Ни к спектаклю третьего звонка,
Ни благоустроенной квартиры...
Будет все, поверьте!
А пока
Есть и юность, и тайга вполмира.

Владимир СУСЛОВ

В лабораториях ученых

КАК ТУШАТ ВИРУСНЫЙ «ПОЖАР»

Насморк. Воспаленные глаза. Боль в голове. Повышенная температура...
— Грипп,— объявляет врач и укладывает больного в постель.

Поезд со срочным грузом вышел из графика. Остановился на заводе станок. Сорвались уроки в школе. Отменен рейс воздушного лайнера... А всему причиной вирус — возбудитель инфекционных заболеваний, настолько мелкий, что не во всякий микроскоп его увидишь. В последние годы ученые-следопыты вскрыли механизм размножения этого невидимого врага.

Вирусы, попадая в организм, быстро размножаются и поражают клетку за клеткой. Начинается вирусный «пожар».

Чтобы «потушить» его, вероятно, нужно повредить нуклеиновые кислоты, поскольку они играют ведущую роль в размножении невидимого врага. Такое предположение сделали сотрудники Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР (заведующий лабораторией кандидат биологических наук Р. И. Салганик).

В качестве орудия они избрали нуклеазы — специфические ферменты. Правда, капсула — белковая оболочка — надежно защищает кислоты. Но, может быть, атака нуклеаз будет успешнее, если ее вести в процессе размножения вирусов в клетке в тот момент, когда они отбрасывают белковую защиту? Так было найдено уязвимое место возбудителей инфекционных болезней.

Начались опыты. Ферменты ввели в легкие мышей, зараженных гриппом. Смерть отступила.

В 1960—1963 годах нуклеазы пошли в наступление на вирусные заболевания у людей — в ряде ведущих клиник и институтов Москвы, Новосибирска, Киева. Если тяжелые конъюнктивиты излечивались обычными методами в течение 10—30 дней, то под действием ферментов, предложенных новосибирскими учеными, — в два-три дня.

Еще более существенные результаты получены при тяжелых герпетических поражениях глаз. Вирус герпеса вызывает хронические воспаления и язвы роговицы. Они тянулись многие месяцы, а иногда и годы, зачастую вели к слепоте и инвалидности. Заболевание распространенное, а эффективных методов лечения нет. Первое введение нуклеаз снимает упорную головную боль, в течение двух-трех недель зрение восстанавливается до нормального.

Начаты испытания ферментов при энцефалитах, менингитах, поражениях кожи и слизистых. На очереди — борьба с лейкозами.

Новый препарат утвержден фармакологическим комитетом Министерства здравоохранения СССР. Институт органической химии Сибирского отделения Академии наук СССР организовал его выработку для лечебных целей.

Ф. БАТУРИН

ЧАПАЕВ

Война?

— Условная война!
Но безусловна жажда боя,
Когда душа окрылена
Высоким именем героя.

И этот «бой» совсем не прост,
В нем только отзвук канонады.
Но, поднимаясь в полный рост,
Впервые скажешь ты: «Так надо!»

Прошлестит у ног трава,
И смолкнет все на свете разом.
И эти верные слова
Войдут в тебя его приказом.

«Так надо», — скажешь ты потом,
Когда уйдешь в тайгу на поиск,
«Так надо», — двинешь напролом,
О жизни друга беспокоясь.

И против зла, и против лжи
Ты встанешь грудью, непреклонен...
Спеши, товарищ мой, спеши,
Летят в атаку наши кони.

Строчит трещотка-пулемет,
Клинок заструганный сверкает...
Чапай, как прежде, в бой ведет
И никогда не отступает.

Пойдут годы, отшумят десятилетия и столетия, но никогда не угаснет в памяти народной слава о легендарных подвигах начдива Василия Ивановича Чапаева. В Бузулукском музее хранится интересный экспонат — фотокопия анкеты, в которой на вопрос: принадлежите ли вы к числу активных членов Коммунистической партии и в чем выражается ваша активность! — Чапаев ответил: «Принадлежу. Сформировал семь полков Красной Армии».

От Бузулука начинался победный путь знаменитой 25-й Чапаевской дивизии. В селе Сухоречка ее бойцы принимали присягу на верность Советской республике. Через Бугуруслан и Уфу до Уральска и Гурьева, а отсюда через Киев на запад пронесли они свои славные боевые знамена.

В городах и селах Оренбуржья живут многие соратники Василия Ивановича. Часто вспоминают они о любимом начальнике, погибшем в бою с белогвардейцами 45 лет назад.

Рассказывает Прокудин Г. Е.,
бывший командир роты полка
имени Степана Разина

В АВТОМОБИЛЕ НА ПЕРЕДОВУЮ

— Шли мы на Гурьев. Под станцией Мergenевской белоказакки потеснили наш правый фланг. Контратаковали они отчаянно. Положение создалось критическое. Смотрим, среди разрывов показался чапаевский «фордик». Спустился он по берегу к реке. А мост был там разобран, одни сваи из воды торчали. И что вы думаете, Василий Иванович приказал шоферу Кузнецову по своим реку перескочить! Прямо на машине надив появился в бое-

О бессмертных

вых порядках. Сразу будто два полка прибыло. Поднялись мы в атаку. А впереди Чапаев на «фордике».

Взяли Мергеневскую.

Рассказывает Бредихин И. Н.,
бывший командир разведки Ча-
паевской дивизии

«ТАК ЛЕНИН ВЕЛИТ...»

— Василий Иванович всегда с уважением относился к рядовым бойцам. А к пулеметчикам была у него любовь особая. Их он всех по имени знал.

Однажды понадобилось срочно поехать в Тулу и Пензу за лентами и запасными частями к «Максимам». Добираться по железной дороге в ту пору было трудно. Поезда ходили очень медленно, никаких расписаний не существовало. В пути частенько бандиты нападали.

Вызвал Василий Иванович пулеметчика Петра Сони́на.

— Край — говорит, — нужны части к пулеметам. Выезжай немедленно.

До станции верст тридцать было. А буран поднялся — ни зги не видно.

— Может, обождать, пока буран кончится? — нерешительно возразил Сонин.

Вспылил Василий Иванович, накричал на него. Уж больно не любил, когда его приказ оговаривали. А потом подошел к пулеметчику, положил руки ему на плечи и мирно так сказал:

— А мне, Петр, думаешь, охота воевать? Да вот воюю. Не потому что хочу, а потому что надо! Ленин так велит. А если мы будем ждать, пока буран пройдет да ветер стихнет, то счастья народу не добудем. Понял?

— Понял, Василий Иванович! Еду.

Рассказывает Васильев П. З.,
бывший военфельдшер Чапаев-
ской дивизии

НА ПЕРЕПРАВЕ ПОД УФОЙ

— Подошли мы к Белой. Разведчики Вихоря захватили пароходик, а ребята из Иваново-Вознесенского полка второй взяли. Началась переправа. Василий Ива-

нович самолично руководил ею. В небе появился колчаковский самолет, стал из пулеметов нас обстреливать.

— Уйди, Василий Иванович, в укрытие, — советовали начдиву красноармейцы, — ведь беляку сверху все видно. Неровен час, угодишь под пулю.

— Сам знаю, где мне положено быть! — И тут же Василий Иванович схватился за голову руками. Стоит, а кровь так и хлещет между пальцев. Подбежал я, гляжу: в кости пуля застряла. Вынул ее, забинтовал начдиву голову, а санитарка Аня Русанова обмыла залитое кровью лицо и руки.

— Ну, спасибо, друзья, за помощь, — растроганно поблагодарил Василий Иванович. — А теперь по местам.

И ведь смотрите, какой замечательный командир был: в голову ранило, а он с поля боя не ушел, пока не увидел, что наша берет. Только потом увезли его в Авдонь, местечко такое недалеко от Уфы.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

У Фурманова в романе «Чапаев» можно прочесть: «Вихорь — лихой кавалерист, горячий командир конных разведчиков...» Эти слова относятся к Ивану Наумовичу Бредихину. Уважал его Василий Иванович за смелость, за то, что умел он внезапно, как вихрь, налететь на врага и добиться победы. Потому и прозвали Вихорем.

Однажды глубокой осенней ночью начдив поручил Бредихину узнать, не подходят ли к белякам свежие части. Разведчики все сделали как надо, но на обратном пути не утерпели, ввязались в бой. Враг был ошеломлен, однако скоро пришел в себя, и разведчики с трудом избежали преследования.

— Влетело нам тогда от Василия Ивановича, — вспоминает Бредихин. — Кто вас, говорит, просил лезть на рожон? Какие вы, к черту, разведчики!..

Долго бушевал он, а я стоял перед ним и молчал. Наконец Василий Иванович сказал:

— Ну, ладно. За сведения спасибо. Но

запомни, Вихорь: грош цена тому разведчику, который не умеет себя вовремя сдерживать.

Скупой на похвалу был начдив, но не раз еще отмечал он подвиги Вихоря. А для чапаевца не было большей награды, чем благодарность самого Василия Ивановича Чапаева.

Рассказывает Мартеньянов С. А., бывший боец Чапаевской дивизии

В МИНУТЫ ОТДЫХА

— Гордым был Василий Иванович в бою, всегда впереди шел. Трусов не терпел, сам стрелял тех, кто панику поднимал. Но зато на отдыхе вел себя со всеми запросто.

Помню, как-то затеяли в нашем взводе борьбу, и Василию Ивановичу тоже захотелось силами померяться. Стал он бороться с одним красноармейцем. Тот поначалу вроде крепко взялся, а потом неудобно показалось ему самого начдива срамить. Он и поддался. Василий Иванович пошел с другим бороться, а тот еще сильнее первого был. И опять та же история. Наконец догадался начдив: поддаются. Крепко обиделся он. Я, говорит, командир в бою. А раз сошлись на кулачки — тут забудь об этом: такой же товарищ, как и все.

Продолжали борьбу. И тот, первый, положил Василия Ивановича на обе лопатки. Здорово все бойцы хохотали. А больше всех сам начдив Василий Иванович. Теперь, говорит, все правильно, по-честному!

Рассказывают Прокудин Г. Е., Васильев П. З. и другие

СКРИПКА

— Был в двадцать пятой дивизии боец, который всегда с собой скрипку возил. Любил он музыку так, что жить без нее не мог. И в перерывах между боями лились нежные мелодии. Вокруг скрипача собирались бойцы. С удовольствием слушал его и Василий Иванович. Он и сам немного на скрипке играл.

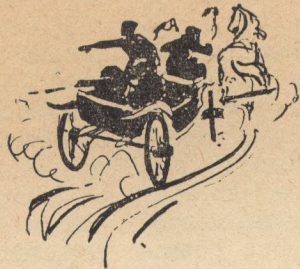
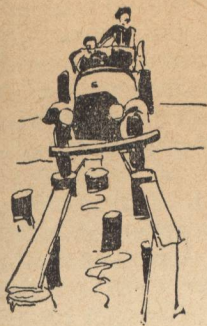
Однажды попала скрипка бойца под удар белоказачьей сабли. Загрустил, затосковал боец, словно любимого друга лишился. Узнал об этом Василий Иванович и подарил ему свою скрипку.

Говорят, и теперь живет где-то на Урале старый чапаевец. Каждый год 5 сентября, в день смерти начдива, достает он скрипку из футляра и уходит в степь, чтобы дать волю своим чувствам...

Рассказывает Чапаев М. И., брат начдива

КАК ЧАПАЕВ НИКОЛУ-УГОДНИКА РИСОВАЛ

— Отважно сражался Василий Иванович на германском фронте, одиннадцать раз был ранен, Георгиями всех четырех степеней за храбрость награжден. После тяжелого ранения приехал на побывку в родное село. Время свободное, да и раны работу тяжелую делать не позволяют. И стал он рисовать. Надо сказать, что это искусство полюбились ему, когда еще учился в церковно-приходской школе.

Узнала об этом богатая купчиха и попросила написать маслом икону Николы-Угодника.

— Николу так Николу, — согласился Василий Иванович.

Несколько дней он никого к себе не допускал, а потом позвал заказчицу работу принимать.

Как увидела купчиха икону, так и ахнула. На холсте был изображен лихой казачина в форменной фуражке с крас-

ным околышем. Из-под нее чуб выбивается, в зубах папироска, а в руке тросточка. И глаза такие озорные на купчиху глядят, словно подмигивают. А божественного на иконе только венчик вокруг головы. Плкнула купчиха, расшумелась и побежала искать урядника, чтобы призвать к ответу «богохульника». В то время за это строго наказывали. И пришлось Василию Ивановичу спешно в другой уезд перебираться.

ФЛАЖКИ НА КАРТЕ

В Оренбургском промышленном обкоме ВЛКСМ висит географическая карта Южного Урала. На ней алеют флажки, сообщающие о том, где расположены важнейшие объекты семилетки, Всесоюзные ударные стройки.

Расскажем о трех из них.

Несколько лет назад в целинном Адамовском районе геологи обнаружили залежи многих ценных металлов. Сейчас здесь растет город Светлый. К нему уже подведена железная дорога протяженностью 105 километров, начато строительство горно-обогатительного комбината. В молодом городе не найдешь ни одного барака-временки. Вдоль ровных улиц — благоустроенные многоэтажные дома, школы, магазины, широкоэкранный кинотеатр, комбинат бытового обслуживания, молодежные общежития.

В соседнем Домбаровском районе была открыта другая подземная кладовая — мощные пласты асбеста. Здесь создаются комбинат и рабочий городок с красивым именем — Ясный. К нему уже прокладывается железнодорожная ветка.

А каким будет Ясный через 5—10 лет? Давайте заглянем в Орский филиал Государственного института проектирования городов. Один из авторов проекта архитектор В. Б. Таранов может показать планировку. Будущий город состоит из семи микрорайонов, застроенных девятиэтажными

зданиями. Предусмотрены все удобства для жителей.

А вот и третий флажок. Севернее Орска, на левом берегу Ириклинского водохранилища, не так давно созданного руками человека, начато сооружение новой тепловой ГРЭС. Мощность ее — 1 миллион 800 тысяч киловатт. В год она будет вырабатывать столько энергии, сколько Волжская гидроэлектростанция имени XXII съезда КПСС.

Новая ГРЭС — высокоавтоматизированная станция, а вырабатываемая ею энергия станет очень дешевой. Дело в том, что топливом для нее послужит мазут с Орского нефтеперерабатывающего завода имени Чкалова и природный газ из Газли. По плану ГРЭС даст ток в 1966 году, но строители обещают сократить сроки. Уже построен полигон для сборки железобетонных конструкций. Возник жилой поселок строителей, его имя — Южноуральск.

Комсомол Оренбуржья взял шефство над строительством трех новых промышленных центров. Пройдет немного времени, и на географической карте Оренбуржья, там, где сейчас нарисованы красные флажки, напишут имена новых городов юности — Светлый, Ясный, Южноуральск.

П. ВИКТОРОВ

ПО ВЕЛИКОЙ
ПРОГРАММЕ

Клады бывают разные.

Героев Стивенсона гнала за тридевять земель призрачная тайна сундука с золотом и драгоценными камнями, зарытого пиратами на необитаемом острове. «Общество искателей кладов» (есть и такое!), обосновавшееся где-то на Западе, ведет учет неоткрытых кладов и пытается наладить их «организованный» поиск. С незапамятных времен рыщут по свету жаждущие обогащения искатели сокровищ — перекапывают курганы, взламывают склепы, блуждают в лабиринтах пещер и в дебрях джунглей.

Клад — символ богатства! Сколько людских жизней отдано в погоне за ними, сколько пролито крови и слез!

«Из Смольного на Урал», напечатанном в «Литературной газете» 21 апреля 1964 года, подводит некоторые итоги розысков этого сундука с ленинским архивом. Архив так и не найден, и даже не ясно, где его искать, какая из оборванных ниточек может привести в конце концов к цели.

В марте 1918 года в Екатеринбург сундук был привезен сотрудницей издательства «Прибой» А. Н. Никифоровой и в дни эвакуации (в июле 1918 года) спрятан, а затем пропал. В своей статье Р. Пересветов разбирает вопрос: куда он мог деваться. И делает предположение, что архив попал в руки белогвардейцев и, вероятно, увезен ими с собой за границу.

Продолжение Следует...

Ю. КУРОЧКИН

Нет, не эти клады волнуют нас...

Есть сокровища иного рода. Мы говорим — «клад земли», когда геологи находят новое месторождение нефти; «клад веков», когда археологи откапывают невзрачные посудные черепки, по которым рисуют картину жизни древнего народа.

И вот еще клад. Неоценимый никакими деньгами, не сравнимый ни с чем, волнующий ум и сердце — сундук с бумагами великого Ленина.

Судьба бумаг В. И. Ленина, отправленных в начале 1918 года из Петрограда на Урал, вот уже более четырех десятилетий беспокоит нас, советских людей. С годами это волнение не слабеет, а наоборот, усиливается. Мы с благоговением встречаем находку каждого листочка, хранящего почерк Ильича, даже маленькой его заметки на полях прочитанной книги. А тут — целый сундук! Есть отчего переживать, есть над чем поразмыслить.

Автор книги «Поиски бесценного наследия» — о судьбе ленинских рукописей — Роман Пересветов в своем очерке

Но в конце статьи автор допускает и другое предположение, что «Архив ЦК все же мог и не попасть в руки любознательных заокеанских «источниковедов» или оборотистого дельца, бежавшего в США. Скорее всего он зарыт не колчакцами, а уральскими большевиками».

«Или — или» — два варианта. Третьего не дано, — говорили в таких случаях юристы древнего Рима, исключая возможность каких-либо других решений.

Но вот неожиданно возник и третий вариант.

Многие в Свердловске хорошо знали старого краеведа Лазаря Михайловича Хандросса. Всю свою жизнь он отдал изучению Урала, организации краеведческого движения. В старенькой шубейке, сшитой еще, наверное, полвека назад, он — уже больной и немощный — неутомимо бегал из конца в конец большого города, читая лекции, вечно что-то организуя, участвуя в совещаниях, создавая музеи, спасая старые архивы, разыскивая какой-нибудь забытый памятник культуры.

Скромный, чуждый всякой шумихе, никогда не гнавшийся за известностью, личным благополучием, аскетически нетребовательный к условиям своего быта, он был олицетворением бескорыстного служения любимому делу, которому отдавал себя без остатка.

В сентябре 1962 года, незадолго до смерти, словно предчувствуя ее, он пришел в редакцию «Уральского следопыта» и рассказал об одном давнем случае, который ему казался важным. В итоге разговора родилось письмо — заявление Хандросса в Архивный отдел Свердловского облисполкома.

...В 1923 или в 1924 году¹ (точно он не запомнил), когда Хандроссу пришлось исполнять обязанности директора краеведческого музея, к нему пришел тогдашний редактор газеты «Уральский рабочий» Воробьев и передал на временное хранение, в связи с отъездом в Москву, 20—25 объемистых деревянных ящиков. В них, по словам Воробьева, были различные архивные материалы, рукописи, книги, газетные вырезки... Хандросс знал Воробьева «как краеведа и неутомимого собирателя, коллекционера старых рукописей и книг, автографов, дореволюционных партийных материалов, старых газет и т. п.» и не удивился ящикам. Но что там было на самом деле, он не знал — вскрыть ящики не решился.

Да и не успел бы этого сделать, ибо уже на следующий день в музей явился начальник ГПУ Г. С. Мороз и потребовал выдать ему все материалы, оставленные Воробьевым. Ящики, конечно, были выданы, и, как писал в письме Хандросс, «они тотчас же были увезены на грузовике в неизвестном направлении».

И надо же, чтобы судьба столкнула Хандросса с Воробьевым еще раз!

Летом 1935 года (или 1936, он вновь точно не помнит) Лазарь Михайлович работал ученым секретарем Таджико-Памирской экспедиции, начальником которой был Н. П. Горбунов, бывший управделами Совнаркома при В. И. Ленине. И вот здесь-то Хандросс случайно встретил Воробьева, следы которого с той встречи в 1920-х годах он потерял. Воробьев, как и ожидал Хандросс, спросил его о судьбе ящиков. Лазарь Михайлович

рассказал. Воробьев заметил тогда Хандроссу (а он запомнил его слова почти дословно): «Знай: там имеются ценные ленинские материалы и редкие правительственные декреты и документы».

Ленинские материалы! Это, конечно, давало давней истории совсем иной оборот. «Старые рукописи и книги, автографы и старые газеты», конечно, интересны, но разве можно сравнить их с бесценным ленинским наследием!

И все же Хандросс тогда почему-то не придавал этому особенного значения. Возможно, он подумал, что Воробьев прихвастнул, преувеличивая истинную ценность утраты. К тому же, Хандросс не слышал еще в то время о судьбе ящиков, привезенных из Петрограда в 1918 году. Но осенью 1962 года, когда вышел в свет июльский номер журнала «Наука и жизнь» со статьей о поисках ленинских документов, он вспомнил давнюю историю с ящиками Воробьева и беседу с ним сколько-то лет спустя. Вспомнил и подумал: а не могло ли к Воробьеву попасть и содержимое петроградских ящиков? Умолчать об этом Хандросс не мог. Тогда-то он и написал заявление.

* * *

В таком деле, конечно, нельзя пренебрегать ни малейшим сигналом. А сообщение Хандросса выглядело очень важным: оно давало новые нити к поискам. И выглядело весьма вероятным: ведь Во-

Л. М. Хандросс

¹ Так пишет Хандросс, но это могло быть не позднее осени 1922 года, когда Воробьев уже уехал с Урала.

Первомайский праздник 1918 г. в Екатеринбурге.

робьев имел в свое время непосредственное отношение к петроградским ящикам.

Владимир Александрович Воробьев в годы революции и гражданской войны был членом уралобкома РКП(б) и (до осени 1922 года) — редактором «Уральского рабочего». Утверждают, что именно ему была поручена эвакуация архива обкома партии и библиотеки издательства «Прибой», привезенной из Петрограда.

В 1924 году журнал «Пролетарская революция» опубликовал письмо Воробьева под заглавием: «Где архив партии за 1917 год?» В нем он не только не отрицал своей причастности к этому архиву в 1918 году, но и приводил много интересных и важных подробностей. Он лишь уточнил, что обком постановил не эвакуировать, а спрятать документы и книги в надежном месте.

Где же он спрятал их? Книги, как явствует из письма Воробьева, он привез к присяжному поверенному К. Н. Шипанову¹, и они сохранились до возвращения красных войск в Екатеринбург. А «документы ЦК» взялась спрятать незадолго до этого приехавшая из Питера сотрудница издательства «Прибой». Так утверждал Воробьев. Как известно из очерка Р. Пересветова, это была А. Н. Никифорова.

* * *

Вот что выясняется из рассказов А. Н. Никифоровой.

Анна Никифоровна Никифорова — член партии с 1910 года. В свое время она не раз встречалась с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, а в 1912 году даже прожила у них около месяца в польском городке Поронино, приехав туда с пар-

тийным поручением. В 1917—1918 годах Анна Никифоровна работала в Петрограде сотрудницей большевистского издательства «Прибой».

Библиотека издательства была, по сути дела, библиотекой ЦК партии: в ней хранились разные партийные издания, легальные и нелегальные, изданные в эмиграции и в России. Когда правительство переезжало из Петрограда в Москву (в марте 1918 года), библиотеку, содержащую тысячи три томов, решили почему-то отправить на Урал. Ее погрузили в вагон, в котором ехали с только что закончившегося (9 марта) VII съезда партии делегаты от Урала и Сибири. К этому же поезду прицепили большой товарный вагон с литературой. Она должна была составить основу уральского отделения издательства «Прибой». Организовать такое отделение было поручено А. Н. Никифоровой. Она отправилась в Екатеринбург вместе с сестрой и маленькой дочкой на руках.

Незадолго до отхода поезда на вокзал приехали Е. Д. Стасова и К. Т. Новгородцева-Свердлова. Они попросили руководителей уральской делегации и Никифорову увезти в Екатеринбург и сохранить два ящика с литературой. Ящики были закрыты, но Стасова и Новгородцева сказали Никифоровой, что в одном из них — вырезки из иностранных газет и другие материалы, принадлежавшие Ленину и относящиеся к периоду его жизни за границей, а в другом — различные конспекты, черновые наброски и литература Я. М. Свердлова, привезенные им из туруханской ссылки (вернулся он из нее лишь в марте 1917 года, то есть незадолго до Октября и, конечно, в те буревые дни даже не успел разобрать бумаги).

— Ты уж проследи за их сохранностью, — просили Никифорову Стасова и Новгородцева. — Там важные для Ильича и Свердлова бумаги.

Анна Никифоровна хорошо запомнила внешний вид ящиков. Один из них, принадлежавший Ленину, был заграничного образца — нечто среднее между чемоданом и кофром, с двумя ручками по бокам, обитый чем-то вроде кожи, с чуть выпуклой верхней крышкой. Закрывался он на внутренний замок. Ключи от него остались в Петербурге.

Ящик Я. М. Свердлова представлял собой обыкновенный солдатский сундук, перевязанный веревкой. В щели

¹ А не Шипанову, как пишет Пересветов.

между разошедшихся досок кое-где торчали листы бумаги.

Итак, ящики привезли в Екатеринбург и сдали в уралобком РКП(б). А библиотека издательства «Прибой» и книги, привезенные для распространения, поступили в распоряжение Никифоровой. Ей отвели одну из комнат в здании обкома партии¹ под отделение издательства.

В июле 1918 года белогвардейские войска вплотную подходили к Екатеринбургу. Было принято решение об эвакуации. Однако часть большевиков осталась в городе для подпольной работы. Среди них и А. Н. Никифорова. Как приезжую, в городе ее почти никто не знал, а профессия сестры (портниха) позволяла на что-то жить, не привлекая внимания.

...Город был уже оставлен красными войсками. С юга доносились артиллерийские раскаты. Но в город белые еще не вошли. Накануне Анна Никифоровна возвращалась домой с конспиративного собрания коммунистов, оставшихся в Екатеринбурге для подпольной работы. Медленно шла она по улицам, еще недавно полным революционного кипения, а теперь пустым и безлюдным. Лишь изредка встретится пугливо пробирающийся обыватель да протрусит на лохматой лошаденке извозчик.

Вот и Вознесенский проспект... Дом общественного собрания — клуба местного чиновничества, занятого после революции под областной комитет партии. В темные глазницы окон проглядывает нежилая пустота комнат. Что-то потянуло Никифорову зайти, хотя это, может, было и неосмотрительно для подпольщика.

В здании — никого. По пустынным комнатам сквозь распахнутые окна гуляет ветерок, шевеля обрывками газет и бумаг. Пустые раскрытые шкафы... Беспорядочно сдвинутая мебель... Еще не выветрившийся запах махорки в зрительном зале, где рядами стояли нары и топчаны: здесь коммунисты жили на казарменном положении.

Но вот в одной из комнат... — она не верит

¹ Первую направо при входе в нижний этаж. Теперь в этом здании Театр юного зрителя.

глазам! — в одной из комнат, где была секретная часть обкома, — те два ящика, что так бережно везли из Петрограда. Наверное, они случайно забыты в суматохе эвакуации?.. Или, может, за ними кто-то должен еще приехать?¹ Однако, как бы там ни было, спасти их надо!

Никифорова, поднатужившись, вынесла ящики к подъезду, вышла на улицу, осмотрелась... Где-то вблизи по Клубной грохотала извозчичья пролетка.

— Извозчик! — окликнула его Никифорова.

— Чего изволите? — подкатил местный «Ванька».

— Помоги увезти вещи.

— Это можно... На новую фатеру, стало быть?

— На новую. Вези поскорее. Архьерская улица...

Так ящики снова оказались в руках Никифоровой. Что с ними делать? Раздумывать было некогда. Она привезла их домой, во флигель богатого особняка, принадлежавшего инженеру-золотопромышленнику Гаряеву².

А куда их девать? Дома хранить, конечно, нельзя. Но и таскаться с ними по городу тоже небезопасно. И, вместе с тем, время не ждет: если не сегодня, то завтра беляки войдут в город, тогда... Нужно немедленно куда-то спрятать ящики.

Но куда? В раздумье она смотрит на широкий мощный двор, на крепкие амбары, на дворовый фасад кондового особ-

¹ Позднее Никифорова слышала, что будто бы ящики хотели спрятать у кого-то на квартире, но хозяин в последний момент струсил и отказался.

² Теперь это дом № 8 по улице Чапаева.

Вознесенский проспект. Дом общественного собрания (ныне Театр юного зрителя).

Во дворе этого дома (ныне дом № 8 по ул. Чапаева) и были спрятаны ящики с бумагами Ленина и Свердлова.

няка. Дом добротный, красивый, тут наверняка разместится какое-либо белогвардейское начальство. А что, если спрятать у них под носом, а потом при удобном случае перевезти в более надежное место? Вот, скажем, заложить в эту огромную поленицу дров. Их запасал на зиму ее сосед по флигелю Парамонов, тоже коммунист... Сейчас лето, едва ли кому-то придет в голову разбирать поленицу.

Ящики укрыты внутри штабеля дров. На другой день белые вошли в город.

Недолго пришлось быть на свободе Анне Никифоровне. Уже дня через три ее арестовали. Скорее всего, по доносу хозяев дома, знавших, что она работала «у большевиков». Раз или два вызывали на допросы, требовали признаться, что большевичка, но о спрятанных в дровах ящиках — ни слова. Значит, целы, сохрани!

В тюрьме пришлось просидеть полгода. Подошла зима. После немалых хлопот сестры и товарищей в декабре, за отсутствием улик, ее выпустили. Тюрьмы и так были переполнены.

Даже заведующий военно-судной частью при штабе Сибирской армии полковник Мельников признавал это. В своем докладе по начальству он писал,

что в екатеринбургских тюрьмах содержится много арестантов - большевиков без достаточных к тому оснований, и что многие из них, по его мнению, должны быть свободными.

Что творилось в тюрьмах, показывает хотя бы вот эта выдержка из письма «надворного советника, инженера-технолога А. Н. Балдина от 31 августа 1918 года г-ну председателю Совета министров Временного Сибирского правительства»:

«В Екатеринбурге творится что-то кошмарное, ужасное... С назначением

дней 10 тому назад новой следственной комиссии и нового коменданта города начались массовые аресты якобы существующих большевиков по единоличным доносам каждого, даже малолетнего. Число арестованных достигает 3000, содержащихся в ужасных условиях, в тесноте, грязи, голоде, без всякой врачебной помощи. Масса арестованных не знает даже, за что они арестованы, до сих пор им не предъявлено никакого обвинения, они ни разу не допрошены.

По догадкам, большинству из арестованных предъявляются такие ничтожные обвинения, что без всякого опасения они могли бы быть выпущены на поруки...

Для иллюстрации приведу краткое описание некоторых арестованных, содержащихся при коменданте города: безграмотная старуха 60 лет, на которую нанесено, что она сказала: «Старый порядок был лучше»; слепой от рождения музыкант и настройщик, обвиняемый в секретарстве у большевиков, по доносу двух мальчишек; летчик-офицер, два раза раненый на войне с немцами и бежавший от большевиков, арестованный для выяснения личности; я, инженер, прослуживший 20 лет на государственной службе, затем, после двухлетнего заведывания снаряжным цехом в Златоусте, вы-

гнанный оттуда большевиками и нашедший себе новое место на Ревдинском заводе, арестованный на почве сведения личных счетов и борьбы за место на заводе; бельгийский подданный, арестованный за какую-то неисправность в документах; офицер, бежавший от большевиков с частью своего эскадрона, и т. д. и т. д.

И вот все эти люди, и многие другие сидят, не зная за что, без предъявления обвинений, без допроса, в ужасных условиях, какие могут быть только в неблагоприятных каторжных тюрьмах».

Тюрьмы пришлось «расчищать», иначе некуда было садить людей, против которых имелись серьезные улики. Немудрено, что в этих условиях удалось выбраться из тюрьмы и Никифоровой: за полгода против нее не сумели собрать ничего существенного.

Вернувшись домой, она увидела, что поленницы нет! Дрова забрали солдаты для отопления огромного особняка, в котором разместился сам генерал Жанен — глава французской военной миссии при Колчаке. Впрочем, может быть, дрова увезли и солдаты белочешского генерала Гайды, разместившегося со своим штабом в угловом доме этого же квартала (то есть через несколько домов от Никифоровой).

Сестра рассказала, как все это произошло.

После ареста Анны Никифоровны контрразведчики не раз приходили в дом с обыском. Перерыли все в поисках чего-либо «крамольного»: ведь в этих домах должно было жить «высокое начальство».

В подвале штыками прощупали землю. Но, хотя в том же подвале были зарыты наган и ящик патронов к нему, печати обкома — ничего не нашли.

Не раз таскали на допросы и сестру Анны Никифоровны — Марию. Она хотя и не числилась членом партии, однако, конечно, многое знала. В том числе и о спрятанных в дровах ящиках, и об оружии. Прики-

нувшись далекой от «политики» бедной швеей, она сумела убедить контрразведчиков, что ничего не знает. Ее оставили в покое.

Но, когда подошла зима и суровые уральские морозы стали щипать засевших в особняках изнеженных колчаковских «вельмож», однажды во двор дома, где жила Никифорова, пришел наряд солдат. На глазах у трясущейся от волнения Марии Никифоровны они разобрали поленницу и увезли все дрова. Конечно, натолкнулись и на ящики. Но, поняв, что поживиться тут нечем — одни бумаги — солдаты выставили находку тут же, у крыльца, под окнами квартиры Никифоровой. Спрашивали, чьи они, но Мария Никифоровна «своими» их не признала. Солдаты ушли, ящики остались. Мария Никифоровна решила перепрятать их ночью, без свидетелей. Однако, когда она позднее вышла на крыльцо, ящиков уже не было. Кто их взял и зачем, она не знает.

Вернувшись из тюрьмы, Анна Никифоровна вместе с ребенком переехала в Ирбит: в Екатеринбурге оставаться было небезопасно.

В июле 1919 года красные войска освободили город и погнали колчаковцев дальше на восток. Анна Никифоровна, приехав из Ирбита, сообщила о пропаже Ревкому, который действовал до восстановления выборных партийных и советских органов. Членом Ревкома, представлявшим в нем Чека, был Воробьев.

Надо сказать также, что в первые дни после освобождения Екатеринбурга Чека устроила обстоятельные обыски в домах,

Июль 1919 года. Екатеринбургский вокзал. Белогвардейцы бегут из города.

где жили Жанен, Гайда и прочие высшие колчаковские чины. Но сообщений о том, что при этом были найдены ящики, бывшие в руках Никифоровой, не поступало.

Позднее, весной 1920 года, будучи по каким-то делам в Москве, Никифорова письмом в ЦК сообщила все подробности пропажи архива.

На этом дело и кончилось. С тех пор следы затерялись. Одни считали, что архив попал в руки белых и или был уничтожен ими, или увезен с собой. Другие — что он-таки остался на Урале. Однако Институт марксизма-ленинизма все эти годы продолжал поиски ленинских бумаг.

* * *

Но куда он в таком случае девался?

Е. Д. Стасова в беседе с Пересветовым утверждала, что оба ящика «зарыты в надежном месте, но где именно, установить не удалось».

Зарыты! В надежном месте! О поленице дров во дворе дома, занятого бело-гвардейцами, этого не скажешь.

И поэтому вполне закономерно такое небезосновательное предположение: не попал ли архив в дни тюремного сидения Никифоровой в руки подпольщиков-большевиков, избежавших ареста?

Как известно из документов и исследований наших историков, в Екатеринбург после эвакуации города действовала крепкая и энергичная группа большевиков-подпольщиков. Они сумели провести большую и важную работу. Среди них были люди, сумевшие даже проникнуть на службу в колчаковскую контрразведку. И нет ничего невероятного в предположении, что им удалось напасть на след драгоценных ящиков и надежно перепрятать их.

Но в конце марта 1919 года екатеринбургскую подпольную организацию постиг страшный удар: несмотря на тщательную конспирацию, в ее среду затесался провокатор. Начались аресты, и вскоре почти вся организация была выловлена. Подполье провалилось полностью. Спасти удалось единицам — всех зверски казнили. И тайна архива, если он был спрятан подпольщиками, была похоронена вместе с ними. И тогда только случай поможет когда-нибудь найти его.

* * *

Но могло быть и по-иному.

А что, если ящики, запрятанные под-

польщиками (или оставленные солдатами во дворе), были найдены людьми случайными — не большевиками и не белогвардейцами? Тогда, несомненно, эти люди вскрыли бы их и, не обнаружив там ничего ценного (с обывательской точки зрения), сложили бумаги и книги в чулан, откуда потом какими-то путями они и могли попасть в руки Воробьева — «неутомимого собирателя, коллекционера старых рукописей и книг, автографов, дореволюционных партийных материалов, старых газет и т. п.», — как охарактеризовал его Л. М. Хандросс. А может, они попали (уже вынутые из ящиков) в руки того же В. А. Воробьева, бывшего в то время работником Чека?

Воробьев не знал содержимого ящиков и поэтому мог и не предположить, что в его руки попал тот архив, судьбой которого он и сам в свое время интересовался. Этим можно объяснить его письмо в журнал «Пролетарская революция», письмо, вызывающее недоумение при сравнении его с письмом-заявлением Хандросса. Ибо с одной стороны он пишет о необходимости поисков архива, а с другой — в беседе с Хандроссом — признается, что нечто похожее было в его руках.

И если принять эту версию, то, значит, неопознанный архив с бумагами Ленина и Свердлова был упакован среди других коллекций Воробьева в 20—25 ящиках, что он привез в музей!

* * *

И если это так, то ящики Воробьева надо настойчиво искать.

Как сообщает Хандросс, их увез председатель ГПУ Г. С. Мороз. Куда? «В неизвестном направлении».

Но Мороз — лицо официальное и просто в «неизвестном направлении» увезти (ни много ни мало а 20—25 ящиков!) не мог. Он должен был доставить их в свое учреждение — ГПУ.

Спустя сорок лет работники Комитета государственной безопасности начали поиски.

В Свердловске возглавить это дело было поручено Федору Ивановичу Мазурину.

Он воспринял поручение как задание большой важности и высокой ответственности. Многие дни и вечера просидел он над литературой о тех годах, изучая обстановку, в которой произошла утрата, составляя подробнейший план действия, программу поисков.

В этом здании в 1919 году помещалась уральская Чка.

Сначала обследовали старые архивы ГПУ. Ничего не нашли.

Но, может, они были, но исчезли потом? И если ничего не сохранили архивы, то что-то должна была бы уберечь память тех, кто служил в те годы в этом учреждении?

Подняли списки всех служащих в 1920-е годы в ГПУ — всего личного состава — и методично и настойчиво стали разыскивать этих людей. Сотни запросов полетели во все концы страны.

Конечно, за сорок лет в живых осталось мало. Но многие нашлись. Один в Москве, другой где-то в Сибири, третий на юге, четвертый, пятый — на Урале...

Во-первых, конечно, стали искать Мороза.

Увы, его уже не было в живых. Старый чекист, один из верных соратников Дзержинского, он в январе 1925 года был переведен на другую работу и уехал с Урала, а в 1937 году пал жертвой клеветы и произвола.

Но, может быть, жив кто-нибудь из родственников его? Опять запросы, расспросы, поиски в адресных бюро. И что же, ведь нашелся родственник! Родной брат Григория Семеновича — Лев Семенович Мороз.

Федор Иванович повидался с ним.

Да, в 1922—1924 годах братья жили вместе на одной квартире. Дружили. Григорий Семенович был умным, образованным человеком. За его плечами стояла большая школа жизни профессионального революционера. Это был честный и стойкий коммунист, верный сын партии.

— Нет, что вы! — сказал Мазурину Лев

Семенович. — Он не допустил бы утраты материалов такой важности. На него это не похоже. Думаю, что если бы он обнаружил в ящиках ленинские документы, то, вероятно, рассказал бы мне, поделился бы своей радостью. Ведь это не оперативный секрет, служебной тайны в этом не было.

Разыскал Мазурин и человека, который работал в 20-е

годы архивариусом при ППОГПУ — А. И. Смирнова. Ныне он пенсионер. Смирнов работал тогда в архиве один и знал его дотошно. И помнит эти годы он очень хорошо. Настолько, что сейчас может назвать папки разных отделов по ему одному известным приметам: «Папки этого отдела завязаны красными тесемками, а этого — синими».

Нет, Смирнов тоже не помнит такого случая, чтобы Мороз привозил в архив целый грузовик ящиков. Уж он-то бы это, конечно, не забыл.

Не могли внести ясности и работавшие при Морозе В. П. Раздьяконов, А. Л. Бергауптер, П. И. Антаков и другие. Нет, на их памяти не было ничего похожего на этот случай.

Но, вспоминая те годы, все они указывали, что есть еще один человек, который, если он жив, непременно должен был бы что-либо знать. Это бывший заместитель полномочного представителя ОГПУ по Уралу — Штальберг.

О, это была колоритная фигура! Даже в те романтические времена первых лет революции.

Молодая (1896 года рождения), очень красивая женщина, храбрая, твердая и решительная, Герта Николаевна Штальберг считалась «грозой буржуазии». Дочь рабочего-столяра из Либавы, коммунистка с июня 1918 года, бывшая слушательница университета Шанявского, а затем учительница, в трудные для молодого советского государства дни она стала чекисткой. В щегольской бекеше, в лихо заломленной папаше, с маузером на боку, она вихрем носилась в своей ко-

шевке по городу и его окрестностям, наводя ужас на контрреволюционеров разных мастей.

Да, Штальберг могла знать об операции Мороза по вывозу ящиков Воробьева. Более того, должна была знать, как его первый заместитель и помощник. К тому же, как сообщили знавшие ее лица, она была... женой Воробьева. Правда, в 1922 году они разошлись, но продолжали жить и работать в одном городе.

«Вот бы порасспросить ее! Но жива ли она? И где она теперь? — думал Мазурин. — Ведь еще в 1925 году она ушла с чекистской работы и вернулась к профессии учительницы».

Вопреки всем пессимистическим предположениям, Герта Штальберг нашлась. Она скромно живет на пенсии в маленьком поселке Ростовской области.

Увы! Как ни странно, Штальберг ничего об этом деле не знала... Стало известно также, что вскоре после 1937 года погиб ее бывший муж — Воробьев.

Казалось, круг розысков замкнулся.

* * *

Но так ли уже обескураживает безрезультатность поисков? Ведь все искали «бумаги Ленина», предполагая в них рукописи его статей, документы, письма,

конспекты. А в ящиках, отправленных на Урал, могло быть иное.

Е. Д. Стасова говорит, что «подлинников каких-либо неопубликованных работ В. И. Ленина в них не должно было быть. Рукописи работ Владимира Ильича хранили Надежда Константиновна и Мария Ильинична». Но в архиве, говорит она, «имелись документы ЦК, на которых могли быть пометки Ленина, замечания или отдельные его записки». А по дополнению Никифоровой — еще и вырезки из иностранных газет поронинского периода, а также нелегальные издания ЦК. Тоже материалы первостатейной важности, но именно это могло увести поиски в сторону, и ищущие могли даже пройти мимо того, что искали.

Вот почему Воробьев, возможно, не знал, что попавшие к нему материалы представляют собой содержимое ящиков, присланных из Петрограда.

И не мог ли в этом случае Мороз, вскрыв ящики и бегло ознакомившись с тем, что в них есть, не придать им большого значения и тотчас же, минуя архивы ГПУ, передать их, скажем, в какую-то городскую библиотеку. И, может быть, ленинские книги и бумаги, разрозненные и потерявшие приметы, до сих пор лежат там! Может быть даже, что мы пользуемся все эти годы и пользуемся донные этими книгами, не подозревая о их ценности.

Между прочим, привезенная Никифоровой библиотека издательства «Прибой», объемом около 3 тысяч томов, считавшаяся «библиотекой ЦК», позднее поступила в Свердловский Дом партийного просвещения и «растворилась» в его книжных фондах.

А, может, Мороз тогда же отправил ящики прямо в Москву, опять-таки не подозревая, что в них могли быть и «бумаги Ленина». Могли не знать об этом и в Москве. Получив ящики, отнесли к ним как к обычному пополнению какого-либо музея, архива или библиотеки.

Но, может быть, архив так и лежит где-нибудь в тайнике, укрытый екатеринбургскими подпольщиками в 1918 году?

Всяких «может быть», «вероятно», «возможно» в этой истории еще много. И это все — ниточки, которые могут привести к цели.

Поиск не закончен. Продолжение следует...

1964 год. А. Н. Никифорова

Волшебная эта седьмая аудитория. Входят в нее студентами, а выходят горными инженерами. Валентин Тутов сам только что пережил это превращение. Друзья наперебой поздравляют:

— Валька! Ты инженер! Ура!..

Опустели столы экзаменационной комиссии. Шумная ватага парней хлынула к двери.

— Горный инженер!..— Валентин удивленно смотрит на свое отражение в стекле. Горный инженер! А сколько было сомнений и раздумий! После школы очень хотелось Валентину вырваться из-под родительской опеки. Иногда он даже представлял себе тот яркий (обязательно яркий!) момент, когда ворвется в дом, положит на стол перед родителями паспорт и аттестат... И укатит куда-нибудь на далекую стройку, или махнет в море на рыбацьем сейнере, или...

А получилось иначе. Поздравив сына с окончанием школы, отец сказал:

— Не пойти ли тебе, Валеку-малек, к нам на рудник? Понимаешь, временно, пока ты окончательно не решил, кем стать.

— Нет уж,— воспротивился Валентин,— я в геологи подамся. По крайней мере, постоянно в походах... Да и открытия они делают такие, от которых ахают... А тут что? Бури да взрывай, бури да взрывай. И все на одном месте...

— Так это же временно,— усмехнулся отец.— А когда покрепче на ноги встанешь, то можно и в геологи податься, а то и в морские волки...

Так Валентин оказался на руднике. Пошел временно, а вышло — на всю жизнь.

...Валентин еще раз окинул взглядом опустевшую аудиторию. Интересно, а не здесь ли защищали свои дипломы его отец и мать? Это было

тридцать один год назад, за восемь лет до его рождения. С тех пор здание Уральского горного института ремонтировалось несколько раз, и уже не поймешь, где та аудитория. Отец говорит, что ее окна выходили на северо-восток. А эти? На запад. Значит, не здесь. Но зато он хорошо знает, в каких аудиториях защищали дипломы его старшие братья — Владимир и Борис и сестра Людмила. Младшая сестренка Надежда окончила техникум, работает на руднике, но не хочет отставать и сейчас учится заочно в этом же институте. Надо сказать ей о седьмой аудитории. Она счастливая...

Валентин подошел к столу с минералами, взял голубоватый камень, отломил кусочек и, размяв пальцами, превратил его в пушистую вату. Асбест — «горный лен», «каменный хлопок», «уральская куделька»... Сколько у этого минерала ласковых имен!

...И вот Валентин Тутов — горный инженер Тутов — возвратится в родной город, названный именем этого волшебного камня. Валентин будет работать на руднике, откуда пять лет назад ушел в институт.

Семья Тутовых накрепко связала свою жизнь с «горным льном». Глава семьи Михаил Петрович Тутов прошел на руднике все должности — от мастера и прораба до главного инженера и управляющего трестом «Союзасбест». Больше трех десятков лет «в Асбесте и с асбестом», как любит говорить он.

Горный инженер Серафима Петровна Тутова тридцать лет отдала добыче и переработке чудо-минерала. Дети тоже пошли дорогой родителей. Четверо уже давно занимаются добычей и переработкой «уральской кудельки», а пятый...

— Горный лен,— шепчет Валентин.— Чудо-камень!

* * *

Много интересного рассказывают старики о знаменитом Баженовском месторождении.

Семьдесят пять лет назад в девяносто километрах от Екатеринбурга, недалеко от станции Баженово, открыли асбестовую жилу. Произошло это при весьма любопытных обстоятельствах.

В то время екатеринбургских горнопромышленников, богатеев-заводчиков и купцов охватила золотая лихорадка. Она гнала их все дальше в тайгу на поиски новых и новых россыпей драгоценного металла. В надежде поживиться «золотишком» застолбила участок земли близ Баженово и екатеринбургская купчиха Кремлева. Ей не повезло: золота на участке не было. Но землемер Лодеженский обнаружил нечто другое — выходящую почти на поверхность жилу серого волокнистого камня. На новое месторождение «уральской кудельки», как вороны, налетели польский золотопромышленник Поклевский, француз Жирард и другие дельцы. Они тотчас перекупили участок у недогадливой купчихи и почти до самой Октябрьской революции хищнически эксплуатировали богатое месторождение.

Запасы асбеста очень редки на земле. Большинство стран не имеют у себя этого минерала и ввозят его из Советского Союза и Канады. Изделия из «горного льна» необходимы всюду. Без них немислима химическая промышленность, машиностроение, приборостроение, металлургия... Даже в сельском хозяйстве асбест используется как наполнитель при изготовлении ядохимикатов и как удобрение.

Все эти подробности Валентин Тутов узнал в институте. Инженеру-горняку было и грустно, что кончилась студенческая пора, и радостно, что определилась его дорога, дорога младшего из горняцкой семьи Тутовых.

Вспомнился горячий студенческий спор в общежитии об отцах и детях, о поколениях, которые приходят одно на смену другому.

— Каждому времени — свое поколение, — запальчиво говорила Наташка с геологоразведочного. — Отцы не понимают детей, у них свой взгляд на мир и вещи. И мы не всегда понимаем отцов, потому что на все смотрим молодыми глазами, обновленно...

С ней спорили. В комнате творилось такое, что прибежала дежурная и, распахнув дверь, крикнула:

— Да вы что, оглашенные!

Все притихли. В наступившей тишине кто-то спросил у Валентина:

— А ты чего молчишь?

— А чего ему говорить, — отозвалась Наташка. — У него нет конфликтов с предками.

— Займись делом, и у тебя их не будет, — охотно посоветовал Валентин.

— А где оно, это дело, и с чем его едят?

— Везде, — буркнул Валентин. — Например, у нас в Асбесте. А едят его с потом. Присмотрись — увидишь.

...Глупый был спор. Главное, какой-то выдуманный, как буря в стакане. Ну разве могли его принять всерьез в Асбесте, где сотни, а может, и тысячи семей передают из рук в руки одно и то же дело!

В управлении треста «Союзасбест» Борис Тутов, все такой же насмешливый и острый на

язык, осмотрев наряд вернувшегося из Свердловска брата — рубаху навыпуск и сильно зауженные брюки, — воскликнул:

— А поворотись-ка, братку! Экой ты смешной! Что на тебе за стилижий подрысник? И эдак все ходят в вашем институте?

Разговор происходил в большой комнате конструкторского бюро. Из-за чертежных досок выглядывали сослуживцы Бориса.

Валентин шепнул:

— Борька, брось. Все смотрят...

Но тот вошел в игру, и теперь его трудно было остановить. Подталкивая Валентина к своему столу, Борис продолжал:

— Сейчас поглядим, чему тебя научили в твоей бурсе, то бишь институте. Объясни мне, братку, что на этой картинке? — и он ткнул пальцем в лист ватмана.

— Брось... Ну, хватит... — заливаясь краской, отбивался Валя.

— Ответствуй!

— Конус дробилки.

— Ты гляди: угадал!

А через полчаса они сидели в прохладном полутемном коридоре, и старший брат увлеченно рассказывал младшему об обогатительной фабрике-гиганте.

Борис с детства был помешан на машинах. Он вечно мастерил какие-то самокаты, вздеходы... Сделает, промчится вокруг дома и тут же отдаст машину кому-нибудь, а сам берется за конструирование другой.

Борис двумя большими затяжками докурив папиросу, швырнул ее в пепельницу и уже весело добавил:

— Ох, Валька, и дело интересное мы тут затеяли! Может, ты переиграешь? Иди к нам в конструкторский. Механики вот так сейчас нужны!

— Нет, Боря. Вернусь я на старое место, откуда уходил в институт.

Валентин поднялся.

— Ты куда? — спросил Борис.

— К Владимиру. А потом с отцом — на рудник.

— К Володьке не ходи. Ему сегодня не до тебя: план поджигает. Отправляйся лучше к Людмиле в «Асбострой». На новую фабрику глянешь.

В этот день Валентин побывал у Людмилы на стройке. Какая же это была громадина! Только фундамент главного корпуса уходил на сорок метров в глубь земли. А ведь это — высота самого большого здания в Свердловске!

Но еще больше поразился Валентин, что беззаботная хохотушка и протомешница сестра Людмила превратилась в рассудительную и удивительно серьезную Людмилу Михайловну. И уж совсем смешно было, когда к ней подошел пожилой бригадир с пачкой чертежей и спросил:

— Людмила Михайловна, объясните, как эти траверсы крепить?

Ходили с Людмилой долго, несколько часов, но не обошли и половины стройки. Уставшие, все в пыли, звонили из прорабской отцу. Секретарша ответила, что у Михаила Петровича в кабинете люди. Приехали строители с Рефтинской, сидят совещаются.

— Ну, это надолго, — сказала Людмила. — Пошли в столовую.

По дороге говорили о Рефтинской ГРЭС, сооружение которой начиналось на речке Рефт под Асбестом.

— Знаешь, где станцию закладывают? — спросила Людмила. И, выждав немного, ответила: — Там, куда вы на рыбалку в ночное ходили. Здорово?

На рудник попали только вечером.

— Раз уж так получилось, — виновато проговорил отец, — давай, Валентин, и других прихватим.

Заехали домой за Борисом. Владимира застали на работе. Отец шутил:

— Ну какой ты, Борька, горняк? Сидишь над бумагами, рисуешь...

— Не над бумагами, а над чертежами...

— Все равно канцелярия. Ну, ладно-ладно. Только Вальку не совражай.

Подъехали к руднику.

Валентин сотни раз бывал здесь, подолгу смотрел с кручи вниз и всегда испытывал непередаваемое восхищение. Сколько камня и земли переворачивали люди за 75 лет! Ведь на каждую платформу руды приходится две платформы породы. А в руде три-четыре процента асбеста. От горняков Валентин часто слышал:

— Мы асбест, как радий, добываем: тонны породы — и грамм руды.

Так сколько же вынули люди из рудника камня, чтобы добыть те миллионы тонн асбеста, которые уже дало Баженовское месторождение?

Валентин прислушался к разговору отца с Владимиром.

— Штурмуете план и мечтаете, как бы сутки на полсотни часов растянуть? Почему сорвались в этом месяце?

— Сутки не растянешь, — отвечал сын. — А вот руда идет все время сырая...

— Ну ладно. С тобой и твоим начальником будет разговор особый. Завтра встретимся. — И, повернувшись к Валентину, весело спросил: — Что, Валек-малек, узнаешь рудник?

— И узнаю, и нет. Это на каком же горизонте «Ижорец» работает?

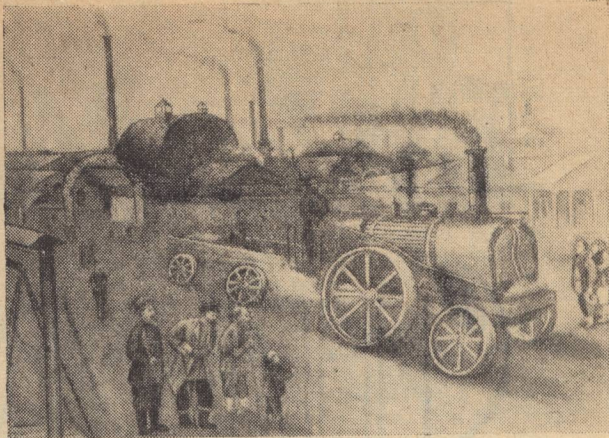
— Сто десятую отметку прошел. И руда хорошая. Пласты глубоко уходят.

Валентин следил за электровозом. Эшелон думпкаров двигался по своеобразной спирали, преодолевая крутой подъем. Вокруг экскаваторы да электровозы, и совсем не видно людей. А ведь когда-то люди долбили «кудельку» киркой, а из карьера вывозили подводами.

— Полезем за рудой глубоко, — продолжал отец. — Со временем будем добывать ее здесь с шестисот метров. Таких карьеров пока еще нигде нет, а у нас будет! Все это придется вам делать, ребята. Тебе, Владимир, тебе, Борис, Людмиле и Надежде... А тебе, Валек-малек, — отец повернулся к Валентину, взял его под локоть и уже другим, каким-то взволнованным голосом закончил: — А тебе, Валя, больше всех поработать придется. На этом руднике мы с матерью начинали трудовую жизнь. А теперь твоя очередь. Если тяжело будет, самых младших из нашей горняцкой династии — внуков — на помощь подошлем. Гляжу я на них, жду, что вот-вот зайвятся они ко мне в кабинет и скажут: «Принимай, дед, смену!».

Владимир ЕРЕМЕНКО

«Первое в мире»

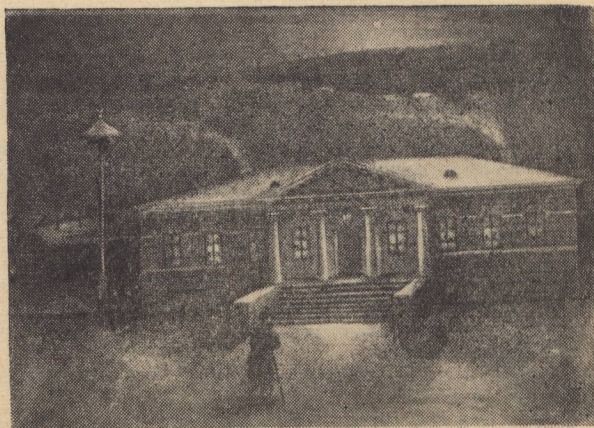

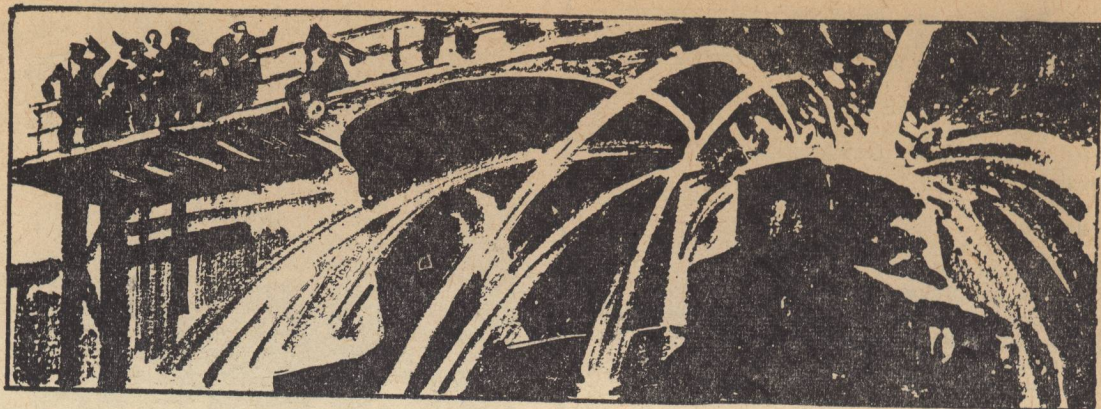
Репродукции с этих картин — «Паровой слон» и «Первое в мире», сделаны в Нижне-Салдинском краеведческом музее. Написал их Петр Степанович Тютин — художник-любитель, один из создателей музея на общественных началах.

«Паровой слон», предшественник современного автомобиля, сконструирован в 60-е годы прошлого столетия Аммосом Черепановым. Вот, посмотрите, он пошел в очередной рейс из Нижне-Салдинского завода в Верхне-Салдинский.

— Эту картину я назвал «Первое в мире», — рассказывает Петр Степанович. — На ней первая в мире «поленовская» электрическая лампочка, изобретенная в Нижней Салде в семидесятые годы XIX века. Источником энергии Константин Павлович Поленов сделал гальваническую батарею. А секрет устройства его электрической лампочки до сих пор не раскрыт. Возможно, в нашем городе или в другом месте найдутся чертежи с полным описанием этого изобретения выдающегося уральского металлурга.

П. ТОЛСТИКОВ

СИНГАПУРСКАЯ МАРКА

Рассказ

Л. РУМЯНЦЕВ

Рисунки В. Васильева

Что дернуло Сергея обратиться к Городовикову именно сейчас, перед началом работы? Прошел бы мимо, кивнул — и в сторону. Не очень-то хотелось попадаться на глаза начальнику смены, когда на душе кошки скребут. Тем более — разговаривать с ним.

Но в двадцать лет доводы рассудка нередко приходят позже, чем следовало бы. Своеобразное «позднее зажигание», если говорить языком автомобилистов.

Так или иначе, но, заметив Городовикова в дальнем пролете цеха, Сергей устремился к нему.

Погромыхивая сцепкой, к третьему мартену подтянулся состав с мульдами — шершавыми толстостенными ваннами, испытанными на себе и трескучий мороз открытого всем ветрам загрузочного двора, и нестерпимый жар клокочущей стали. В мульдах ежилась металлический лом — лакомая еда прожорливого мартена.

Пронзительно вызванивая, подкатила завалочная машина и, словно присосавшись своим вертким хоботом к мульде, легко оторвала ее от платформы, пронесла полукругом и ткнула в широкую пасть огнедышащей печи.

Городовиков отошел в сторону и закурил.

— Здравствуйте, Иван Федорович! — выкрикнул Сергей, стараясь казаться неунывающим.

— День добрый, если не шутишь, — ответил Городовиков.

Сергей мельком взглянул на начальника смены и осекся.

— Ну, чего молчишь? — Начальник смены глядел куда-то мимо Сергея, наверное, на тре-

тью печь, где кончалась завалка. — Давай, Звязин, не тяни. Давай побыстрее. Мне некогда.

Досадуя на себя, на робость, которая неизвестно откуда взялась, Сергей невольно позабывал в эту минуту спокойной уверенности Городовикова, его солидности, даже умению одеваться. В простой светло-синей куртке, уже поблекшей от многочисленных стирок, но тщательно отглаженной, в черной кепке, подтянутый, коренастый, он был в цехе, среди огня и грохота, совершенно необходимым. А Сергей в берете, напаянном на макушку, в кургузом ватнике, как бы нарочно подчеркивавшем нескладную долговязость, вдруг остро почувствовал себя каким-то неприкаянным.

— Да, кстати, — Городовиков снова обратил внимание на Сергея. — Как поживает наша автоматика?

Сергей мог бы предположить, что Иван Федорович спросит об этом. Не раз ведь спрашивал. Но раньше удавалось отвечать более или менее вразумительно, а сегодня будто врасплох застали его: ничего путного придумать не успел.

— Как поживает? — повторил он слова Городовикова и повел плечами, словно недоумевая. — Пока никак.

— Никак? — удивился Иван Федорович. — Но у тебя же были какие-то наметки...

— Были... Пересчитывал — не годятся...

— А дальше?

— Сложно все это...

— Что-то ты крутишь, парень. Сам знаю, что сложно. Было бы просто, давно и без тебя справился. А ты, как-никак, наполовину инженер. —

Иван Федорович щелчком отправил окурок в кучку битого кирпича.— Я объяснял тебе...

Сергей вздохнул и опустил голову. Совсем о другом пошел разговор. Теперь язык не повернется спросить о том, чего хотелось.

— Когда это было? — продолжал Городовиков.— С год, пожалуй, прошло. А?

— Не получается, Иван Федорович...

— Как же так? Вначале получалось, а теперь нет? — с горечью спросил Городовиков.— Или я чего-то не понимаю, или ты голову мне морочишь...

Сергей молчал, насупившись.

— Ну, как знаешь, — поморщился Иван Федорович.— Дело это пока добровольное. По плану автоматизации не раньше, чем года через три приступим... Но если бы проект готовый, да к тому же недорогой, то, глядишь, и сейчас бы пробили... Жаль, жаль, Завязин.— Он шагнул к печам, но обернулся, взглянул испытующе: — А дома-то в порядке? Мать здорова?

Лицо Сергея обдало жаром, будто заслонку печи открыли перед самым носом.

— Здорова, — ответил он хрипло...

Сергей спускался по узкому гулкому трапу в разливочный пролет к своему сталеvoзу и не мог успокоиться. Слово уличили, как мальчишку, в нечестном поступке и выставили напоказ. И если бы несправедливо, тогда хоть на кого-то можно было бы злиться. А тут, пожалуйста, ставь зеркало, смотришь и адресуй самому себе все обиды.

Автоматика к сталеvoзу... Да какие там метки! Миф!

Возможно и вышло что-то, если бы взялся как следует. А то и вправду водил Городовикова за нос. Начальник смены предлагал вообще интересную штуку. Сам не брался, по всей вероятности, не рассчитывал на свои силы, хотя имел среднее техническое образование и огромный опыт. (Как-то подсчитали, что в одном только мартеновском цехе внедрено более тридцати усовершенствований и изобретений Ивана Федоровича). Но радиоэлектронная автоматика — вещь тонкая, специальная. Без особой подготовки мало чего добьешься...

Напарник Коля Прохоров спрыгнул с подножки сталеvoза.

— Привет, Серега! Не выспался, что ли? — прокричал он.

— А что?

— Смурный какой-то.

Сергей махнул рукой: отстань, мол.

На параллельных путях стояла платформа, груженная болванками. За нею, невидимые отсюда, тарактели вразной пневматические молотки. Упрugo била в уши их нервная пулеметная дробь.

Снова что-то перестраивали.

Этот старый мартеновский цех немало повидал за свое существование. Давно уже обогнали его по мощности, по механизации молодые заводы. Но цех приспособился. В небольших, десятках раз усовершенствованных печах варили здесь специальные стали высшего качества.

— Слушай, Серега! — кричал Костя.— Вначале гони к пятой. Они скоростную дают.

— Сам знаю, — буркнул Сергей.

— Тогда я двинул...

— Постой! — Сергей придержал Николая.— Займи пятерку.

— Интересно! Позавчера ведь получка была...

— Была — и нету.

Николай присвистнул.

— Купил что-нибудь? Костюм, да?

— Какой там костюм. На долги не хватило...

Ну, дашь пятерку?

Прохоров полез в задний карман брюк, достал кошелек, протянул Сергею бумажки — трешку и две по рублю.

— Спасибо...

Пневматики то умолкали, то вновь поднимали такой развеселый перестук, что даже себя трудно было расслышать. Николай еще не ушел, и Сергей, воспользовавшись паузой — короткой передышкой молотков, — спросил у Прохорова:

— Не знаешь, с кем это наш Федорович переписывается из Сингапура?

— Про Сингапур не знаю. Может, из Индии?

— Возможно. Там недалеко.

— Дружок его, сталеvar, поехал в Индию.

По приглашению их правительства. Опыт передает... — Николай заулыбался. — А ты, небось, насчет марочки клинья подбиваешь?

— Тебе не все равно? — нахмурился Сергей.

— Тогда бывай здоров! — Коля покрутил кургузую кепчонку над головой и побежал, балансируя, по накатанной до блеска рельсе к широченным воротам — выходу из цеха. Как бы ни устал за смену, но если она прошла удачно, всегда у него хорошее настроение.

Сергей проводил взглядом напарника, поднялся в кабину сталеvoза и повернул рукоятку контроллера. Сталеvoз дрогнул и покатил, чуть покачивая ковшом, к пятому мартену.

«Но почему Городовиков спросил о матери? — вновь вернулся Сергей к своим мыслям. — Неужели что-нибудь случилось?» Как все казалось ясным до того дня, когда Люся — почтальонша принесла памятное письмо.

Месяца полтора назад Сергей, заметив в окно, что Люся пересекает двор, направляясь к общежитию, вышел из комнаты к ней навстречу. Обычно она оставляла газеты и письма у вахтера. Ребята потом подходили к столику и разбирали, что кому положено. Но Сергей, когда случилось быть дома, старался сам встретить почтальона. Ему нравилось получать почту из рук в руки.

Письмо письму рознь. И в этот раз, получив три (а бывало иногда и по десятку), Сергей сразу обратил внимание на конверт из Африки. Ему часто приходили письма из Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики, иногда из Франции, Италии, Англии... Но с африканского континента письмо пришло впервые и непонятно, от кого. Марка была погашена штемпелем города Оран, но обратный адрес и подпись Сергей сразу не разобрал. Повертел конверт, даже на свет посмотрел, сгорая от желания тут же распечатать.

А Люся обиделась. Поняла, что не слушает ее Сергей. Она говорила ему о том, что у них на почте девчата собираются всем коллективом сходить в драмтеатр на новую комедию о каком-то украденном консуле, а Сергей занялся конвертом. Конечно, если бы письмо было от знакомой, тогда другое дело. Но Люся хорошо знала: ни одна девушка Сергею не пишет. И это — из Африки — такое же. Однако Завязин явно не слушал ее, поддакивал невпопад, и ему, видимо, было совершенно безразлично ее присутствие.

Люся вспыхнула, оборвала себя на полуслове, схватила со столика тяжелую сумку и застучала каблучками по лестнице, к выходу.

А Сергей пожал плечами и поспешил к себе в комнату.

Он вскрыл конверт аккуратно, ножницами и хмыкнул от удивления. Оказывается, писал давнишний школьный приятель Валька Бурзин. После десятилетки он укатил в Ленинград, окончил там какие-то мореходные курсы и вот уже третий год плавал на танкере.

Случай заставил Вальку вспомнить о Сергее.

В алжирском порту Оран стояло несколько советских судов, в том числе и грузовой теплоход «Тимирязев». Однажды перед вечером помощник механика этого корабля увидел, что недалеко от теплохода перевернулась лодка с мальчишками. Двое плавали хорошо и, вынырнув, уцепились за лодку. А третий начал тонуть. Может быть, испугался или воды наглотался, когда падал. Одним словом, Кудимов — так звали помощника механика, — видя, что парнишке приходится туго, кинулся ему на помощь и спас.

Утром на теплоход явились родители мальчишки, долго и церемонно благодарили капитана, команду и, конечно, самого Кудимова, а потом пригласили всех в гости. Все, разумеется, не пошло. Капитан отпустил Кудимова и еще двух — для компании. Вернулись они на корабль поздно вечером, довольные и с грудой подарков.

«Так вот, — писал Валька, — отец спасенного мальчишки (юрист по профессии) подарил, помимо всего прочего, этому Кудимову альбом с редкими марками. У них в семье три поколения тот альбом собирали. Сам я не видел, но, говорят, марки очень интересные. Кудимову они ни к чему: просто память, он марками не интересуется. А я сразу о тебе вспомнил, тем более, что «Тимирязев» скоро пойдет в Мурманск. Если ты до сих пор такой же сумасшедший, каким был, прямой смысл тебе катануть в Мурманск и уговорить Кудимова. Мужик он простой — нас познакомили в порту. Между прочим, я ему сказал, что у меня есть дружок помешанный, фамилию твою назвал...»

Дальше Валька писал, когда, по его расчетам, «Тимирязев» прибудет в Мурманск. Рассказывал о своей службе, спрашивал о судьбе товарищей-однокашников. В этом году он встретил в Ленинграде их общего знакомого, тот ничего про ребят толком не знает, спасибо, хоть дал адрес Сергея...

Все это читалось уже невнимательно.

Валька Бурзин, крепыш и насмешник, добрый школьный приятель, ныне «пенитель моря», попал в самую точку. Он толкал Сергея на такую авантюру, от которой дух захватывало.

Три поколения собирали альбом, подаренный счастливицу Кудимову. Если принять во внимание, что история почтовых марок вообще насчитывает немногим более ста лет, то трудно даже представить, какие редкости могут оказаться в альбоме.

«Если ты до сих пор такой же сумасшедший...» Смейся, Валька! Смейся на здоровье. Ничуть не обидно. Что тут поделаешь: такой же, если не хлеще. Раньше, в школе, не очень-то можно было развернуться, не хватало, как сам любил пошутить, «тапеу в кармане». Мама, конечно, давала немного денег: она не особенно поощряла, но и не протестовала против этого увле-

чения. А теперь, когда стал работать сам, возможности резко возросли. Только за год удалось купить и обменять более трех сотен отличных марок.

Коллекция Сергея уже считалась среди знатоков одной из лучших в городе. Стоило ему замаячить у нотного магазина, где обосновывался по воскресеньям рынок филателистов, как сразу попадал в окружение солидной публики. Кое-кого он уже знал по имени-отчеству, и его навеличивали, как подобает.

Удивительно живописен был этот рынок. Страсть к маркам приводила сюда и пожилого хирурга, и выпускающего местной газеты, и генерала — он приходил обычно в штатском и лишь однажды показался в полной форме (занят был в выходной на службе, да душа не выдержала), подкатил ненадолго к нотному магазину на черной лоснящейся «Волге».

Одно описание завсегдатаев-филателистов могло стать своеобразной «галереей типов». И Сергея радовала не только удачно приобретенная марка — он с удовольствием общался с этими людьми, как правило, немало повидавшими в жизни, много знающими, в полном смысле слова интеллигентными. Его приятно удивило, что генерал, человек простоватый с виду, отлично владеет языком хинди и сносно говорит по-турецки. Хирург, известный в городе специалист, статный, холеный, убеленный сединами, был весьма остроумным и веселым собеседником.

А худенький, суетливый выпускающий из типографии газеты! Во время войны — это Сергей узнал стороной — он был одним из тех разведчиков, которые работали в глубоком тылу фашистов, и лично знал Николая Кузнецова. Говорили, что у него девять боевых наград, а год назад — Сергей сам читал — выпускающего за трудовую доблесть наградили в юбилей газеты орденом «Знак почета».

С особым уважением поговаривали также о филателисте, имевшем уникальную коллекцию марок, связанных с историей покорения Северного Ледовитого океана, жизнью его островов и прилегающих побережий. Коллекция эта якобы называлась «Полярная звезда». Но владельца ее Сергей никогда не видел и представлял почему-то похожим на Отто Юльевича Шмидта: героем северных широт, академиком, человеком пожилым, с окладистой бородой, очень жизнедеятельным...

Особняком, стайкой держались мальчишки. Они обычно общались друг с другом и редко осмеливались заговорить с «почтенными маркодержателями». Сергея они любили, поскольку сам Сергей был к ним неравнодушен. Может быть потому, что видел в них свое недавнее детство или просто не мог не симпатизировать всем тем, кто искренне увлекался филателией.

Как-то принес он на рынок редкую чешскую марку времен Масарика (у Сергея их оказалось две). Лишь заикнулся, как сразу подлетел какой-то заезжий знаток из тех, кто и во сне видит рубль умноженным на три. Схватил Сергея, поволок в сторону. А тут парнишка — шмыгает носом, курточка из вельвета коротенькая, глаза огромные. Увидел марку и задрожал весь: он собирал коллекцию по братским республикам. Такой марки у него не было. И денег, конечно.

Сергей оттолкнул перекупщика, взяв мальчишку за руку и вложил ему в ладонь марку.

— Держи крепче! На память!

Парнишка даже поблагодарить не смог, только глазами восторг выразил и сразу же, юркнув в толпе, побежал от нотного магазина. Перекупщик презрительно сплюнул и отошел, шаркая подошвами, в сторону: видали, мол, дураков!

Такие «жучки» бросали тень на всех филателистов, и неслучайно совсем недавно рынок прикрыли. Скоро должно было состояться первое «учредительное» собрание вполне официального городского клуба любителей марок...

Каждый обычно вел одну или несколько тематических коллекций: «Россия дореволюционная», «Советская Россия», страны Европы, Азии, Америки... Встречались и такие коллекции: «Первооткрыватели», «Художники, их картины», «Космос».

Сергей еще окончательно не определился в своих филателистических интересах. Шутил, что переживает пока «период накопления», а там что-то да и вырисуется. Альбом из Алжира, к примеру, мог бы послужить основой самостоятельной темы.

С некоторых пор Сергей понял, что у каждой марки, за исключением тех, конечно, которые прямо из-под печатной машины попадают в руки филателиста, есть своя «человеческая» история. Он любил старые, «поработавшие» марки, с четкой печатью времени и места, откуда они начали свой путь. Путь трудовой. Путь первый и последний. Иногда короткий, иногда долгий, но всегда, как доверие, оплаченный заранее, поскольку в ней, государственной марке, как бы олицетворялись и обязательность почты, и тайна переписки, и скорость, с которой предписано письмо идти по назначению.

А дальше... Дальше большинство марок пропало: они становились такими же ненужными, как конверты, из которых вынули письма. И только к некоторым судьба была снисходительнее — они попадали в коллекции. И эта — вторая их жизнь — была подчас не менее интересной, чем жизнь известных картин, реликвий, поименованных драгоценных камней.

Приобретая «заслуженную» марку, Сергей пытался узнать, как и когда она попала к ее прежнему владельцу. Но это далеко не всегда удавалось. Зато кое о каких марках Сергей мог рассказать две истории: ту, которая сопутствовала ее появлению на свет — историю, почерпнутую из книг и справочников, и вторую, коллекционную — какими путями дошла марка до Сергея.

Что и говорить, письмо Вальки-морехода нарушило равновесие. Альбом из Алжира сулил необыкновенное...

Чтобы встретить помощника механика Кудимова в Мурманске, как говорится, у причала, нужно было выехать самое позднее через два дня. А работа? Кто отпустит с работы? Об институте Сергей не беспокоился: там можно наговорить, что угодно, и сойдет. Лишь бы задолженности не было. Но завод...

Остаток дня Сергей ходил, как лунатик, ночью ворочался с боку на бок. А утром придумал. Пошел к Ивану Федоровичу Городовикову.

Вопрос о внеочередном отпуске могло решить только цеховое начальство, прежде всего старший электрик. Но, разумеется, в том случае, если никто из «младших командиров» не станет возражать. Поэтому Сергей и начал с Ивана Федоровича. Резолюция Городовикова на заявлении не требовалось, но заручиться поддержкой на-

чальника смены многое значило. С мнением Ивана Федоровича в цехе считались.

Прямо объяснить причину значило получить отказ. Никто, естественно, не разрешил бы машинисту сталевооза внеплановый отпуск ради какого-то альбома с марками. Смешно даже говорить об этом.

Сергей придумал ход. Сказал, что сильно больна мать и ему крайне необходимо ее навестить. Эта ложь была близка к истине. Мать Сергея страдала гипертонией. Писала не раз о том, что чувствует себя неважно и, конечно, как всякая мать, мечтает поскорее увидеться с сыном (Сергей давно уже не был в родной деревне, раскинувшей свои улицы на берегу полноводной Оби). Одно из этих писем и взял Сергей с собой для убедительности.

Иван Федорович слушал внимательно. Спросил, почему, собственно, Сергей сейчас решил ехать. Сергей был готов к такому вопросу.

— Знакомый вчера приехал, сказал, что очень плохо ей...

Городовиков вздохнул, полистал свою записную книжечку, где каждому рабочему смены была отведена страничка.

— Что ж, поезжай, — произнес он. — Хотя предвижу: нелегко будет твоему старшему с заменой... Вот если бы наша задумка реализовалась, то, сам понимаешь, отпала бы необходимость в машинистах сталевооза. Водил бы себе автомат тележку с ковшом — и ни забот, ни горя.

Тут-то и сорвался Сергей. Радуюсь, что с отпуском дело налаживается, наговорил Ивану Федоровичу семь верст до небес. И то, что новую схему уже составил, и у профессора консультировался, и расчеты почти закончил. Право же, одна неправда так и тянет за собой другую.

Городовиков выслушал все, поверил, повеселел. А Сергей только сейчас понял, в какое дурацкое положение поставил тогда себя и начальника смены.

Поездка в Мурманск удалась. Валька Бурзин недаром потренировался.

Кудимов долго не хотел расставаться с альбомом. Марки он не ценил. Ценил память. Однако то обстоятельство, что парень отмахал тысячи километров ради альбома, специально взял отпуск, а главное — то безграничное восхищение, с которым Сергей рассматривал марки, постепенно смягчило Кудимова. В конце концов он поддался уговорам. Сергей заикнулся о плате, но Кудимов отмахнулся.

— Знаю я, что ли, сколько они стоят? Может миллион, а может, десятку. Подарок ведь! Вот и бери за так, пока не передумал. — Он крепко стиснул руку Сергея. — Считай, что в честь нашей встречи. Ежели ты и на работе такой бешеный, то просто рад знакомству...

Как на крыльях летел Сергей на вокзал. Мир сверкал перед ним всеми цветами радуги, и даже Мурманск, суровый северный порт, казался гостеприимнее юга, и серые скалы побережья казались уютными гнездовьями попутного теплого ветра, и люди, все встречаемые люди — необыкновенно приветливыми и родными.

Лишь в глубине памяти, где-то в конечном блоке запоминающего устройства, изредка вспыхивала тусклой лампочкой какая-то неопределенная щемящая мысль. О вине перед матерью, которую действительно стоило бы навестить, перед

Городовиковым, который мечтает о цехе, где не придется в будущем простому рабочему соленым потом оплачивать рождение стали. Но счастье было столь велико, что мысли эти держались недолго. Кольнут и исчезнут, и их уже не разглядеть, как сломанную озорником, давно засохшую ветку в гуще весенней листвы, окутавшей дерево.

Поездка удалась.

Но расчеты автоматики к стазисовозу не двинулись ни на шаг.

Да если бы только эти расчеты!

История с Мурманском поглотила все же немало денег. Сергей влез в долги и, чтобы рассчитаться, вынужден был экономить даже в еде. Полмесяца жил на таком строгом режиме, что начинало уже мутить при виде ежедневной манной каши на завтрак, обед и ужин.

Пятерку, занятую сегодня у Прохорова, надо растянуть не меньше, чем на неделю.

За удачу с альбомом пришлось расплачиваться не только деньгами. Неприятности будто ждали его возвращения.

Уезжая, он ничего не сказал в деканате вечернего факультета института. Думал, семь дней — не такой большой срок, чтобы подняли шум. Но оказалось, что в эти семь дней, как назло, читался специальный курс, по которому нет еще учебника. Читал доцент из Новосибирского Академгородка и проводил собеседование, нечто вроде зачета. Все это Сергей пропустил. К тому же, не успел сдать вовремя курсовой проект. И на работу поступило письмо о том, что Завязин халатно относится к занятиям. Декан факультета просил общественные организации цеха соответствующим образом повлиять на Завязина.

Снова пришлось выкручиваться, да так, что уши горели.

Но главным ударом было письмо от матери. Она и вправду почувствовала себя очень плохо. Настолько плохо, что вложила в конверт записку к начальнику цеха с просьбой хотя бы на день-два отпустить сына. Но как мог Сергей кому-нибудь заикнуться об этой записке?! Достаточно было ее показать, чтобы обман выплыл наружу во всей своей неприглядности. И что можно было ответить матери, которую Сергей любил, любил по-настоящему? Как оправдаться в том, что не может приехать к тяжело больному родному человеку?

Сергей не находил себе места. Безвыходность положения, в которое он сам себя поставил, давила и угнетала.

Но на людях он старался не показывать и вида. Честно говоря, боялся. И мучился от этого еще сильнее.

А сегодня? К чему сегодня Городовиков заговорил о матери? Может быть, не дождавшись ответа от сына, она написала прямо на цех? А может быть, ей совсем худо, и начальству пришла уже телеграмма от врача?

Один вопрос Ивана Федоровича — и все

всколыхнулось в Сергее. И не легкой волной, не раздумчивой рябью, а девятым валом.

Сингапурская марка явилась всего лишь поводом. А может, и логическим звеном, которое замкнуло всю цепь?..

Смена уже перевалила через середину. Сергей гонял стазисовоз от мартена к мартену, к изложницам — принимал, развозил свежесваренную сталь и, отделенный от цеха сквозным металлическим каркасом кабины, все думал и думал...

Сингапурская марка... Очередная марка, которую он захотел приобрести к своей ненасытной коллекции. Даже в эти тяжелые дни он не мог оторваться от альбомов.

Все началось опять-таки с Люси-почтальонши. Она не умела долго сердиться. Вскоре после приезда Сергея из Мурманска она уже снова высчитывала время, когда можно застать его в общежитии и лично вручить письма. Ее даже радовало обилие этих писем: встречи были естественны, и говорить поэтому было легко. И смеяться легко. И расставаться не трудно. И увлеченность Сергея, вначале такая странная для Люси, стала теперь вроде бы и ее увлеченностью. Приятно ведь сообщить человеку, который тебе нравится, хорошую новость. Допустим, о серии новых марок, поступивших на почту. Пусть хоть по этому поводу оживится голубоглазый парень с черным беретом на макушке. Хороший парень. Чуть-чуть нелюдимый, но, видно, серьезный и добрый. Работает, учится, часто пишет матери, ей же шлет переводы. Последнее обстоятельство в ее глазах было особенно важным. Ей, Люсе, выросшей в детдоме, понятия «отец» и «мать» казались священными. А марки — это даже забавно. Такой высокий, самостоятельный парень — и млеет перед разноцветными пятнышками. Как ребенок перед конфетной оберткой.

Вчера Люся заговорщически приложила палец к губам и показала Сергею конверт. На нем

голубела продолговатая марка с морским пейзажем — легкокрылым парусником, бегущим по волнам.

— Сингапур... — прочитал Сергей.

— А посмотрите, кому, — сказала Люся.

— Городовикову...

— Вот именно. Мое дело — вручить ему письмо. А вы уж сами смотрите: если нравится марочка, то обращайтесь к Ивану Федоровичу.

— Марочка нравится, — сказал Сергей. —

Очень даже нравится. Спасибо за информацию.

— Пожалуйста, мне ничего не стоит... Правда, нельзя показывать почту посторонним, но вы ведь меня выдавать не станете? — Она не без кокетства взглянула на Сергея, и тот улыбнулся, впервые обратив внимание, что перед ним не только почтовая сумка, но и девушка, к тому же симпатичная. Бровки вразлет, взгляд с теплинкой, прическа нормальная, не то что у некоторых: лошадиным хвостом или копной соломы.

Люся неожиданно смутилась и побежала, придерживая сумку. Лишь у дверей, на секунду обернувшись, помахала рукой...

Так узнал Сергей про сингапурскую марку и поэтому подошел сегодня утром к Ивану Федоровичу... Легче было начать разговор с Кудимовым о целом альбоме, чем с Городовиковым — об одной марке. (Да и об этом ли следовало говорить!). И уплывал куда-то белоснежный парусник по бирюзовым волнам, и надвигались густым туманом неясные думы о чем-то главном и упущенном. Мысли об учебе и работе перемешались с мыслями о матери. Одна за другой... Одна другой горше...

Еще три года — и он получит диплом специалиста по радио и электронике. Сказать, что равнодушен к своей будущей профессии, нельзя. Но другие ребята, товарищи по курсу, действительно влюбленные в свое дело, готовы копаться в различных схемах ночи напролет. А он и знает, и умеет, и в то же время очень сдержан: еще ничего лишнего, что выходило бы за рамки программы, не создал, хотя бы ради собственного удовольствия. Такой пустяк, как карманный радиоприемник на транзисторах, начатый давным-давно, не удосужился собрать до сих пор. А это ли не удовольствие: куда ни пойдешь — голос и музыка рядом с тобой!..

— Эй! Завязин! — сквозь шум и скрежет провался в кабину голос Городовикова. Он стоял наверху, у мартена, схватившись за железные поручни. — Третья! Третья!..

Сергей глянул на третью печь и обомлел: из летки, разбрызгивая лучистые звезды, тонкой струей тек металл. С каждой секундой струя набухала и, падая вниз, расплескивалась горячим золотом между изложницами, расположенными в цементной выемке под самыми печами. Оранжевые блики заплясали на стенах цеха.

Что случилось? Третья печь должна была по графику дуть сталь через два часа. Шестая — раньше. И, ожидая, сталеваз стоял у шестой.

Что делать? Гнать к третьей? Но как? Сталеваз стоит у печи кабиной а не ковшом. Кабина ненадежна, только от брызг футерована сверху одним слоем кирпича. Поток стали может проломить эту легкую крышу.

Городовиков отчаянно жестикулировал, и Сергей понял: начальник смены предлагает пустить сталеваз и выскочить из кабины, обежать, следуя за машиной, опасную зону стороной, снова вскочить и тогда уже подвести ковш к потоку.

А если сталь все-таки проломит крышу кабины, выведет из строя управление? Тогда ничем уже не помочь. Расплавленный металл зальет все вокруг, намертво скует изложницы, не на один день парализует работу пролета, нарушит ритм всего цеха. Да и потом, где гарантия, что вскочив, Сергей успеет остановить сталеваз, даже если управление не пострадает? Городовикову, наверное, не видно из-за печи, что пути за первым мартеном, стоящим на ремонте, заняты сейчас платформой с запасным ковшом. Там, в этой огромной чаше, работают футеровщики. Они могут не услышать и не увидеть опасности. И все это может кончиться очень плохо. Нет, сталевазу покидать нельзя.

Поток стали все набухал, и тысячи искр взлетали над заливаемыми изложницами и рельсами, по которым бежать сталевазу.

Сергей крутнул колесо контроллера и повел машину назад, для разгона. Скорость — единственная возможность попытаться счастье. Но сколько удастся выжать из этой неповоротливой машины? Она рассчитана отнюдь не для гонок.

Однако, была не была!

На миг сталеваз замер, качнув ковшом. Сергей крутнул рукоятку контроллера в другую сторону, и, прогромыхая, все быстрее и быстрее машина заскользила навстречу огненному потоку, в гущу огня. В последний момент Сергей сдержнул ватник, накиннул его на голову.

Он, конечно, не видел, как кинулся к трапу, ведущему в разливочный пролет, Иван Федорович, как столпились вверх, у поручней, сталевары, не слышал, как смолкли отбойные молотки... Все, кто был в это время в цехе, поняли, на какой риск отважился машинист сталеваза.

Кабина и ковш бежали прямо под поток. Вот уже скрылись они в огненном фейерверке взметнувшихся искр, вот проскочил струю, и сталеваз резко замедлил ход. Вот он остановился. Кабину заволокло дымом, и еще нельзя было разобрать, жив ли Сергей Завязин. Но, снова дрогнув, сталеваз двинулся ковшом под поток. И тогда уже стало ясно: жив!

Сергея доставили в больницу с обожженными руками и раной на щеке — капля стали прошла ватник, опалила волосы и оставила рваный след, скользнув от виска к подбородку.

Вел себя Завязин странно. Все время молчал и смотрел куда-то в сторону. Ни разу не пожаловался на боль, ни о чем никого не попросил. Ночью сестра заметила, что он не спит, вытянул забинтованные руки, откинул голову на подушке, смотрит в потолок, а в глазах полно слез. Она подошла, окликнула Сергея, но тот и бровью не повел.

Выслушав утром сестру, врач сказал:

— Это ничего. Пройдет. Вроде шокового состояния. Он же вчера чуть весь не сгорел.

Скандал разразился перед обедом...

С утра Сергей терпеливо выслушивал ребят, которые приходили навестить товарища по цеху. Уже известно было, что Завязину за самоотверженный поступок приказом по заводу объявлена благодарность. Знали и причину аварии: сталь разъела летку и пошла произвольно из-за недосмотра первого подручного сталевара. Все это рассказывали Сергею, восхищались его смелостью, а он еле заметно кивал или ронял коротко: «Спасибо», «Не надо», «До свиданья»...

Пришла Люся, бледная, испуганная. Постояла у спинки кровати, взглянула на забинтованные до самых пальцев руки Сергея и, не сказав ни слова, вдруг заревела, выбежала из палаты.

Перед обедом явился фотограф, представлявший заводскую газету. Он хотел «запечатлеть героя» и деловито начал наводить на Сергея свой аппарат. Сергей схватил зубами одеяло и натянул его себе на лицо. Фотограф стал уговаривать, но, видя, что уговоры не действуют, потянул одеяло к себе. Тогда Завязин пнул его. Тот отлетел к стене и сел на плевательницу. Больные, находящиеся в палате, подняли крик. На шум прибежали сестры и няни и вытолкнули незадачливого репортера за дверь. Выяснилось также, что он проник в палату без всякого разрешения.

После этого врач приказал никого до особого разрешения к Завязину не пускать.

Следующую ночь у постели Сергея дежурила няня, но он вроде бы спал, и все понемногу успокоились.

А через три дня Завязин исчез. Пропал бесследно.

Вспомнили, что перед этим он неожиданно попросил врача выписать его из больницы, чтобы закончить лечение амбулаторно. Врач не согласился. Вспомнили также, что разрешили пройти к Сергею его приятелю и сменщику Коле Прохорову и они о чем-то долго шептались.

Нашли Колю. Прижали, что называется, к стенке.

— Ничего я не знаю, — сопротивлялся Прохоров. — И какое вам дело: человек болен, значит, на бюллетене. Что хочет, то и делает...

Но все-таки Колю вынудили признаться, и тогда стало ясно: Завязин уехал к матери. Коля сам купал ему билет, сам посадил в поезд.

Тенистая аллея тянется от завода к городу. Слева погромыхивают трамваи, справа проносятся автомашины, а тут на асфальтовой дорожке, среди зелени, смыкающейся над головой, спокойно и тихо. Двое мужчин идут по аллее. Один коренастый, уже пожилой, другой худощавый, высокий, с беретом на макушке, со шрамом на правой щеке — от виска к подбородку.

— ...Ладно, подумаем, — говорит пожилой. — Все-таки жена погибшего фронтовика, мать нашего рабочего.

— Нам, Иван Федорович, пока хотя бы комнату.

— Ладно, ладно, Сережа. Это в общем-то ты верно решил. И матери будет легче, и тебе спокойнее.

Ветер пробежал по верхушкам тополей, нырнул в аллею и закружил по асфальту, понес рано опавшие листья.

— Руки-то еще болят?

— Сейчас уже ерунда.

— А с больницей уладил?

— Врач и разговаривать не хочет, здорово сердит... А перевязки делаем.

— Ладно, что хоть так...

Под вечер солнце нежаркое. Дышится легко. Идти хорошо. А разговор не клеится, словно ускользает что-то важное, убегает, как пожелтевший лист, подгоняемый ветром.

— Слышал я, — говорит Иван Федорович, — что писем много получаешь?

— Пишут.

— Кто же, если не секрет?

— Друзья по несчастью...

— Но почему же, Сережа, — оживляется Городовиков. — Разве беда, что ты филателией увлекаешься?

— Вроде бы так. — Сергей не удивляется осведомленности Ивана Федоровича. Если почти все в общежитии знают, почему же начальнику смены оставаться в неведении. — Вроде бы так, — повторяет Сергей. — Знаю: ничего зазорного в этом нет. И все же почувствовал: сильно мешает.

— Возможно, возможно... Но, с другой стороны, на увлеченных весь мир держится. Конечно, разные страсти бывают... Знаешь Демидовича с пятой печи? Так заразился рыбалкой, что и дома совсем не видит. И работает спустя рукава, минуты считает, когда на озеро смотаться сможет...

«Что верно, то верно», — думал Сергей.

Стояли они как-то с этим Демидовичем в фойе Дворца металлургов. Подошел Коля Прохоров с ребятами из другого завода, знакомить начал. «Это, говорит, мой сменщик, машинист», — представил он Сергея. — А это — наш рыбак», — и показал на Демидовича. Ребята засмеялись: «Хорошо живете, если своя рыболовная артель при заводе есть». — «Да в том-то вся и штука, — не унимался Коля: — артели нет, по штатному расписанию не предусмотрена, а рыбака вырастили. С отрывом от производства. Как положено».

До Демидовича, помнится, дошел издевательский смысл Колькиного балагурства. Надулся мужик, рассердился.

Теперь не хватает, чтобы при случае тот же Колька представил и его, Сергея, уже не машинистом, а филателистом, тоже выросшим «с отрывом...»

Дико, наверное, прозвучало, если бы знакомый Сергею уважаемый хирург вдруг заявил: «Я, знаете ли, дорогие мои, оставил скальпель и перехожу целиком на марки». А ведь он давно мог уйти на пенсию и действительно посвятить себя только филателии!..

— ...Так-то,— продолжал Городовиков.— Для Демидовича, выходит, рыбалка уже не увлечение, а зараза. Тронулся человек. А увлечение, я понимаю, тогда хорошо, когда оно основному делу твоему помогает, ну, вроде отдыха, переключения, как говорят врачи...

Сергей смотрел прямо перед собой.

— Рассказывали мне тут про одного человека,— говорил Городовиков.— Марками занимается. Коллекцию собрал, «Полярную звезду». Может, слышал?.. Такая коллекция, что даже Ленинградский музей заинтересовался. Однако самому ему это работать не мешает...

На что рассчитывал Иван Федорович? Затронув болезную тему, растормошить Сергея? Очень уж за последнее время он изменился. Лицом осунулся — это понятно: до сих пор нездоров, до сих пор на больничном. И бинты еще не все сняты. Неясно Городовикову другое — какая-то озбоченность во взгляде Сергея, какая-то глубина, которой раньше не замечал.

Не получив отклика, Городовиков пытается переменить тему разговора.

— Между прочим,— произносит он,— ко мне

корреспондент центральной газеты приходил. Очерк о тебе писать собирается.

Сергея передернуло.

— Послали бы вы его подальше.

— Да ты что, на самом деле! Фотографа тогда чуть не изувечил!.. Или это не ты цех от аварии спас?

— Я вам скажу.— Сергей наклонил голову.— Я скажу... Там, когда я к маме ездил, то прочитал у них в газете, что шофер Черняк проявил трудовой героизм: в условиях бездорожья, распутицы вовремя доставил корма на ферму... А соседи рассказали мне, что тот же Черняк, когда общественными силами дорогу к фермам решили строить, первым взбунтовался: нашли, мол, ишака — за здорово живешь на дороге мантулить. За ним и кое-кто другой пошел. Словом, не удалась затея... А тут дожди. Развезло. И Черняк отличился: по бездорожью машину загнал, но корма привез. А выходит, была бы дорога, и машина бы дольше сохранилась, и подвига никакого. Просто — честная работа...

Иван Федорович даже шаги замедлил.

— К чему это ты, Сережа?

— К тому,— Завязин прямо взглянул на Городовикову.— Если бы сталевозом управлял автомат, сработанный этими руками,— Сергей кивнул на бинты,— то разве была бы надобность директору писать приказ о героическом поступке?..

Не ждал сейчас такого признания Городовиков, никак не ждал.

— А сколько мы теряем на этих авралах и средств, и сил, а может быть, и жизней? — Сергей говорил горячо.— Но главная доблесть — не гнать по бездорожью, а строить дорогу, если есть возможность... и совесть. А подвиг — кто ж его отрицает? Был и будет. В исключительных обстоятельствах. Настоящий подвиг.

Они уже не шли, они стояли друг против друга, увлеченные, не замечающие прохожих.

— Осенило, значит? — попробовал пошутить Иван Федорович.

— Нет. Опалило.

— Да, метко сказано... Только сам же ты в исключительных обстоятельствах... — Иван Федорович вдруг замолк и добавил уже другим тоном: — Разумеется, при условии, что автоматика не готова.

— То-то, «не готова», — невесело усмехнулся Сергей.— Вы же сами меня, Иван Федорович, к этому подводили. Так вот и получилось... А корреспондент пусть пишет. Только прямо ко мне его, пожалуйста, пришлите. Пусть точно пишет, как было на самом деле...

— Я не помешаю?

Люся в нарядном платье, порозовевшая от смущения, неожиданно оказалась рядом. Сергей совсем забыл, что здесь, на этой аллее, они назначили встречу.

— Ну, ладно, я пойду.— Иван Федорович искося посмотрел на Люсю и полез в боковой карман.— Это, Сережа, возьми себе... Для моей «Полярной звездочки» она, между прочим, никак не подходит... — и протянул Завязину продолговатую марку, где белый точеный парусник скользил по лазурному морю.

ХУДОЖНИКИ БАШКИРИИ

А. Бурзянцев.

УРАЛЬСКАЯ БЕРЕЗА

ХУДОЖНИКИ БАШКИРИИ

В ноябре этого года в Свердловске откроется большая выставка „Урал социалистический“. На ней покажут свои работы художники уральских областей и автономных республик.

На выставке будут картины и скульптуры о далеком историческом прошлом, о революционной борьбе трудящихся Урала, о великом Ленине и его верных соратниках. Центральное место в экспозиции займут произведения, повествующие о нашей действительности, о созидательном труде уральцев, о жизни индустриальных гигантов, о раздолье колхозных полей. Портреты передовиков, знатных людей науки, культуры познакомят зрителей с гордостью Урала — его трудовой гвардией.

Художественная зональная выставка „Урал социалистический“ станет крупнейшим событием культурной жизни Урала за все последние годы. С сентябрьского номера „Следопыт“

начинает публиковать произведения, уже принятые выставком. Вклейка этого номера посвящена художникам Башкирии.

Чудесен тот край! Широкое приволье степей разбивается о подножья древних гор, в голубизну неба врезаются нефтяные вышки, степной скакун спокойно, как на родных братьев, смотрит на мчащиеся по дорогам машины...

И обо всем этом — новом и старом, о прекрасной природе, о счастливой жизни советской Башкирии расскажут художники республики.

Ф. Лутфуллин стремится к глубокой психологической содержательности образов. Он пишет картину о национальном башкирском празднике — сабантуе. Скульптор Б. Фузеев запечатлел людей труда. Он подчеркнул в них физическую силу, красоту интеллекта. Р. Нормухамедов тяготеет к жанру, композиционному портрету.

А. Пантелеев.

МАЙСКОЕ УТРО

Особенно значительны достижения художников Башкирии в пейзажной живописи. В этом немалую роль сыграл один из старейших мастеров республики А. Тюлькин.

Широкую известность приобрело творчество Б. Домашникова. Это тонкий живописец, умеющий передать и проникновенную лирику и обаяние природы, и острое чувство современности.

В пейзажах А. Бурзянцева башкирская земля словно купается в насыщенном звучном цвете.

...На синем небе, натянутом крепко, до звона, ветер разметал ветви могучей березы, наполненные соками земли. Прославление радости, неуспокоенности жизни — вот смысл этого полотна.

Напротив, в умном величии, покое передана большей частью природа в пейзажах А. Пантелеева. Они сдержаны, внутренние силы земли словно еще скованы. Природа и человек... Но А. Пантелеева привлекает и индустриальный пейзаж, где он стремится передать красоту нового, входящего в вековую жизнь природы.

В Башкирии работает художник-керамист Т. Нечаева. Ее квартира — музей красочной керамики. К выставке она приготовила большой чайный сервиз, в котором использовала национальные башкирские мотивы. Он доставляет большую радость звучностью красок, притягательной силой их таинственных переливов.

Мы познакомили читателей журнала далеко не со всеми художниками, которые живут и творчески интересно работают в Башкирии. Мы надеемся, что встреча с ними на выставке „Урал социалистический“ будет более продолжительной и обстоятельной.

Б. Павловский

А. Пантелеев.

КРЕКИНГ

Т. Нечаева.

БАШКИРСКАЯ КЕРАМИКА

ПО СТАРОМУ АДРЕСУ.

Фото А. Мусина

ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ

В. КРАПИВИН

Рисунки Ю. Ефимова

Дождь шел давно. Отражения фонарей растекались по черному асфальту, как яичные желтки по сковородке.

Деревья, дома, заборы, газетные киоски и гипсовые горнисты у входа в маленький сквер привыкли к такой погоде. Они уже вымокли, как только могли, и теперь им было все равно. И каждый продолжал заниматься своим делом: деревья качали ветками, заборы держали на себе сырые афиши о приезде московского цирка, дома хлопали парадными дверями и светили разноцветными окнами, а горнисты держали у губ свои фанфары и готовились затрубить, если что-нибудь случится.

Только газетные киоски ничего не делали. Они уже были закрыты и обиженно блестели темными стеклами.

А трамваям дождь нравился. Вымытые

вагончики так сверкали красными боками, словно их только что выпустили с завода. Они бегали по городу особенно резво, звонили весело-весело и на каждом стыке проводов рассыпали изумрудные влажные искры. Это были даже не искры, а лоскутки зеленого пламени. Они сыпались на мокрые крыши трамваев, на блестящий асфальт и шипели.

К маленькому скверу, который охраняли гипсовые горнисты, подкатил трамвайный поезд из трех вагонов.

Пассажиров было немного, и кондукторша хвостового вагона дремала, опустив подбородок на грудь. Это была опытная кондукторша и, даже задремав, сохраняла строгий вид. Со стороны казалось, что она просто рассматривает висящую на груди сумку со сверкающим запором и голубыми катушками билетов.

Она проснулась, как только в вагон вошел мальчик.

— Бери-ка билет! Ну, живенько...

Мальчик сунул руку в карман куртки. Потом пошарил в карманах брюк. Он не нашел трех копеек и молча повернулся, чтобы уйти.

— А ну, постой...

Кондукторша уже совсем прогнала дремоту. Она глянула вслед мальчику и поняла, что он долго шел под дождем. Волосы его слиплись в длинные пряди, а на шее склеились в тонкую косичку. Капли скатывались по косичке за воротник разбухшей от дождя куртки. В ботинках, конечно, хлюпало.

— А ну, постой! — прикрикнула кондукторша. — Гордый какой... Куда едешь-то? На ночь глядя.

— До цирка, — сказал мальчик и обернулся. Ему было все равно. Он даже не помнил точно, идет ли этот трамвай до цирка.

Кондукторша, ворча, оторвала билет:

— Возьми. А то пойдет контролер...

Мальчик взял билет мокрыми пальцами. Он не сказал спасибо: наверно, забыл. А может быть, не хотел. Он стоял и, прищурившись, смотрел, как за окном плещется дождь. Мальчик не боялся дождя и в трамвай сел только для того, чтобы дальше уехать от дома.

Куда? Хоть куда. Его гнала обида.

Вагон дернулся и пошел.

Кондукторша снова опустила на грудь

подбородок. И снова стало казаться, что она рассматривает сумку с голубыми роликами билетов.

Трамвайные лампочки горели дрожащим светом. Во время дождя лампочки всегда светят слабее. А по мокрым стеклам пролетали разноцветные пятна — от зеленых и красных букв на горящих вывесках магазинов. Это было красиво. Но мальчик совсем не думал о разноцветных пятнах. Он смотрел, все так же прищурившись и опустив уголки губ. И думал совсем о другом.

Потом ему захотелось сесты. Он почувствовал, что устал. Человек быстро устает, если у него обида. Она оттягивает плечи в сто раз сильнее, чем тяжелая намокшая куртка. Куртку, в конце концов, можно снять и выжать. А что делать с обидой?

Мальчик решил сидеть и ехать. Просто сидеть и просто ехать, пока идет трамвай. А что будет потом, он и сам не знал.

В вагоне было много свободных мест, но мальчик не хотел сидеть рядом со взрослыми. Они будут сердито поджимать губы, хмуриться и отодвигаться подальше от промокшего насквозь мальчишки.

На одной из скамеек устроилась у окна девочка. Мальчик видел светлые завитки на ее затылке, маленькие косы с растрепанными концами и откинутый серый капюшон, усыпанный темными крапинами дождя.

Мальчик шагнул к скамейке и хмуро, мельком глянул на девочку. Она оторвалась от окна, чтобы тоже взглянуть на незванного мокрого соседа. И от неожиданности мальчик чуть не сказал «здравствуй».

Это была знакомая девочка.

Правда, не очень знакомая. Мальчик ее знал, а она его, наверно, не знала.

Осенью, зимой и весной он встречал ее почти каждый день.

Он учился в двадцать первой школе, а она, видимо, в тридцать второй. И, наверно, тоже в шестом классе. По крайней мере, уроки у них всегда кончались в одно время. Домой мальчик шел по Садовой, а девочка — по Чехова. На Первомайской они попадались на встречу друг другу.

Мальчик сначала не обращал внимания. Обыкновенная девочка. И запомнил ее он только потому, что видел очень часто, и еще потому, что у нее была черная меховая шапка, похожая на свернувшуюся кошку. И было немножко смешно смотреть, как большая шапка напозала на лоб, когда девочка спешила. А она почти всегда спешила: ходила быстро, чуть наклонялась вперед и нетерпеливо глядела на подруг. И куда торопилась? Из-под шапки маленькими соломенными кольцами выбивались волосы и перепутывались с длинным черным мехом. В общем, самая обыкновенная девочка. Мальчик просто привык видеть ее по дороге из школы. Так же, как привык видеть, например, милиционера в стеклянной будке на углу или часы на здании сельхозтехникума. А может быть и не так... По крайней мере, когда сняли часы, он не чувствовал никакого беспокойства, а когда целую неделю не встречал на Первомайской эту девочку, шевелилась какая-то тревога.

А когда встретил снова, почему-то стало весело. И тогда он разозлился, покраснел и укордкой глянул на Серегу Дерябина, который вышагивал рядом. И решил с тех пор на девочку ни разу больше не смотреть. Больно ему надо таращить глаза на встречающих девчонок!

Но человеческий характер устроен очень глупо. Только что-нибудь решишь — сразу же хочется сделать наоборот.

А однажды в конце марта, когда всю разгоралась весна, юго-западный тяжелый ветер забил небо серыми облаками, и начал падать липкий снег. Падал и падал, гнул тополя, затягивал черные лужи, цеплялся за провода. Сам просился в ладони, которые ловко лепили скрипучие шарики-снежки.

— Полундр-ра,— процедил Серега, когда шли из школы.— Прямо по курсу противник.

Противник в черной шапке шел навстречу. Он, как всегда, торопился и о коварных дерябинских планах не догадывался.

Серега нагнулся за снегом. Нагнулся и мальчик. Взять да как засадить по мохнатой шапке! Тогда узнает... А Дерябин уже щурил левый глаз и отводил назад руку со снежком. Рука у него была точная, глаз — тоже точный. И как это получилось? Мальчик сам не понял. Вмиг распрямился и будто случайно закрыл девочку.

А потом, повернув к Сереге заляпанное снежным ударом лицо, сказал сквозь зубы:

— Глядеть надо...

Ничего не ответил раздосадованный и смущенный Дерябин. Разве он мог догадаться?..

Пришло лето, и мальчик перестал ее встречать. И забыл.

Но сейчас он сразу узнал ее, хотя не было шапки, похожей на лохматую кошку.

Мальчик сел рядом. Он садился осторожно и все-таки зацепил ногой зонт, который лежал на коленях у девочки. Нахмурился, отвернулся и неловко мазнул ее мокрым рукавом по плечу.

— Не бойся, он непромокаемый,— сказала девочка, потому что мальчик суетливо прижал свой локоть и отодвинулся на самый краешек.

— Никто и не боится,— пробормотал он и стал рассматривать пол трамвая. Пол был покрыт решеткой из тонких реек. К рейкам прилипли промокшие билетики...

— Плохо, когда без зонта,— негромко сказала девочка. В ее словах не было девчоночьей жалости. Было только скуповатое сочувствие. И мальчик, подумав, ответил:

— Чего ж хорошего...

— А дождь все хлещет.

Это было уже лишнее. Видно, ей просто хотелось поговорить. И, кроме того, дождь не хлестал. Он сыпал частые капли. Мальчик так и сказал:

— Ой, «хлещет»... Не сочиняй.

— Это я сочиняю? — обиделась она. — Ну и пусть. На небе ни облачка, на улице сухо. И ты совсем сухой.

— Тебе хорошо,— сердито усмехнулся мальчик. — В плаще да еще под зонтом. Как под крышей.

— Мне хорошо,— сразу согласилась девочка и почему-то вздохнула. Потом сказа-

ла: — Зонтик не мой. Мамин. Она впереди сидит, вон там... А ты почему без зонтика?

— У меня нет зонта, — отчетливо произнес мальчик. — А если бы он был, я сейчас сидел бы дома. В том-то и дело.

Он с удовольствием увидел, что девочка удивилась.

— Без зонта ходишь под дождем, а с зонтом... дома?

— Да, — сказал мальчик. Сжал губы и прищурился. — Что, непонятно?

— Ты вообще какой-то... — немного обиженно сказала она.

— Какой? — хмуро спросил он и добавил: — Что я, виноват? Раз так получилось...

— Как?

Это слово девочка произнесла очень равнодушно. Будто просто из вежливости. Но мальчик видел, что ей интересно.

Он перестал сердито шуриться.

Все-таки это была немного знакомая девочка и разговаривала с ним, как со знакомым. И однажды он спас ее от прямого попадания снежком. А снежок был крепкий. Правда, она ничего не знала, но это, подумал мальчик, даже лучше. А рассказать про свою неудачу хотелось. Ведь даже самым сильным и гордым людям хочется иногда поделиться с кем-нибудь своей горечью. От этого делается легче.

— Понимаешь... — вздохнул мальчик и пошевелил раскисшим ботинком. — Понимаешь, — повторил он уже решительнее, — я сделал открытие.

Он хотел сказать «изобретение», но получилось не так. Слово «открытие» само прыгнуло с языка. И, может быть, мальчик был прав...

Для него это и в самом деле явилось открытием. Оно случилось три дня назад. Тогда еще не было дождя, а было яркое солнце.

Мальчик стоял на крыше сарая и держал над собой зонт.

— Прыгай! — кричали внизу мальчишки.

Мальчик не прыгал.

— Забоялся, — сказал самый маленький и толстый из приятелей и презрительно оттопырил нижнюю губу.

Мальчик молчал.

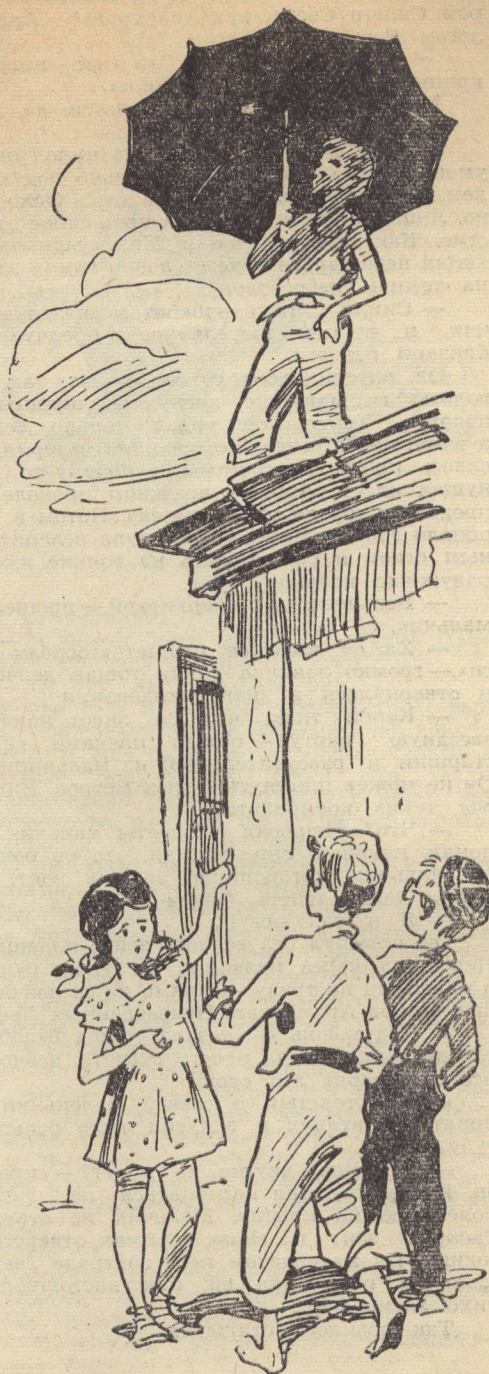
С земли сарай казался очень обыкновенным — старым и невысоким. До нижней кромки пологой крыши всего три метра. Обыкновенным был и мальчик. Невысокий, тонкорукый, с выгоревшими волосами, по которым уже скучали ножницы. Загорелый, как и все мальчишки в августе. В синей майке, которая выбилась из-под ремня. Конечно, он не очень походил на героя. Но ведь и трусом до сих пор он не был.

А сейчас стоит и не прыгает.

— Забраться да как дать ему! — предложила тощая белобрысая девочка, одна из тех, которые всегда вместе с мальчишками участвуют во всех опасных делах. — Тебе говорят! Прыгай давай! Или съезжай на брюхе! А других не задерживай.

Мальчик не отвечал.

В небе двигались облака. Большие, круглые, как желтые аэростаты. И сарай, который казался с земли обыкновенным, плыл на-

встречу облакам, будто поднятый в небо корабль.

А двор напоминал поверхность планеты, увиденную с космической высоты. Островки пыльной травы, пересыпанной седыми шариками одуванчиков, были похожи на зеленый архипелаг, а дождевая вода в бочке у сарая, словно круглое озеро в отвесных берегах, светилась глубокой синевой.

Мальчик любил всему на свете давать имена и названия. Они всегда придумывались

сразу. Зеркальце воды в бочке он назвал Озером Синего Света, а пятна травы — Архипелагом Неведомых Лесов...

— Да прыгай же! — Это изо всех сил крикнула белобрысая девчонка.

Мальчик, наконец, спохватился: да, пора. И поднял зонт.

Черный зонт был похож на купол цирка, уменьшенный в сотни раз. Только под куполом всегда сверкали лампы, а здесь было темно. Лишь одиноко светилось крошечное отверстие. Как прокол иголки. Микроскопическая капля неба горела в нем, словно синяя звезда на темном небосводе.

— Синий Сириус, — шепотом сказал мальчик, и в нем шевельнулось предчувствие близкой радости.

Он опустил зонт совсем низко, так, что волосы на макушке коснулись шуршащего полотна. Теперь он видел только землю, а вместо неба везде была черная материя, насквозь прогретая солнцем и почему-то пахнущая клеем. Лишь в звездном проколе по-прежнему горела яркая синева. Потом в него попало солнце. Звезда вспыхнула ослепительным огнем и рассыпалась на тонкие лучи и радужные кольца.

— Вспышка сверхновой, — прошептал мальчик.

— Ха, он, кажется, шепчет «господи спаси», — громко заявила внизу тощая девчонка и отвернулась в знак негодования.

— Какой толк, что он знает наизусть звездную карту? — пожал плечами самый старший и рассудительный из мальчишек. — Он не может прыгнуть с трех метров. Видали мы таких космонавтов!

— Что? — спросил с высоты мальчик. Он понял, наконец: они решили, что он боится!

Мальчик неторопливо закрыл зонт: его нужно было теперь беречь.

— Я и так могу!

Он прыгнул без всякого зонта-парашюта! Перелетел через поленицу и упал руками и коленями на траву — прямо на самый большой остров Архипелага Неизведанных Лесов...

— Подумаешь... — сказала тощая белобрысая девчонка. Когда нечего сказать, девчонки всегда говорят это слово.

Самый толстый и самый маленький из приятелей втянул и закусил свою большую губу.

— Думаешь, другие не могут? — спросил он. И, пыхтя, стал карабкаться по шаткой поленице на крышу. Мальчик не ответил. Раскрыл зонт и снова поймал отверстием солнце. На матерчатом небе заиграла звезда. Мальчик подмигнул ей, как настоящей, и тихо засмеялся.

Так родилось открытие.

Он не мог это рассказать девочке. Было бы долго и непонятно. Он только объяснил:

— Я хотел сделать планетарий. Маленький планетарий, складной. Надо на зонт нанести все созвездия. Понимаешь? Раскрыл зонт — и над тобой звезды! Надо только на месте звезд сделать иглою проколы. И можно будет днем узнавать, где какие звезды, хоть их и не видно. Только нужно заранее высчитать, как установить зонт...

— А ты знаешь все звезды? — удивленно спросила девочка. — И высчитал, да?

— Да, Я проверял ночью...

Ночь пахла травами, речным туманом и остывающим асфальтом тротуаров.

Мальчик сошел с крыльца. Три этажа потаскивших окон тускло блестели. От нагретых за день стен веяло теплом. Дом был похож на большой пароход, приплывший из жарких стран и уснувший у своего причала.

А старый сарай в глубине двора выступал, как большая темная скала.

Мальчик пересек двор и забрался на сарай.

Сейчас все было не так. Травяные пятна-островки исчезли в темноте. Дождевая вода в бочке совсем не напоминала маленькое озеро. Она была черной, и в ней неподвижно висели две звезды. Словно кто-то прорыл земной шар насквозь, и сейчас из этого круглого колодца на мальчика смотрели звезды южного неба.

Под майкой у мальчика стучал будильник. Стучал испуганно, как сердце спрятанной за пазуху птицы. Он не понимал, зачем его стучили с уютной тумбочки, сунули между майкой и голым животом и понесли неизвестно куда. Маленький комнатный будильник не догадывался, что ему придется стать астрономическим хронометром.

Мальчик вытащил его и поставил рядом на доски. Оказавшись на свободе, будильник сразу успокоился, застучал деловито и совсем по-домашнему.

Потянуло сыростью. Это проснулся на минуту не сильный, но прохладный ветер. Мальчик поежился, подтянул колени и обнял себя за плечи. Светящиеся стрелки показывали, что до полуночи еще десять минут.

Мальчик стал смотреть в небо.

В черной глубине влажно сияли звезды. Мальчик хорошо знал карту северного неба. Он мог даже по памяти нарисовать ее. Но, конечно, он помнил только главные, яркие звезды. Те, из которых складываются лямкие контуры созвездий. А сейчас, будто стараясь помочь мальчику, небо опрокинуло на него все запасы искристого света.

Чем дальше он смотрел, тем больше звезд проступало в бесконечной черноте. За самыми близкими и горячими светились другие, не такие яркие, но зато их было больше. А за ними мерцала целая россыпь далеких искр. Но это не все. Приглядевшись, мальчик увидел, что небо сплошь усеяно тончайшей звездной пылью. Эта пыль сгущалась в туманную полосу Млечного Пути и светлые островки других галактик.

Мальчик растерялся. Он не мог запомнить столько! Этого не было на карте!

Но потом он заставил себя успокоиться. Он подумал, что ему нужны только главные звезды. Вот те, из которых сложены Медведицы, Кассиопея, Персей. По крайней мере, для начала... Это благодаря им ночное небо кажется знакомым. Они, как большие деревья, по которым находят дорогу в густом мелколесье; как главные острова, по которым моряки узнают очертания архипелагов...

Он думал так, но продолжал отыскивать

глазами все новые и новые искры. В каждой из них светилась, дрожала тайна.

Черный космос висел над мальчиком, рассыпав свои сокровища. Лениво шевелился ветер, сырой и зябкий. Казалось, что космический холод тяжелыми каплями просачивается в теплый воздух Земли и растворяется в нем сыrovатой свежестью. Мальчик вздрагивал. Но холодное дыхание неба для него было все равно что для морехода ветер, зовущий в дорогу.

И мальчик встал.

Он отчетливо почувствовал, что далеко-далеко, может быть, вот у той чуть заметной звезды, на такой же пахнущей травами и туманом планете, на крыше старого сарая сидит, подтянув к подбородку коленки, мальчишка и ежится в тонкой майке от холода. И смотрит на желтую искорку — Солнце. Смотрит и не уходит. Может быть, и он сделал открытие?

Резкий трезвон безжалостно распорол тишину. Мальчик вздрогнул и пяткой прижал кнопку звонка. Будильник опрокинулся и обиженно замолчал. Пришла полночь.

Мальчик отыскал в небе Полярную звезду и взглядом провел от нее точную линию на север — до темного горизонта. Потом — на юг, на восток и на запад. Взгляд его стал прищуренным и цепким.

Мальчик запоминал.

Конечно, он не был силен в астрономии, но кое-что знал и рассуждал просто: небо вращается вокруг Полярной звезды и за двадцать четыре часа делает полный оборот. Так кажется с Земли. Значит, за час звезды проходят двадцать четвертую часть круга. И можно определять, где они находятся в любое время дня и ночи, только для начала надо знать, как они стоят в полночь.

Теперь мальчик знал и это.

Созвездия были у него в плену...

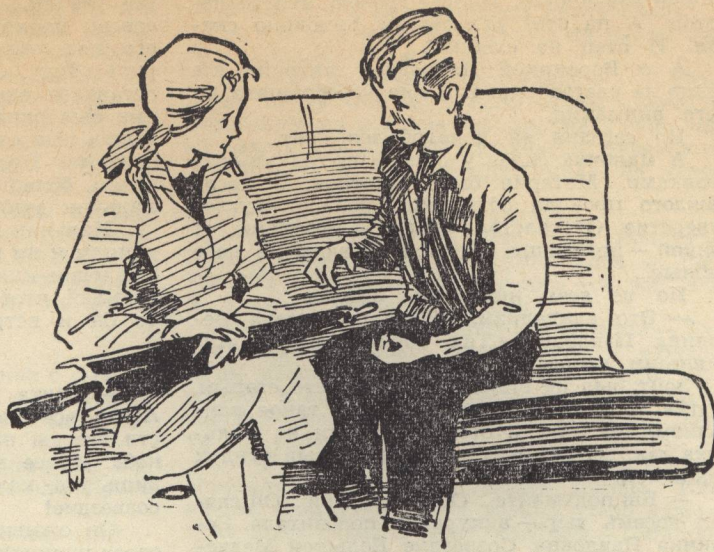
— Я все проверил и высчитал, — сказал мальчик.

— А дальше? — спросила девочка.

— А дальше... все. Ведь зонта у меня нет.

Зонт был. Тот самый, с которым он хотел прыгать с крыши. Валялся он за шкафом, потому что и отец и мать мальчика в непогоду надевали плащи. И мальчик считал его своим.

Глупо все получилось. Из-за этой сушеной скуки — Вероники Павловны. Все вечера она сидела дома, а сегодня, в такой дождь, заявила, что пойдет к друзьям своего мужа. У нее, видите ли, там дела. Муж оставлял у этих друзей какие-то важные материалы, она должна их взять. Это важные материалы. Они имеют отношение к его неоконченной доктор-

ской диссертации...

— А может быть, завтра, Вероника Павловна? — осторожно спросил отец.

— О, нет, нет, — сказала она.

У нее был маленький подбородок, серые губы и скорбные глаза с нарисованной вокруг синевой. И еще большие цыганские серьги — золоченые полумесяцы. Зачем она, такая интеллигентная особа, таскает в ушах это средневековые, мальчик никак не мог понять. Он спросил об этом у отца.

— Не твое дело. Нечего хихикать над старшими, — рассердился отец.

Вероника Павловна была женой папиного брата. Брат умер три года назад, а супруга его ежегодно приезжала в гости. Каждый раз она жила в гостях по две недели. Днем она скучала в комнатах одна, а по вечерам заводила разговоры о муже, который так и не написал до конца диссертацию об исследованиях каких-то ископаемых рукописей. Не успел. Но все-таки он был кандидатом наук, и Вероника Павловна этим весьма гордилась.

Мама и отец почему-то перед ней робели. Может быть потому, что они не были кандидатами наук и ничего не понимали в исследовании новгородских грамот, написанных на бересте?

Смешно!

Веронику Павловну считали близкой родственницей, но звали по имени и отчеству. Только мальчик никак ее не звал.

— Почему ты с ней не разговариваешь? — спросил отец.

— О чем?

— Ты вот порассуждай! — пригрозил отец. — Разболтался совсем. Возьмусь я за тебя...

— Ой, — тихонько сказал мальчик. Такая была у него привычка. Он сам ее не любил. И ребята иногда дразнили: ойкаешь, как девочка. Но отвыкнуть мальчик не мог. Он по-разному говорил свое «ой»: то с насмешкой, то с удивлением, то с равнодушным зевком,

то еще как-нибудь. Иногда громко, иногда шепотом. А на этот раз совсем тихонько сказал. И отец не слышал.

А с Вероникой Павловной мальчик все равно не разговаривал. И она не обращала на него внимания.

Но сегодня ей понадобился зонт.

А мальчик сидел у окна и протыкал зонт иголками. Материя была плотной, и после каждого прокола оставалось ровное круглое отверстие. От толстой иголки — побольше, от тонкой — поменьше. Ведь и звезды на небе разные...

Но не всем интересны звезды.

— Это вандализм, — сухо произнесла Вероника Павловна. — Так обращаться со старинными вещами!

Зонт был не старинный, а просто старый. Кроме того, было непонятно, что такое вандализм. Но мать и отец взглянули на мальчика так, словно он уничтожил целый сундук ценностей.

— Вы подумайте... Одна, две, три... Он сделал восемь дыр, — аккуратно подсчитала Вероника Павловна. Созвездие Большой Медведицы было для нее просто дырами.

— Семь, — сказал мальчик. — Одна была раньше.

— Ты поговори! — вскинулся отец. И поспешно обратился к Веронике Павловне. — У меня есть изоляционная лента. Я сделаю заплатки и подклею изнутри.

Вероника Павловна оскорбленно поджала губы: вдове кандидата наук предлагали зонт с заплатами.

— У наших с Дмитрием детей такой поступок не остался бы безнаказанным.

У нее не было детей.

— Это само собой, — заверил отец.

Качая тяжелыми полумесцами, Вероника Павловна покинула комнату.

— Только и знаешь, что позорить перед людьми! — с непонятным отчаяньем произнесла мать.

— Перед людьми... — сказал мальчик. У него были длинные прямые ресницы. Когда мальчик смотрел без обиды, широко и весело, ресницы торчали вверх. Но когда прищуривался, глаза его словно ошестинивались.

Отец, маленький, сердитый и потому какой-то колючий, неумело застучал кулаком по столу.

— Ты порассуждай! Ты пощурься у меня! Ты как смеешь!

— Тише, — умоляюще сказала мама.

— Если бы вам жалко было зонта, — чувствуя закипающие слезы, сказал мальчик. — А вам ведь не жалко. Вы для нее стараетесь... Боитесь, что ли?

— Молокосос! — тонким голосом закричал отец. — Щенок! Вон!

Нет, мальчик ничего не крикнул в ответ и не хлопнул дверью. Он тихо вышел на лестницу, лег животом на перила и стал смотреть вниз, в узкий черный пролет. Дом был старый, и на лестнице пахло сырой штукатуркой и керосином. Обида царапала горло, и в глазах становилось горячо. Тогда мальчик медленно спустился и вышел под дождь.

Он ничего не имел против того, чтобы простудиться насмерть. Ну, не совсем насмерть, а так, до воспаления легких. Тогда бы

все узнали... Но дождь оказался добрым. Он совсем не хотел губить мальчишку. Принял его под теплые струи и постарался растворить обиду. Обида не растворилась, от нее оставался едкий и мутный осадок. Но мальчик был благодарен дождю. Теперь они оказались вдвоем против тех, кто укрывался под зонтами. Правда, таких прохожих было немного, большинство предпочитало плащи. Но мальчик думал о зонтах и видел только их.

Мальчик долго шел по блестящим от воды улицам и ни разу не спрятался в подъезд или под навес книжного киоска. А потом он сел в трамвай, чтобы уехать далеко от дома. Здесь-то он и встретил девочку.

— Зонта у меня нет, — сказал мальчик. — А так все очень просто было бы. Надо нанести звезды на зонт, как на карту северного неба. И все в порядке. Потом только поставишь его, как надо, и сразу ясно, где какое созвездие!

Он оживился. Обида немного притихла, и снова начинала звенеть в нем радостная струнка. Ведь можно отобрать зонт, но отобрать открытие нельзя!

— Я сейчас объясню, как это надо делать, — говорил мальчик. — Главное, запомнить, где Полярная звезда. Это легко. Надо только знать, где север, а потом...

— Ох, подожди, — перебила девочка. — Я же совсем бестолковая. Ты сначала нарисуй, а потом объясни. По нарисованному.

— Как... нарисуй?

— На зонте, — просто сказала она. — Вот. — Вынула кусочек мела, который есть в кармане у каждой девчонки, чтобы чертить на асфальте «классы». — Не обязательно же иголкой. Можно и мелом звезды отмечать. Да? Мне такой зонтик знаешь как пригодится!

И как он сам не догадался? Мелом даже лучше! Ведь проколы ночью не увидишь, а меловые точки можно рассмотреть при самом слабом отблеске света. Значит, и пасмурными ночами он сможет отыскать в небе звезды!

Девочка открыла зонт.

— Ты правда помнишь все созвездия?

Мальчик снисходительно промолчал.

— Рисуй, — сказала она.

Но рисовать не пришлось. Мальчик даже не успел взять мел. Мать девочки нависла над ними, высокая и неумолимая, в коричневом плаще с высоким капюшоном, как инквизитор.

— Татьяна! Я так и знала. Тебя ни на минуту нельзя оставить одну. Пошли, мы сейчас сходим. Нужно зайти в «гастроном».

На мальчика она не взглянула. А девочка взглянула. И, уходя, нарочно громко сказала ему:

— До свиданья.

— До свиданья, — резко ответил мальчик и отвернулся. Ему показалось, что он опять краснеет. А что он такого сделал? Хотел научить девчонку узнавать, где какие светят звезды, если их даже не видно на небе...

Мальчик придвинулся к окну. Что-то острое надавило ему бок. Поморщившись, он сунул руку в карман куртки. И нащупал кусочек мела.

На конечной остановке, у цирка, мальчик вышел из трамвая. Светлый цирковой купол был похож на громадный серебристый зонт. А под его карнизом сияли длинные узкие окна, и в них мелькало что-то цветное, стремительное. Там, под защитой серебряного зонта, искрилось и звенело пестрое веселье. Наружу выплескивалась музыка, но сразу утихала, будто прибывая к земле тяжелыми каплями. Сильно пахло сырými досками. Над входом в цирк ощеривали красные пасти громадные фанерные львы дрессировщицы Бугримовой. Львы отсырели и были совсем нестрашные, обильные и грустные, как бродячие коты. Мальчик пожалел их.

Было грустно оставаться наедине с фанерными львами. Мальчик вернулся к остановке и сел на «четверку», идущую от вокзала в городок Металлургов.

Молодая добродушная кондукторша посмотрела, зевнула и ничего не сказала. Пусть едет человек. Места хватает.

В вагоне было почти пусто. Лишь похрапывал, привалившись к окну, какой-то дядька в надвинутой на глаза кепке, да на передней скамейке сидел капитан.

Это был красивый капитан. Он сидел прямо, положив ногу на ногу. Когда вагон встряхивало, носок сапога покачивался, и по нему бегало отражение лампочки. Было удивительно, что в такую погоду сапоги капитана оставались сухими и блестящими. Все остальное тоже было блестящим — коричневая португеза, пуговицы, козырек фуражки и даже выбритый подбородок. И звезды на зеленом погоне горели желтыми искрами. Вместе они были похожи на среднюю часть созвездия «Орион».

На коленях у капитана лежал потемневший от сырости плащ, а поверх плаща зонт. Большой черный зонт с белой выгнутой ручкой.

Мальчик смотрел на зонт и не мог решиться сказать капитану. А что сказать, он знал. Он не мог и не хотел больше один владеть своей удивительной выдумкой. Одному ему она не нужна. Всякое открытие, даже самое крошечное, должно радовать других, — это мальчик чувствовал. Но он боялся, что не сможет рассказать, как надо.

— Товарищ капитан, — сказал мальчик. — Разрешите обратиться, товарищ капитан.

Капитан поднял глаза. Если он и удивился, то мальчик этого не заметил. Лицо капитана было невозмутимым. Наверно, так полагалось.

— Валяй, — разрешил он. — Обращайся.

— Хотите, я нарисую на вашем зонте звезды? — спросил мальчик и коротко вздохнул.

— Что за звезды?

— Как на небе, — сказал мальчик. — Это чтобы опреде-

У капитана шевельнулась левая бровь.

— Ты подожди. Непонятно. На каком небе, с какой целью?

— Хорошо, — согласился мальчик. — Я объясню. Вот в чем дело. Если открыть зонт и нарисовать на нем изнутри звезды, точно, как на карте неба, у вас получится маленький планетарий. Это я сам придумал, — не удержался он.

— Зачем? — спросил капитан.

— Ну... я не знаю... Это само придумалось, — мальчик неловко улыбнулся и шевельнул плечами, — придумалось — и все. Что поделаешь?.. И разве плохо?

— Я не о том, — пояснил капитан. — Какая задача у твоего планетария? У каждой вещи должна быть задача. — Он говорил негромко, и каждое слово было похоже на сдержанный зевок. И выбритый подбородок почти не шевелился.

— Ну... какая задача. Вот такая. Можно определять днем, где какие звезды. Или ночью, если тучи. Тоже можно. Надо только правильно держать зонт над собой... Направить на Полярную звезду, а потом...

— Хорошо. А зачем?

— Зачем на Полярную? Потому что она в небе всегда на одном месте. Она будто ось. Ведь с Земли кажется, что все звезды вращаются вокруг нее.

Неужели капитан не знал про это?

— Не в том дело, — чуть поморщился капитан. — Зачем знать, где какие звезды? Для ориентировки? Есть же телескопы, точнейшие системы наведения, локаторы. Это целая наука, академический курс. А расчеты астрономов... Приходится учитывать даже звездный параллакс. Слышал о таких вещах?

Мальчик об этом не слышал.

— Это же несерьезно — зонт, — сказал капитан. — Для чего он?

Действительно, для чего? Какая польза?

Мальчик не знал. Он был рад своему открытию и совсем не думал, какая от него польза. И вообще, что такое польза?..

Вот выходишь ты ночью на улицу. Смотришь вверх. Небо черное и такое непостижимо глубокое, что страшно дышать. И звезды, звезды, звезды... Но смотришь — они знакомые. Далекие, но знакомые. Знаешь их имена, видишь, как они сложены в привычные узоры созвездий. Знакомые звезды, которым можно подмигнуть, как друзьям, — это польза? Или это просто так?

А знать, в какой стороне Персей, Возничий, Лев, Андромеда, знать это, если даже в небе нет ни одной звезды? Это нужно кому-нибудь?

Или это никому не нужно?..

— Не знаю... — сказал мальчик и перестал смотреть на капитана. — Я думал... если запустят, например, корабль на Луну или на Марс и будут передавать: сегодня он в таком созвездии, а завтра в другом... А в небе тучи, ничего не видать. Тогда зонт открыл, направил, как надо, и сразу видно, где какие созвездия, и можно знать, где летит ракета... — Лишь бы долетела, — сказал капитан. — А проследят локаторы.

Сонный дядька у окна зашевелился и сдвинул вверх козырек.

— Чего, опять ракету али спутник запустили? М-м?

— Сиди уж! — сонно прикрикнула кондукторша. — Да остановку не проспи.

Трамвай затормозил, и капитан легко поднялся. Высокий, прямой. Набросил на плечи зеленый плащ.

— Не положено разрисовывать зонты, — сказал он на прощание и шагнул к выходу. А зонт спрятал под плащом. Наверно, капитанам не положено ходить с зонтами, и он взял его не для себя, а вез кому-то другому.

— Не положено, — с усмешкой проговорил мальчик.

Неудача его не испугала. Радость открытия, приглушенная раньше обидой, снова пробивалась в нем, как теплый ключик. Мальчик ждал: вдруг встретится человек, которому нужны будут звезды!

Двое поднялись в вагон и остались на задней площадке, хотя почти все скамейки были пустыми.

Один был молодой и высокий, в коротком светлом плаще. Лицо его словно состояло из больших очков с толстыми стеклами и крутого лба, над которыми копной курчавились темные волосы, пересыпанные дождевыми брызгами.

Второй выглядел гораздо старше и обыкновеннее: лицо пожилого и уставшего за день человека, черная сатиновая спецовка, серая кепка. И зонт, который он сунул подмышку.

Если мальчик не знал чьих-нибудь настоящих имен, он придумывал свои. Придумывал сразу. Это получалось само собой. «Шахматист», — подумал мальчик про первого. А второй — как показалось мальчику — был похож на заводского мастера.

Они вели разговор. Вернее, говорил Мас-

тер, а спутник только слушал — вежливо, но, кажется, без особого интереса.

— Я ему, как человеку, практически, говорю: — «Ты что же это, Архимед разнесчастный, где глаза у тебя, на каком месте? Тут какой допуск разрешается? Ноль-ноль три! А у тебя — ноль один». А он мне: — «Идите, говорит, и жалуйтесь начальнику цеха. И придирайтесь понапрасну, говорит, не позволю...»

— Понапрасну, значит? — рассеянно усмехнулся очкастый.

— Понапрасну, говорит... Ну, тут уж дипломатию отбросил. К начальнику, говорю, я не пойду, я и сам для тебя начальник, а чтобы ты это практически усвоил, я сейчас возьму вот этот шланг, пополам сложу и тебе пониже поясницы ка-ак... — Он слегка развернул руку с зонтом, чтобы показать, как собирался проучить зловерного спорщика. Но показать не смог. Зонт обо что-то ударился, и сзади послышался короткий вздох. Вернее, не вздох, а звук, с которым при неожиданной боли втягивают сквозь зубы воздух.

— Виноват... — Он сказал это очень торопливо, раньше, чем успел обернуться. А обернувшись, увидел мальчика.

Мальчик прижимал к ушибленному колену ладонь. Целую секунду лицо Мастера было растерянным и добрым. Потом Мастер нахмурился.

— Ну, вот... Вроде не тесно, мог бы и подальше стаг. Зашиб? Экий же ты мокрый!

Под сердитостью он хотел скрыть испуг за мальчика и, может быть, смущение оттого, что так поспешно бросил свое «виноват». Ведь перед мальчишками не принято извиняться.

— Не тому, кому надо, попало, — излишне весело проговорил Шахматист. — Не разглядели, Виктор Семеныч.

Мальчик разогнулся.

— Я сам виноват... Стою тут... — сказал он, глядя в лицо Мастеру. И в этом взгляде уже была невысказанная просьба.

— Ладно... сам...

— Правда, сам... — почти жалобно повторил мальчик. — Я задумался.

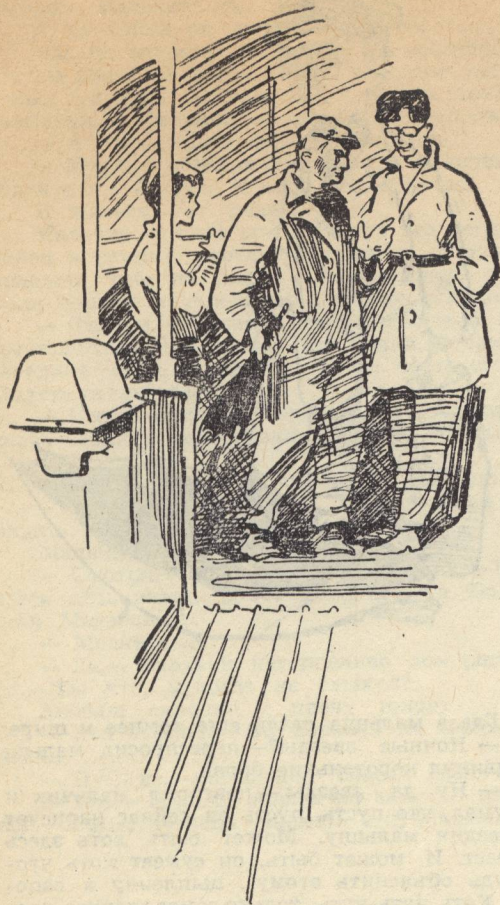
— Задумчивость в трамвае — свойство натуры глубокой и поэтической, — произнес Шахматист уже без улыбки. Наоборот, излишне серьезно. — А нога заживет... Ну, и как дальше развивались события, Виктор Семенович? Вы остановились на шланге...

— Дяденька, послушайте, — негромко и быстро сказал мальчик, — давайте, я вам на зонте нарисую созвездия. Как в планетарии. Развернете зонт — и сразу видно, где какое созвездие, если даже на небе тучи. Или днем. Только надо направить ручку зонта на то место в небе, где Полярная звезда, а потом повернуть... — Он говорил теперь все сразу, не дожидаясь вопросов, чувствуя, что надо первыми же словами объяснить свое желание.

Ведь он дарит людям созвездия!

Мальчик нарочно говорил теперь не «звезды», а «созвездия». Это избавляло его от лишних объяснений. Сразу было ясно, что речь идет о небе.

И, боясь, что не дослушают, он торопился, глотал слова, повторял их и снова торопился объяснить все скорее и понятнее.

И вдруг умолк. Он внезапно понял, что сказал все. И его не перебили. Он молчал и растерянно ждал ответа.

— Дела-а,— сказал Мастер.— Ты это сам, что ли, изобрел?

— Ну... да. А что? Это легко... Заго будут звезды.— Последние слова мальчик произнес упавшим голосом. Он подумал, что Мастер сейчас тоже спросит: «А зачем?» И, опустив глаза, стал смотреть на его забрызганные тупоносые сапоги.

— Любопытно,— проговорил Шахматист.

— Это, практически, выходит что-то вроде небесной схемы?

— Ну да, вроде карты!— обрадовался мальчик.— Только лучше. Как походный планетарий. И можно узнать, где какое созвездие в небе, будто увидеть его сквозь тучи...

— Постой, постой,— Мастер потер подбородок желтым от курева пальцем.— Что-то не совсем понятно. Вообще-то понятно, да не совсем... Про Полярную звезду, например. Это как тут разобраться?

— Виктор Семенович, я так понимаю,— вмешался Шахматист, и очки его оживленно

заблестели.— Оригинально придумано, хотя принцип довольно простой: небесный свод мысленно делится на двадцать четыре части. В сутках, как известно, двадцать четыре часа...

— Это-то известно...— мрачновато усмехнулся Мастер.

— Значит,— продолжал Шахматист,— за это время небо над нами делает полный оборот. Так?

— Так!— радостно откликнулся мальчик.— Я это и хотел...

— Подожди. Значит, и зонт со звездами надо поворачивать над головой в зависимости от времени. Только надо заранее рассчитывать...

— Я рассчитал, честное слово!— Мальчик теперь с надеждой глядел на оживленного Шахматиста.— Я проверял. И по карте, и по небу. Все будет правильно. Я же все объясню. И как Полярную звезду находить для начала...

— Нет, это действительно любопытно,— снова сказал Шахматист.

— Да... А не любопытно тебе, что моя Марья Павловна скажет, когда увидит такое дело?

— А, ну что вы, Виктор Семенович! Что она скажет... Ей понравится.— И Шахматист, потеряв на секунду солидность, мигнул мальчику.

Мастер этого не видел. Он держал перед собой на ладонях зонт, поворачивал его, разглядывая и все еще не решался. Слово этот зонтик был живой, и хозяин боялся, что мальчик его обидит.

— Чем рисовать-то будешь?

— Мелом. Не бойтесь, я осторожно, у меня получится...

— Ну, и как ты это планируешь?— спросил Мастер.— Все звезды до единой отмечать?

— Ну что вы! Все разве запомнишь. Я только самые крупные, чтобы отметить созвездия.

— Тогда уж и названия пиши,— вздохнул Мастер.— А то какой прок? Я, кроме Большой Медведицы, отродясь ни одного созвездия не знал. Даже Малую Медведицу... Напишешь?

— Есть, написать названия!— весело отчеканил мальчик.

Он уже шарил в намокшем кармане, нащупывая мел.

— Дела-а,— снова протянул Мастер и неожиданно улыбнулся, приоткрыв крупные желтые зубы.— Пойдет Марья Павловна с зонтиком на рынок, заглянется на какого-нибудь там Сириуса и, практически, в лужу носом. Будет история. Ну, ладно, рисуй. Ехать нам далеко.

И он открыл зонт.

Зонт был не черный.

Он казался черным при неярком свете лампочки, свернутый и намокший. А теперь все увидели, что он коричневый, с серыми зубцами.

Разве бывает коричневое небо с серыми зубцами?

Мальчик молча сунул в карманы своих брюк мелок.

— Тыфу ты, будь она неладна!— Мастер

стукнул открытым зонтиком о затоптанный мокрыми подошвами пол.— Ручки, понимаешь, одинаковые,— объяснил он Шахматисту.— Который раз путаем. Это Клавдии зонт, нашей нормировщицы.

— Жаль,— сказал Шахматист.

Устало дребезжал трамвай. Сонно мигала на площадке желтая лампочка. Дремали в вагоне редкие пассажиры. И только дождь за окнами плескался весело и неумоимо.

Трамвай номер семь шел от городка Металлургов к центру. Долгое время никто не входил в вагон, ехали только те, кто сел на первой остановке.

Потом появился малыш. В коротеньком пальтишке, в резиновых сапогах. Широкие голенища хлопали малыша по ногам: сапоги были слишком большие. «Мамкины»,— подумал мальчик.

Малыш забрался на переднюю площадку. В одной руке он держал бидон для молока, другой таскал за собою открытый зонт.

Маленький зеленый бидон вел себя спокойно. Только один раз он зацепился дном за ступеньку и недовольно звякнул крышкой, но это было нестрашно: крышка держалась на тесемке и нигде никогда не могла потеряться отдельно от своей посуды.

А тяжелый зонт сопротивлялся. Он широко растопырил прутья с натянутым черным полотном и не хотел пролезать в дверь. И разве мог малыш справиться с ним— таким большим и упрямым— одной рукой?

Трамвай качнулся и тронулся. Малыш вздрогнул от толчка. Потом рассердился и дернул зонт изо всех сил.

— Сломаешь,— сказал мальчик.— Ну что ты делаешь, в самом деле...

Он шагнул на площадку и перехватил ручку зонта.

— Закрывать же надо.— И закрыл. Зонт съежился и стал послушным.

Малыш глянул из-под сломанного козырька старой школьной фуражки, виновато моргнул и объяснил:

— Он туго закрывается.

— Туго... Посылают таких козляков на ночь глядя куда-то. Зачем едешь?— строго спросил мальчик. Рядом с этим первоклассником, а может быть даже дошколенком, он был сейчас взрослым и сильным.

— За сметаной,— робко сказал малыш и снова поднял глаза. Испуганные и широко открытые, они казались в тени козырька очень темными и большими. Малыш не знал: может быть, нельзя ему вечером, да еще под дождем, ездить в дежурный магазин за сметаной, и, может быть, этот большой хмурый мальчишка имеет полное право его допрашивать. Вот возьмет и скажет сейчас: «А ну, пойдем разберемся в милиции!» Или еще что-нибудь страшное скажет...

— Хочешь, я нарисую на твоём зонте ночные звезды?— сказал мальчик.

Он и сам не понимал, зачем это надо. Ведь малыш не знает, как движутся звезды. Но слова сорвались сами по себе, неожиданно. Наверно, они сидели на кончике языка и готовы были прыгнуть при виде любого подходящего зонтика.

Глаза малыша стали еще темнее и шире. — Ночные звезды?— переспросил малыш и сдвинул коротенькие брови.

— Ну да, звезды,— повторил мальчик и подумал, что пусть он сейчас нарисует созвездия малышу. Может быть, хоть здесь повезет. И, может быть, он сумеет хоть что-нибудь объяснить этому... цыпленку в сапогах. Хоть чуть-чуть, только самое главное, чтобы малыш обрадовался. Ведь радоваться-то маленькие умеют не хуже взрослых.

— Зонт будет как маленькое небо, понимаешь?— объяснил он.— Кругом тучи, дождь, а над тобой звезды. Как на настоящем небе. Хочешь?

— Маленькое небо?— чуть нараспев повторил малыш.

— Ну, конечно! Давай...

Не надо было спешить. Поспешность испугала малыша.

— Нет!— громко сказал он и прижал зонт к себе.— Не надо. Не трогай!

Две женщины, сидевшие неподалеку, услышали, наверно, испуганный голос малыша. Разом обернулись. Кто обижает ребенка?

— Ты совсем глупый,— устало проговорил мальчик.— Будто я тебя граблю... Я хотел, чтобы у тебя был зонт, каких ни у кого нет. Да ну тебя...

Он ушел с площадки и сел на пустую скамью.

Трамвай дребезжал и катил вдоль парка. За окном редко-редко проплывали размытые пятна фонарей. И еще проплывали деревья. Вечер был темно-серым, а деревья— громадными и лохматыми, как черные облака. Их было видно, если прижаться лбом к скользящему стеклу. Но скоро мальчик устал так сидеть. И надоело смотреть на темноту и желтые пятна света. Он оторвался от окна. Окно сра-

зу стало непрозрачным, и в нем, как в черном зеркале, мальчик разглядел себя.

А за собой он увидел малыша.

Мальш подошел незаметно. За железным стуком колес не было слышно хлопая резиновых голенищ. Он подошел и теперь стоял у скамейки, маленький и какой-то виноватый.

— А ты... много звезд нарисуешь?

— Много, — обрадованно сказал мальчик и обернулся. — Садись. Я тебе все объясню.

И мальш сел рядом.

Мальчик открыл зонт, уткнул его острый конец в спинку переднего сиденья, а ручку положил себе на плечо. Теперь перед ним была черная внутренность маленького купола.

— Смотри. — Мальчик ткнул мелом в тугое полотно. — Вот здесь, где палка, в самой середине неба, всегда на одном месте стоит Полярная звезда.

— Всегда-всегда? — переспросил мальш и снова сдвинул коротенькие светлые брови.

— Всегда.

— А днем? — хитро улыбнулся мальш.

— И днем. Только при солнце звезд не видать.

Мальш замигал.

— Смотри, — продолжал мальчик. — Вот здесь семь звезд. Будто ковшик. Это Большая Медведица...

— Медведица?

— Да. — Мальчик нетерпеливо поморщился. — Ты что, никогда не слыхал?

Мальш склонил к плечу голову.

— Это звезды? — Он показал на меловые точки.

— Ну... да, — осторожно сказал мальчик.

— Нет. — Мальш энергично замотал головой. — Такие не надо. Нарисуй с лучиками.

— С какими лучиками?

— Вот с такими! — И мальш нарисовал в воздухе пятиконечную звезду. — Большие.

Мальчик опустил руку с мелом и отвернулся к окну.

— Такие не бывают.

— Нарисуй, — тихо попросил мальш.

— Большие все не влезут, — не оборачиваясь, ответил мальчик.

— Ну, все равно. Немного влезут...

— Они будут не настоящие...

— Сам обещал... — с трудом проговорил мальш.

Мальчик, наконец, взглянул на него. Тень козырька теперь не падала на лицо мальша, и в темных влажных глазах плавали отражения трамвайных лампочек. Слово искорки обиды.

Мальчик вздохнул. Он знал, что такое обида.

— Ладно, — сказал он.

Погромыхивал, дребезжал, звенел полупустой вечерний трамвай. Останавливался и бежал дальше. Входили и выходили пассажиры. А на скамейке, где сидели двое мальчишек — маленький и постарше — тихо совершалось чудо. Черный зонт превращался в сказочное небо.

Мальчик рисовал большие белые звезды — пятиконечные, восьмиконечные, десятиконечные. Они складывались в созвездия, каких не знал ни один астроном. Мальш сидел, пригнувшись к плечу мальчика, и не шевелился. Рот у него был приоткрыт, и нижняя губа повисла маленьким розовым полумесяцем. Не отрывая взгляда от звезд, мальш вынул из

Мыши с паспортами

Для изучения перелетов птиц их метят специальными кольцами. Метят также и животных, например летучих мышей. Удобнее всего это делать на зимовках, в пещерах, когда зверьки собираются вместе и неподвижны.

Зимой прошлого года в Свердловске проходил Всесоюзный семинар спелеологов. Они побывали в пещерах и надели на крылья несколькими десяткам летучих мышей легкое алюминиевое кольцо с надписью: «Москва» и номером Всесоюзного бюро кольцевания.

Получены первые известия: в Смоленской пещере ныне обнаружены три летучие мыши с «паспортами». Две из них — «свои», уральские, третья — прилетела зимовать на Урал из другого района. Сообщение о ней послано в Москву, где установят, откуда она прибыла.

«Свои», уральские зверьки подтвердили, что Смоленская пещера — постоянное место зимовки одних и тех же летучих мышей, и крылатое население здесь должно бережно охраняться. Если кто-то из следопытов найдет зверька с кольцом на крыле, запишите номер, время, место и сообщите об этом в Институт биологии УФАНа или в Свердловскую секцию спелеологов.

В. БОЛЬШАКОВ, кандидат биологических наук

сапог ноги в коричневых чулках, поставил пятки на скамейку и обнял колени. Так было удобнее. А покинутые сапоги качались, толкали друг друга, и широкие голенища с красной подкладкой были похожи на большие, удивленно открытые рты.

На самом краю сиденья нетерпеливо звякал крышкой забытый бидон. Вагон потряхивало, и казалось, что кто-то маленький и любопытный прыгает в бидоне, подбивает головой крышку и хочет выглянуть: в чем там дело?

Мальчик рисовал быстро и умело. Сначала это было нелегко: мел плохо приставал к влажному полотну. Но мальчик приспособился. Рисовал контуры, а потом легкими частыми штрихами плотно закрашивал звезду.

— Слушай,— вдруг спохватился он. Только сейчас спохватился.— А дома тебе не влетит?

— Нет! Не влетит.

Глаза малыша сияли. Разве могло влететь за такую красоту!

— А ты можешь еще Луну?— радостным шепотом спросил он.— Вот здесь...

— Круглую или месяц?

— Круглую... и месяц. Можно?

— Ну, нет,— отрубил мальчик.— Так уж совсем не бывает.

— Ну, тогда круглую.

Мальчик нарисовал большое белое полное, и матерчатое небо стало еще удивительнее.

— И ракету,— попросил малыш.

Ракета получилась похожей на морковь, с пушистым хвостиком ботвы, но малыш был доволен. Он поднял над собой зонт и завертел ручку. Ракета помчалась по краю маленького неба, а звезды и луна закружились в сказочном хороводе...

— Ой!— сказал мальчик.— Эх ты.— И схватил за руку малыша. Небо остановилось.

— Ты знаешь, где мы едем? Где твой магазин?

Небо качнулось. Малыш прыгнул в сапоги. Глаза его были теперь совсем круглые, и рот сделался похожим на букву «О».

— Не вздумай реветь,— сказал мальчик.

Ну, что с ним было делать, с этим малышом? Нельзя же так: подарить человеку звезды, а потом его бросить.

— Ладно, куда не денется твоя сметана.

И они поехали назад, отыскивали магазин, купили сметану и снова пошли на остановку — ждать трамвай. Ждали долго, стояли под одним зонтом. Капли дождя стали реже и крупнее. Они дробно колотили по зонту. Лучи фонарей отражались от мокрого асфальта и высвечивали под зонтом белые звезды и луну.

Мальчик сошел с тротуара, чтобы взглянуть, не показались ли за деревьями огоньки трамвая.

— Куда ты? Стой под нашим небом,— обеспокоенно сказал малыш.

А когда уже подходил трамвай, он спохватился:

— Я забыл бросить три копейки!

Он забыл опустить в кассу три копейки и оторвать билет, когда ехал в трамвае. И никто не напомнил: трамвай был без кондуктора.

— Ерунда,— успокоил мальчик.— Сейчас поедешь и бросишь два раза. Это ведь все равно.

— Это ведь все равно, конечно,— повторил малыш.

Мальчик помог ему забраться на площадку вагона.

Малыш хотел махнуть ему рукой. Но как? В одной руке был зонт, в другой — посуда со сметаной...

Мальчик стоял и ждал.

Проходили разные трамваи: старые, расхлябанные, и новые, с автоматическими дверцами и серебристыми звонками. Но нужного номера все не было.

Сыпались, сыпались крупные, круглые капли...

И вдруг они перестали сыпаться. Плясали на асфальте, щелкали по листьям, но не падали на мальчика.

Он поднял голову. Два темных зубчатых круга сошлись над ним и закрыли от дождя.

Вот еще! Он хотел уйти из-под зонтов и уже сердито качнулся вперед, но его остановил голос:

— Ты же промок до костей.

Это был голос девушки. И мальчику показалось, что в словах ее скользнула усмешка. Он сунул в сырые карманы кулаки и резко повернулся.

Сзади стояли двое: это они держали зонты. Мужчина и девушка. Лица их были почти неразличимы. Свет фонаря только чуть касался волос девушки, выбившихся из-под косынки. Светлые волосы искрились. А мужчина весь был в тени. Высокий, в темном костюме, молчаливый.

— Ты же вымок до нитки,— повторила девушка.

— В самом деле?— ядовито сказал мальчик.— А я думал, что я абсолютно сухой.

Она усмехнулась:

— Тебе показалось. А на самом деле ты абсолютно мокрый. Как цыпленок, упавший в лужу.

Надо было сразу ответить что-нибудь едкое и злое. Но мальчика опередил мужчина.

— Леночка, перестань,— сказал он хриловатым, низким голосом. И мальчик подумал, что у этого человека, наверно, твердое, но немного усталое лицо с резкими прямыми морщинами.

— Перестань, пожалуйста,— сказал мужчина.— Если ты и с кавалерами своими так разговариваешь, я им, честное слово, сочувствую.

— Кавалер!— фыркнула она.

Мальчик медленным, но решительным шагом ушел из-под зонтов.

— Зря ты ходишь под дождем,— сказал ему в спину незнакомец.

— Я не виноват, что идет дождь,— ответил мальчик.

— Пожалуй... Но сейчас ты мокнешь зря. Или кому-нибудь назло?

— А хотя бы!— сказал мальчик. Ему было все равно.

— Дело хозяйское,— вздохнул мужчина.

— Конечно,— сказал мальчик.

— Папа, не тронь его,— вмешалась девушка.— Он укусит.

Очевидно, у нее был нетерпимый характер.

А трамвай все не показывался...

Промокшая куртка мальчика стала плотной и блестящей, как клеенка. Дождь часто и звонко шелкал по ней водяной картечью.

— Я долго не был дома и отвык от дождей,— заговорил отец девушки.— Возможно, я ошибаюсь. Но, по-моему, стоять так и мокнуть — неприятное занятие.

«Они мне надоели,— подумал мальчик.— Наплевать. Пойду пешком». И он пошел.

— Подожди,— услышал он все такой же спокойный и глуховатый голос.— Возьми зонт. В самом деле. Нам хватит одного. Можешь даже не возвращать.

«Хочет показать, какой он добрый»,— подумал мальчик. И сказал:

— Мне не нужен зонт. По крайней мере, для того, чтобы прятаться под ним.

Последние слова как-то сами слетели с языка. Но жалеть мальчик не стал. Сказав это, он ждал ответа с холодным любопытством. Но мужчина и девушка молчали. Может быть, они удивились?

Тогда он с насмешкой спросил в упор:

— Думаете, зонты нужны только чтобы прятаться от дождя?

— Нет, почему же,— сказал мужчина вполне серьезно.— Мы так не думаем. С зонтом, например, очень удобно прыгать с крыши... Или выдергивать из него спицы...

— А если ручка выгнутая, можно кого-нибудь цеплять за ноги,— так же серьезно добавила девушка.— Это очень удобно.

И оба засмеялись негромко и как-то очень необидно. Мальчик почувствовал, что совсем необидно. Однако ему хватало старых обид и неудач.

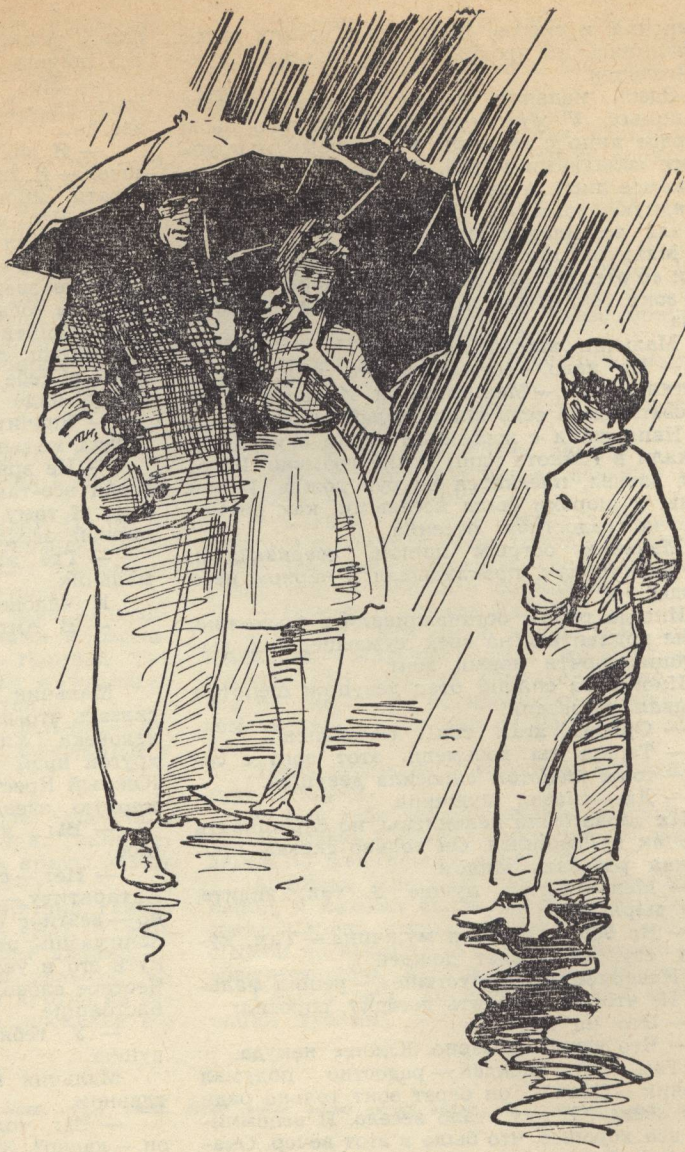
— Вы смеетесь,— бросил он.— Вам даже не жалко зонта. Для того, чтобы меня не мочило, вам не жалко...

— Вот нисколько,— с готовностью подхватила Лена.

— А для другого все равно бы пожалели...

— Чем ты лучше других?— удивился отец девушки.

— Я не о том,— хмуро сказал мальчик.— Я о деле другом, а не о человеке... Ну, давайте, я вам нарисую звезды! Хотите?

Черт возьми, это совершенно непонятно, однако они хотели. Они сразу поняли, в чем дело.

Сначала мальчик решил, что его просто жалеют.

— Вон идет ваш трамвай,— сказал он. Мальчик испытывал судьбу. Он был уверен, что сейчас девушка с отцом поспешат в вагон, где сухо и где светят яркие лампы.

— Не последний...— ответил мужчина.

— Пойдем к киоску,— предложила девушка.— Там светло... А ты правда знаешь все со звездия?

«Девчонка!»— подумал мальчик. Или нет, не подумал, а, кажется, шепотом сказал, потому что ее отец возразил:

— Ну что ты. Она уже почти невеста.

— Папа!

— Ну, что «папа»? Я же сказал: «почти». В пустом закрытом киоске сияла яркая

лампочка, и сквозь стеклянные стенки глупо таращились на прохожих пластмассовые куклы-голыши.

Здесь мальчик разглядел своих новых знакомых. У мужчины действительно было твердое лицо с резкими морщинами и крупными складками у рта. Немного, чуть-чуть, знакомое лицо. А девушка была похожа на их отрядную вожатую Люсю, которая потом уехала во Владивосток.

Мальчик прислонил зонт к стенке. Девушка и ее отец встали за спиной и держали другой зонт так, чтобы дождь не падал на мальчика.

Мальчик вынул мел.

— Не надо,— остановил его мужчина и протянул нож.— Мел сотрется. И не видно на просвет. Здесь есть шило, делай проколы...

Наплывали с железным гулом и уходили, стихали в темноте улиц яркие трамваи. Шуршал, звенел, плескался вокруг дождь. И эти звоны и шорохи были веселыми, как неумелая, но радостная песенка.

Мальчик острым шилом, сверкающим, как тонкий луч, прокладывал в черном небе звезды.

Иногда рядом останавливались прохожие, чтобы подивиться на трех сумасшедших, дырявящих почти новый зонт.

Иногда за спиной отец девушки шепотом называл созвездия:

— Орион... ага... так... Кассиопея...

— Теперь ты возьмешь этот зонт с собой?— тоже шепотом спросила девушка.

— Да,— сказал мужчина.

Их слова были непонятны, но спрашивать мальчик не решился. Он только сказал, продолжая работать шилом:

— Мел все-таки лучше. А так, видите, зонт дырявый.

— Не беда,— ответил мужчина.— Там, куда я еду, не бывает дождей.

«Наверное, это в пустыне»,— решил мальчик. И, чтобы проверить догадку, спросил:

— Это на юге?

— Что верно то верно. Южнее некуда.

«Там нет дождей»,— радостно подумал мальчик.— Значит, он берет зонт только ради моих звезд». И ему стало весело. И вспомнилось все хорошее, что было в этот вечер. Оказывается, было и хорошее: немного знакомая девчонка, смешной мальш в сапогах... И эти двое...

Но тут снова появилась беспокойная мысль.

— Ведь на юге очень темные ночи. Вы же не увидите проколы. Небо не будет сквозь них просвечивать!

— Будет,— ответил мужчина.— Там, куда я собираюсь, будут очень светлые ночи.

«Странно»,— подумал мальчик, но дальше спрашивать постеснялся. И не хотелось казаться любопытным при насмешливой, острой на язык Лене.

— Я объясню вам сейчас,— сказал он, потому что кончил уже свою работу.— Все это просто. Надо палку зонта направить на Полярную звезду...

— Ладно уж,— тихо сказал отец девушки.— Объяснять не надо. Я и сам разбираюсь в этой механике.

Мальчик смущенно замолчал. Он не пове-

рил и решил, что этот человек, наверно, просто ничего не понял.

— Это легко,— нерешительно сказал мальчик.— Главное, запомнить, где Полярная звезда...

— Я знаю,— повторил этот странный человек.— Я знаю, мальш. Не в этом дело. Ты, кстати, многое не учел.

— Что не учел?— спросил мальчик. Он даже забыл обидеться на «мальша».

— Небо — штука сложная. Видишь ли, положение звезд меняется и в зависимости от времени года. А не только от времени суток. И соотношения у тебя не очень точны. Да и запомнишь ли ты с точностью, где должна быть в небе Полярная звезда?.. Мало знать карту, надо знать небо.

— Значит, все зря...— упавшим голосом сказал мальчик.— Зачем вы тогда...

— Не зря,— ответил незнакомец.— Ты молодец все-таки. И ошибки твои для меня не беда. К тому же, там все равно не будет Полярной звезды.

— Где это «там»?— удивленно произнес мальчик.

И человек сказал:

— В Антарктиде.

Мальчик молчал. Это ведь не просто — сказать что-нибудь, когда встретишь такого человека. Уплывающего в Антарктиду. На другой край земли. Где другие звезды. Где Южный Крест. И люди не могут увидеть Полярную звезду.

— Вы... не смеетесь?— прошептал мальчик.

— Нет,— сказал человек, уплывающий в Антарктиду.— Конечно, может быть, это смешно — везти с собой дырявый зонт. Но там... понимаешь, это будет приятно: вдруг развернуть его и увидеть наши северные созвездия. Честное слово. Они все-таки очень похожи на настоящие.

— У тебя точная рука,— заметила девушка.

Мальчик не сразу решился спросить о главном.

— Вы только не сердитесь,— попросил он,— ладно? Знаете что... Вы можете сказать вашу фамилию?

— Допрос с пристрастием,— чутьчку улыбнулся мужчина.— Ну, что ж...

И ответил.

— Ой...— прошептал мальчик. И, конечно, в этом «ой» не было теперь ни насмешки, ни обиды. Было только удивление и растерянная улыбка. Мальчик помнил эту фамилию.

Нет, он не знал точно, где и когда ее слышал. И все-таки помнил. В памяти мальчика имя этого человека сливалось с тем, что он очень любил,— с книгами о дальних архипелагах, с непонятными и звучными названиями морских ветров, с загадками звезд и Земли. Оно, как слово из полузабытой, но хорошей песни, заставило вспомнить многое. Ведь можно вспомнить и ярко представить даже то, что никогда не видел. Можно, если только очень хочешь, увидеть серебристые эскадрильи летучих рыб над пологими волнами экватора, туманные ущелья фиордов, где эхо многократно повторяет беспокойные выкрики си-

рен; и мерцающий сумрак глубин, прорезанный широким лучом батисферы; и заиндевелый такелаж ледоколов и теплоходов, идущих к той земле, где ледяные утесы медленно отделяются от берега и с нарастающим грохотом сползают в зеленый океан...

— Я понимаю... Вы капитан?—тихонько сказал мальчик. Он не хотел говорить громко, словно боялся расплескать радость этой удивительной и немного таинственной встречи.

— Вы капитан...

— Ну что ж,—спокойно ответил незнакомец.—Да, пожалуй. В своем деле капитан. — Вы видели пингвинов?—спросил мальчик и тут же отчаянно смутился: это был совершенно детский вопрос, достойный не шестиклассника, а мальчика, которому он рисовал сказочные звезды.

Капитан улыбнулся.

— Я передам им от тебя привет. Они будут довольны. Или вот что: лучше я привезу тебе пару пингвинят. Идет?

Мальчик не обиделся на шутку. Он представил смешных пингвиных детенышей, важно ковыляющих на красных лапах, и засмеялся. Засмеялся и Капитан. И девушка...

За квартал от остановки, у темного поворота, забренчал, засветился окнами и рассыпал зеленые обрывки пламени трамвай. Тот самый, пятнадцатый, с зеленым и красным огоньками. Его и ждал Капитан.

«Еще минута,—подумал мальчик,—ну, может быть, две, если трамвай задержится у светофора».

Трамвай не задержался.

Радость мальчика не погасла. Она стала чуть глуше, с легкой тенью печали. Таким делается свет, когда в комнате на яркую лампу надевают зеленый абажур.

— Вот и все,—глядя на Капитана, сказал мальчик. Он хотел сказать:—«Вот и ваш трамвай»,—но это было слишком длинно.

— Да,—ответил Капитан, и мальчик почувствовал, что на левом плече куртка на секунду стала тяжелее: Капитан коснулся его плеча ладонью. На секунду.

— Хочешь, я привезу тебе... Ну, скажем, хороший черный камень с того берега? Настоящий антарктический камень. Край там суверенами не богат.

Это уже не было шуткой.

— Конечно!—звонко сказал мальчик.

— А не забудешь? Я вернусь через полгода.

— Я?—сказал мальчик.—Забуду?

— Тогда слушай адрес...

— Не надо!—почти испугался мальчик. Он не хотел так просто узнать адрес. Через полгода он сам найдет Капитана. Так будет лучше. А найти он сумеет. Разве можно не отыскать такого человека?!

Подождал трамвай, и, зашипев, разъехался двери.

— Вот увидите, я найду вас,—торопливо сказал мальчик.

— Я знаю. Спасибо за звезды.

Капитан пропустил вперед девушку и сам поднялся на подножку.

— Слушай, возьми!—вдруг закричала девушка и протянула через плечо отца зонтик, который был без созвездий.—Возьми! Мы все равно живем рядом с остановкой.

— Возьми,—кинул Капитан.

— Зачем? Все равно я уже, как мокрый цыпленок.—Мальчик сказал это и вдруг испугался, что девушка подумает, будто он до сих пор не забыл ее наместку.—Дождь совсем теплый,—объяснил он поскорее.—Пустяки.

Дверь угрожающе зашипела, готовая сдвинуть створки.

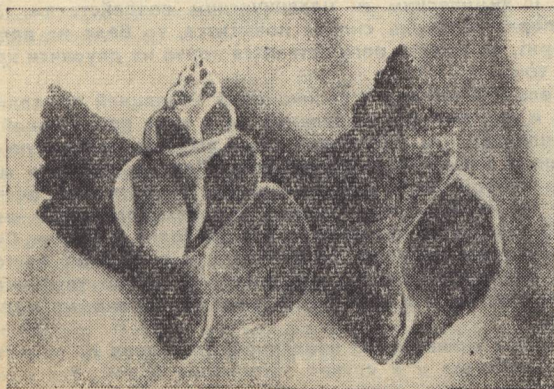
— Как тебя зовут?—крикнул Капитан.

— Славка,—сказал мальчик и зашагал домой по блестящему асфальту.

А дождь сыпал на него крупные теплые капли, и каждая капля несла в себе искорку света. Словно оттуда, сверху, они захватили с собой по крошечной звезде, которыми в безоблачную ночь, как пылью, усеяно небо.

Славка шел, смеялся и ловил звездные капли губами...

Гостя с Тихого океана

Многие привозят с берегов морей белые, оранжевые, в пять, шесть витков перламутровые раковины. Каждый кто прикладывает к ним ухо, будто слышит симфонию моря.

Эта ракушка попала в Свердловск с побережья Камчатки. Я распилил ее. Посмотрите, какой удивительной красавицей она оказалась внутри.

В. ШИМОВ, студент

К 60-летию со дня рождения

Николая Островского

В гостях у писателя

Летом 1935 года Свердловский театр музыкальной комедии давал гастрольные спектакли в Сочи. Шли дни, заполненные репетициями и выступлениями, и вдруг неожиданно нас приглашает в гости Николай Островский, автор знаменитого романа «Как закалялась сталь». Мы, конечно, обрадовались. Но тут же сам собой пришел вопрос: удобно ли отнимать время у писателя, прикованного недугом к постели? Сомнения наши рассеял молодой человек из горкома

комсомола. Это был Павел Лисициан, ныне народный артист СССР. Он сказал, что Островский чувствует себя хорошо, что ждет нас.

Николай Алексеевич в неизменной гимнастерке, прикрытый до пояса одеялом, лежал на широкой кровати в большой светлой комнате. У стены — кабинетный рояль — подарок ленинградских комсомольцев. И всюду — цветы. Они заполняли все помещение.

Когда сестра писателя распахнула дверь, мы невольно остановились, не ре-

шаясь переступить порога.

— Входите, входите, не стесняйтесь! — раздался радужный голос хозяина. — Давайте знакомиться!

Подошла Вика.

— Ты кто? — спросил Николай Алексеевич (он ко всем обращался запросто).

— Я — Вика Мария Густавовна.

— А, Маша, Машенька... Что в театре делаешь?

— Пою.

— А мне споешь?

— С удовольствием.

— Ты откуда? — спросил Островский у Емельяновой.

ДИКОВИНЫ ХИМИИ • ДИКОВИНЫ ХИМИИ •

ПОТОЛОК УХОДИТ ВВЫСЬ

Силиконы не столь устойчивы к нагреву, как кварц и силикаты, — тем не менее и температуры за тысячу градусов. Но для техники ценно и то, что теплостойкость у них, как минимум, на 100—150 градусов выше, чем у органических полимеров; некоторые даже выдерживают длительный нагрев до 350, а кратковременный до 550 градусов. Кроме того, они — превосходные изоляторы электричества, не смачиваются водой, устойчивы к сильным морозам, к химическим и механическим воздействиям. Если даже случайно температура очень сильно повысится, то беда не велика: силикон хоть и обгорит, но вместо него останется корка из двуокиси кремния. Она изолирует ток.

Вот почему кабель или провод с силиконовой изоляцией продолжает нормально работать и при пожаре. Появление ее в виде пропитанной силиконом слюды, стеклянной или асбестовой ткани вызвало подлинную техническую революцию в электропромышленности. Дело в том, что мощность электромотора, любой электрической машины теоретически беспредельна. На практике же ограничения нагрузки вызваны опасностью перегрева изоляции — она обгорает, крошится, и это приводит к аварии. Силиконовая изоляция позволяет повысить плотность тока в обмотке настолько, что при тех же размерах машины мощность ее можно увеличить в полтора-два, а срок службы — в пять-шесть раз. Это экономит медь и электрическую сталь.

Открытый двигатель с силиконовой изоляцией, благодаря ее водостойкости, бесперебойно работает и в случае затопления водой. Его можно опускать прямо в колодец, реку, скважину. Он может работать и при мо-

— Из Мелитополя.
 — Украинка, наша... Помню, помню Мелитополь, был. Ты что исполнишь?
 — Я исполню с мужем, Мареничем, дуэты.

— Здорово, Маренич. Ты тоже с Украины?
 — Да, из Харькова, — ответил я, пожимая руку.
 — Ну, земляки, спойте, пожалуйста, из «Холопки».

Это любимый мой мотив, «Под дугой звенят, звенят бубенчики...»

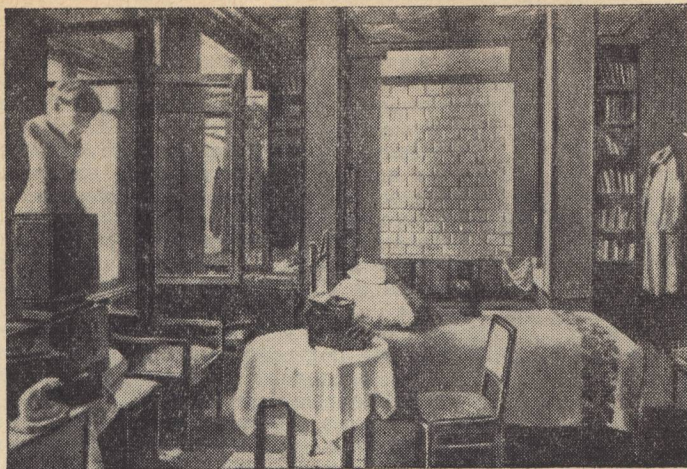
Мы пели, а Островский лежал, улыбался, шевелил губами и пальцами отстукивал ритм.

После концерта Николай Алексеевич расспрашивал нас о театре, о репертуаре, делился своими планами. Говорил, что работает каждый день и спешит закончить книгу «Рожденные бурей».

Мы уносили с собой изумительно яркий образ замечательного писателя, человека титанического духа и редкого обаяния.

народный артист РСФСР
 А. МАРЕНИЧ

Личная комната Николая Островского в сочинском доме.

● ДИКОВИНЫ ХИМИИ ● ДИКОВИНЫ ХИМИИ

розе в 60 градусов. При такой температуре изделия из кремнекаучука сохраняют эластичность и прочность, в то время как другие виды каучука становятся ломкими.

Но нужны еще более стойкие полимеры. Химики работают над созданием таких материалов, видоизменяя силиконы, вводя в них другие элементы: металлы — алюминий, титан, цинк, хром, олово; и неметаллы — бор и фосфор. Рождаются полимеры с новыми, отличными свойствами. Некоторые уже получили признание в виде лаков, красок, эмалей высокой жаростойкости и прилипаемости. Есть и такие, к которым, наоборот, не прилипают частички пыли.

Поиски сложных силиконов с все более высоким потолком жаростойкости продолжаются.

ШАПКУ ПЕНЫ ДОЛОЙ

Зачастую пена над жидкостью безвредна; бывает она и полезна — тогда ее искусственно вызывают. При производстве сахара, вина, антибиотиков и других лекарств, синтетического каучука, молочного порошка пена крайне нежелательна. Когда выпаривают жидкости, чтобы выделить в чистом виде растворенное вещество, или варят жир, то над ними тоже возвышается шапка пены. Периодически она опрокидывается, и с нею теряется продукт, что вынуждает увеличивать объем аппаратов.

Но внесите одну часть метилсиликона на миллион частей раствора, как пена погаснет на глазах. А если сделать это в ходе процесса, то она и не появится. Отчего же силиконы такие заклятые враги пены! Ответ прост: у них мало поверхностное натяжение.

Д. ФИНКЕЛЬШТЕЙН, кандидат химических наук

СИММЕТРИЯ

Жизни

В мире реальной
фантастики

Встреча у костра

Зта невзрачная на вид тоненькая плиточка светло-серого камня хранится в особом разделе моей коллекции. Она лежит на бархате: черный цвет хорошо оттеняет детали поверхности плитки. Особенно отчетливо выделяются на ней два пятиугольных включения. Они рельефны. Внутри пятигранников, от центра к вершинам их углов, протянулись выпуклые лучи, прорезанные канальцами.

Когда я всматриваюсь в нехитрый узор, украшающий пятигранники, невольно всплывают воспоминания о забытой истории, которую я очень редко рассказываю кому-либо.

О всех событиях, связанных с этим камнем, я слышал летом 1941 года. Многие детали, к сожалению, сгладились в памяти, но как только я беру в руки плиточку, передо мной возникает освещенное бликами от костра задумчивое лицо человека с прядью седых волос на лбу, слышится приглушенный голос рассказчика...

В тот год нашему отряду легкой полевой геологосъемочной партии предстояло изучить один из участков Среднего Урала и выявить на нем полезные ископаемые.

Часть наших маршрутов проходила у реки Косьвы, притока Чусовой, довольно часто посещавшейся геологами. По ее обрывистым берегам можно отчетливо видеть напластования горных пород. Изучать и осматривать их сюда приезжают многие. Здесь можно встретить сотрудников ленинградских и московских институтов, изучающих закономерности угленакопления, ученых, выясняющих условия образования нефти, сотрудников алмазных экспедиций. В тот памятный год Косьву посетило не менее пятидесяти геологов, не включая студентов-практикантов.

Однажды я оторвался от своей группы —

А. МАЛАХОВ,
доктор геологических наук

нужно было обследовать глухой приток реки. Я предупредил товарищей, что заночую в поле.

К концу рабочего дня мне повстречался высокий худощавый человек. Сколько ему было лет — трудно сказать. Я был тогда в таком возрасте, когда все сорокалетние кажутся стариками. А тут еще седая прядь, все время свисавшая незнакомцу на глаза. Одет он был так же, как и я, в стандартные для геологов того периода ватники, плащи и армейские сапоги. Тяжелый рюкзак, переполненный образцами горных пород, плюс обычный геологический молоток.

Накрапывал мелкий дождик. Не сговариваясь, мы подошли к раскидистой ели, прислонили к ее стволу рюкзаки и занялись заготовкой сухих дров.

Незнакомец был молчалив и угрюм.

Поначалу я только узнал, что зовут его Пантелеймоном Сидоровичем, что приехал он из Москвы.

Весело запылал костер. На небольшой перекладине мы подвесили над огнем котелки с нехитрым экспедиционным супом, рядом пристроили мокрые ватники.

После ужина обменялись сведениями о том, что делается на фронтах, и заговорили о работе.

— Вы удивитесь, — начал Пантелеймон Сидорович, — что в наши дни, когда вся страна так или иначе работает для фронта, я занимаюсь палеонтологией. Вместо полезного для страны дела выискиваю зверюшек, живших сотни миллионов лет назад. Черт знает как противно сейчас все это... Но вы еще больше удивитесь, если я скажу, что я не палеонтолог, а кристаллограф! Да, да, не удивляйтесь: кристаллограф! В мою стихию входят подсчеты осей и углов в кристаллах, работа с гониометрами и рентгеновскими аппаратами... На Косье реке я провожу свой отпуск. Провожу за палеонтологическими исследованиями. Есть тут чему удивляться...

Меня привела сюда моя гипотеза. До сих пор я о ней никому не рассказывал. А вам, пожалуй, расскажу. Не потому, что вы мне кажетесь симпатичнее других. Нет, не обольщайтесь. Просто потому, что военкомат наконец-то удовлетворил мою просьбу, и завтра я отправлюсь в войсковую часть. Поговорить до отъезда с кем-либо другим уже не успею... Превратности же судьбы таковы, что я могу не вернуться. Тогда вы будете единственным человеком, кто сможет рассказать о моих опытах, сомнениях, мыслях... Если вас тоже призовут в действующую армию, передайте кому-нибудь мой рассказ. Лучше, если это будет человек, который сможет продолжить работы. Только предупредите, чтобы они продолжались грамотно.

Запрещенные повороты

Спустя двадцать с лишним лет после разговора на Косье я обнаружил в своем богатом архиве старые дневники и, перелистывая их, нашел лихорадочные наброски, сделан-

ные под впечатлением разговора с Пантелеймоном Сидоровичем.

Эти заметки и позволили восстановить некоторые детали рассказа. Но только некоторые; многое я тогда не записал и теперь жалею об этом.

Фамилию Пантелеймона Сидоровича я узнал недавно, после того как навел справки в одном из институтов Москвы. Мне ответили довольно лаконично: да, был такой кристаллограф — Иванов. Обладал странностями. Был замкнут. Разрабатывал самостоятельно какую-то гипотезу. Геройски погиб в 1941 году под Москвой. Записей и дневников после себя не оставил. Был холост. Установки, на которых он работал, демонтированы в годы войны. Описаний их тоже не сохранилось.

Вот и все, что удалось узнать об этом человеке.

А гипотеза Иванова должна была перевернуть все наши представления об эволюции организмов. Она была и проста и в то же время гениальна. Вот как он излагал основы своих взглядов.

* * *

— Я должен начать с азов, — рассказывал мне у костра Пантелеймон Сидорович. — Вы хотя и знаете кристаллографию, но я все равно напомню вам некоторые основы. Возьмите в руки вашу тетрадь или любую книжку. Положите ее на землю. Вращайте вокруг оси. Да, да, ее геометрической оси. Так, чтобы она совершила круг — гиру, по-гречески. Следите при этом: сколько раз контуры ее совмещаются сами с собой? Что? Два раза. Правильно. Значит, у нее есть ось второго порядка, или ЭЛЬ-2. — И он начертил прутиком на земле это обозначение L-2. — А если возьмем куб и станем его вращать вокруг оси, то он окажется тетрагирой. У него будет ось четвертого порядка: чтобы совместить его контуры, нужно фигуру повернуть четыре раза.

Ну, а возьмите кристаллы со сторонами, ограниченными треугольником или шестиугольником. При поворотах их грани будут совмещаться у одного три, у другого шесть раз. Значит, у них есть оси третьего и шестого порядков — тригиры и гексагиры.

— Все это элементарно просто, — обиделся я. — Отсюда кристаллографы и выделяют семейства кристаллов по наличию у них осей второго, третьего, четвертого...

— Стоп! — впервые улыбнулся Пантелеймон Сидорович. — Законы кристаллографии таковы, что в них не предусмотрены фигуры, имеющие оси пятого порядка. Понимаете, есть ЭЛЬ-4, есть ЭЛЬ-6, а вот кристаллов с осью пятого порядка в неживой природе нет! ЭЛЬ-5 — это запрещенный поворот! Пентагиры — оси пятого порядка — исключены из царства мертвого. Значит, что же — их надо искать в царстве живом?

И ведь, представьте, в живом мире мы всюду наталкиваемся на эту пресловутую пентагиру! Вспомните: у морской звезды пять лучей. У морского ежа — пятиугольные пластинки. Я вам назову тысячи живых существ с пятилучевой симметрией.

Значит, ЭЛЬ-5 — это симметрия, свойственная жизни. Симметрия жизни! Ну, а дальше все просто.

Я стал изучать все формы, имеющие оси пятого порядка. А товарищи, узнав об этом, обвинили меня в ереси, в том, что я занимаюсь не своим делом. Я с головой ушел в работу и получил кличку нелюдима, замкнутого человека.

...В это время я и встретил ее.

Кто она? Девушка, только что окончившая институт. Хороший друг, товарищ, советчик. Звали ее Инна. Это она научила меня видеть своеобразие мира камня, она убедила в том, что главное в жизни — интересная работа. Только тогда жизнь приобретает законченный смысл, когда работа захватывает тебя целиком, не оставляя времени ни на что другое.

Инна работала младшим научным сотрудником в нашем же институте. После крупного разговора на одном из собраний, где мне особенно сильно досталось от товарищей, она пошла к директору и добилась перевода в мою лабораторию.

Инна и убедила меня, что иду я по верному пути. Чтобы рассказать вам о моих исканиях, я напомню прежде некоторые мифы и сказки, созданные в прошлом, да и в наши дни повторяемые некоторыми из современных ученых.

Где истина?

Расшифровывая дневниковые записи дальнейшей части рассказа Иванова, я обнаружил на полях свои пометки: «Проверить ссылки на авторитеты!»; и еще: «Просто не верится, что так!» Пометки были сделаны как раз в том месте откровенной беседы, где Пантелеймон Сидорович щедро и сочно говорил о длинном пути сомнений и поисков, которые прошло человечество, пытаясь подойти к решению проблемы возникновения жизни на Земле.

Иванов не смог разыскать обобщенных научных данных по этому вопросу, обнаружив лишь различные мнения отдельных ученых и философов. Многие из мнений были «общепринятыми» в ту или иную эпоху.

Теперь мне удалось проверить все ссылки Пантелеймона Сидоровича на «авторитетные» мнения. Действительно, он ничего не приукрасил. Можно только дополнить многие из них некоторыми новейшими положениями, разработанными в последние годы. Ну и, конечно, я разгрузил от цитат текст. Пишется ведь не научный трактат. Сейчас можно найти все эти мысли в великолепных сводках академиков В. Комарова и А. Опарина, в книжечке кандидата наук А. Эмме и многих других. В те дни таких сводок еще не было, и я поражаюсь работоспособности Пантелеймона Сидоровича и его сотрудники, тщательно подобранных этот конгломерат мнений. Из всего обилия приведенного Ивановым материала я сейчас излагаю какую-то сотую часть, нужную лишь для понимания его идей.

Пантелеймон Сидорович в разговоре со мной сразу отбросил ненаучные взгляды о сотворении жизни каким-то высшим существом.

— Удел сказок, — сказал он, — и не нам рассматривать поповские домислы. Философы давно и достаточно основательно разбили их. Я отбрасывал все ненаучное, а Инне нравились древние поэтические сказания и мифы. Она рассказывала мне о гипотезах вечной жизни, приводила неизвестно где вычитанные представления о том, что Земля наполнена какими-то скрытыми зародышевыми силами. В подобные гипотезы, говорила она, верили и греческий философ Анаксагор и один из «отцов» христианской церкви — Блаженный Августин... Большинство мыслящих людей всех времен верило в самозарождение жизни на нашей планете. Правда, в развитии этой идеи было вначале так много наивного, что ученые тогда отвергли ее.

Сейчас можно оценить уровень знаний древних ученых, мыслителей и поэтов и понять их. Взгляды римского поэта Вергилия, жившего в первом веке нашей эры, были передовыми, когда он писал:

О достославном открытии аркадского пастыря время

*Здесь изложить, как из порченой крови
быков убиенных*

Пчелы рождались вдруг.

Но такие же мысли пропагандировались учеными и в XIX столетии. Недаром один из французских интендантов в 1807 году уверял начальство, что нехватка мяса на вверенном ему складе объясняется тем, что оно превратилось в мух. И жулику-интенданту верили. Представления о самозарождении многих животных считались официальными. В 1870 году в типографии Московского университета как курьезное издание была опубликована книжечка Адама Олеария: «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и в Персию в 1633, 1636 и 1639 годах». В книжке приведено утверждение Олеария о дынях, растущих «за Самарой, между реками Волгой и Доном». Такая дыня очень похожа на ягненка, и, дескать, недаром русские называют ее «баранец». Олеарий уверял, что он сам видел шерсть этого животного, родившегося из земли.

Каких только басен не сочинялось о самозарождении животных и растений. Только Пастеру удалось доказать ошибочность и неправильность всех этих теорий. Но после беспримерных пастеровских опытов ученые растерялись: чему же верить? Рухнули устои, существовавшие тысячелетия. И Энгельс, высоко оценивая труды Пастера, резюмировал: «Было бы нелепо желать принудить природу: при помощи небольшого количества вонючей воды сделать в 24 часа то, на что ей потребовались тысячелетия».

Не случайно во второй половине прошлого столетия были ученые, которые думали, что новые факты им прилетят с неба.

— И что вы думаете? — улыбнулся Пантелеймон Сидорович, — ведь дождались! Факты действительно прибыли с неба. На метеоритах! Учеными Франции, Венгрии, России, и США свыше ста лет назад в метеоритах были обнаружены кусочки воскоподобного вещества. Это положило начало обильному количеству гипотез о том, что жизнь к нам привнесена из космоса.

Я часто спорил с Инной. Она не переставала повторять, что мы еще вернемся к идее привнесения жизни из космоса. «Как только, — говорила она, — человек выйдет за пределы Земли, то сразу же столкнется с необходимостью пересмотра своих «земных» воззрений». Ну, а я все-таки держался ближе к Земле.

Вы знаете, что только Энгельсу удалось направить научную мысль по правильному руслу. Он восстановил идею самозарождения жизни из простых химических элементов, а не из продуктов распада организмов. По этому пути сейчас идет наш ученый А. Опарин. Он считает, что перед рождением белка вещество прошло очень длительную стадию эволюции неживой природы. Он подробно разбирает, как произошли первые органические соединения, и из них выводит первичную жизнь.

Все стройно, строго научно, но и здесь много недосказанного. Ученые как-то стыдливо прячут концы в воду, говоря, что жизнь, зародившись миллиарды лет назад, дальше вновь не зарождалась. А древнейшие отложения, в которых мы могли бы найти останки

первичной жизни, настолько изменены и переплавлены, что не сохранили никаких следов ее.

Невольно опять возвращаешься к указанию Энгельса о том, что надо синтетически получить живой белок. Как только мы получим белок в химических лабораториях, так и поймем весь ход процесса самозарождения жизни на Земле.

Впрочем, почему только в химических лабораториях? Может быть, жизнь будет получена синтетически не в химических и не в биохимических лабораториях, а в каких-то других!

Надо получить ее в нашей лаборатории! Искусственно. В этом — цель.

Искусственный первопент

Взошла луна. Прояснилось небо. От реки потянуло холодом и сыростью. Мы подбросили дров в костер и, зябко кутаясь в просохшие ватники, поставили подогреть чай.

А Пантелеймон Сидорович все продолжал рассказ. Видно, слишком долгим было его молчание.

— Вы понимаете, — говорил он, — мне подсказывали путь исследований сами камни. В них, в окаменелостях, в минеральном царстве оказались начертанными те дорожки, по которым надо было шагать исследователям.

Все началось с плитки известняка, которую однажды Инна принесла на работу. Еще студенткой она подобрала ее в Красноуфимском районе, в береговых разрезах реки Уфы. «Вот, — сказала Инна, — вы ищите, экспериментируете, а природа сама создавала те недостающие звенья, которые противопоказаны вам, кристаллографам».

Пантелеймон Сидорович порывисто встал, подошел к своему рюкзаку и извлек из него тщательно завернутый в непромокаемую бумагу и кусочек черного бархата плоский камешек. Это и была та самая плитка, что хранится сейчас в моей коллекции в числе редчайших реликвий.

— Вот посмотрите, — говорил Пантелеймон Сидорович, — отпечатки чашечек пермских морских лилий, живших свыше двухсот миллионов лет назад. В этих пятигранниках природа действительно запечатлела один из этапов своей творческой работы. Плиточка и внушила тогда мне дерзкую мысль: а почему бы и нам не повторить тот путь, который она подсказывает? Я сразу же сбросил с себя гипноз старых представлений о зарождении жизни. Передо мной стали открываться необятные горизонты. Поймите меня правильно, — вдруг отступил от рассказа Пантелеймон Сидорович, — я не хочу возвеличивать свою персону, но мне стала вдруг понятной психология людей типа Лобачевского. Психология людей, переступивших черту общепринятых представлений.

Что сделал Лобачевский? До него миллионы людей верили в правильность постулатов геометрии Евклида. А Лобачевский сказал — нет! И что же, сам материал всех теорем подсказал ему ход мышления. Он создал новую геометрию. Правда, Лобачевский так и умер

непонятым. Его выводы оценили только после смерти ученого. Но я не хочу аналогий. Я еще вернусь и доработаю свою гипотезу. Не нужно быть очень грамотным человеком, чтобы знать, как резко меняются свойства вещества в зависимости от условий, в которых оно находится.

Вот углерод. Он может быть и графитом, но бывает и царем минералов — алмазом. Заметьте: в первом случае он принадлежит к кристаллографической системе с осью шестого порядка — ЭЛБ-6, а во втором — у него ЭЛБ-4. Условия, изменившие кристаллографическую огранку, нам еще недостаточно ясны. Как только мы их уясним, мы будем получать искусственные алмазы...

Я прерву рассказ Пантелеймона Сидоровича, чтобы напомнить, что слова его оказались пророческими. Сейчас уже освоен промышленный синтез алмазов.

Пантелеймон Сидорович приводил все новые и новые примеры изменения свойств минералов при нарушении привычной для определенных условий их кристаллографической огранки.

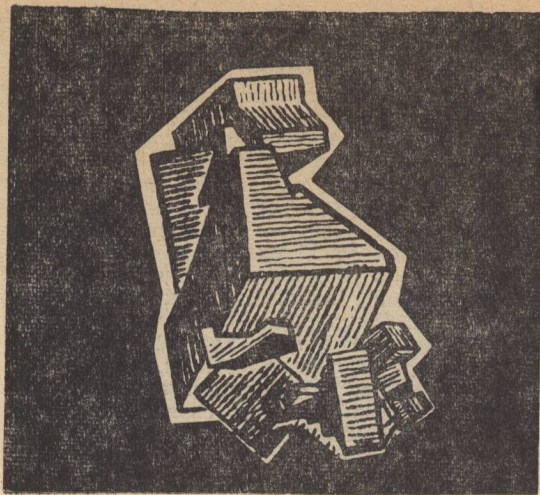
Азотно-кислый аммоний пятикратно меняет свой облик в зависимости от небольшого изменения температур — от 17 до 80 градусов. Всем известный серный колчедан бывает в виде идеальных кубов, если среда, в которой он кристаллизуется, кислая. А если сделать среду щелочной, то возникнут прихотливые ромбические кристаллы марказита. Понимаете, идеальные огромные кубы пирита, типа тех, которые мы знаем в Березовке, и сложно-ветвистые марказиты окрестностей Сухого Лога. Фактор — кислотность или щелочность среды! И вы заметьте, происходит скачкообразное, почти мгновенное изменение свойств минералов, рождается совершенно иное, не похожее на прежнее вещество!

Вот здесь-то и иллюстрируется тот диалектический скачок, тот переход одного вещества в качественно другое, свойства которого суммируются из тысяч порой неумовных условий.

А ведь примеры всего этого можно видеть и в мире живых существ. Вы, конечно, знаете об опытах нашего соотечественника Иванова, открывшего в прошлом столетии сверхмикроскопические формы жизни, названные «фильтрующимися вирусами»? Те жизненные экземпляры, которые он выделил из большого табачного листа, обладали свойствами и кристаллов и живых существ. Но на это ученые почему-то не обратили внимания.

Получается так: внутри самого вещества записан какой-то наследственный код. Запись верна только для определенных условий. Стоит изменить условия, и включается новый код, диктующий новую форму и новую жизнь этому же веществу.

Ну, а о каких условиях идет речь? Их трудно даже перечислить. Здесь и давление, и температура, и разнообразные мельчайшие примеси, и, может быть, широта и долгота местности. Да, да, не смейтесь! Все надо учитывать. Вспомните, как выглядит сернистая сурьма — антимонит во всех месторождениях мира. Это большей частью небольшие призматические кристаллы. Иногда они собраны в радиальные пучки, иногда спутанно-волокну-

сты. А как выглядят они только в одном месторождении на земном шаре — в местечке Итшинокава на острове Шикоку в Японии — помните? Там эти же кристаллы имеют длину до полуметра! Вы представляете, у нас в институтском музее есть оттуда дружка примерно из десяти полуметровых кристаллов, собранных в гигантский костер. Она привлекает всеобщее внимание и своими размерами, и формой, и синевато-серым цветом.

А почему все это произошло? Как природа могла выполнить такую поистине скульптурную работу? Никто не ответит вам на вопрос.

Конечно, есть при этом и какая-то связь с определенными минеральными образованиями. Почему, например, в строении раковин играет большую роль известь в виде минералов кальцита и арагонита? Природа делала попытки избрать и другие минералы. Есть такие простейшие животные — акантарии. Они строят скелеты из сернокислого стронция.

Инна специально подбирала мне фотографии этих удивительных животных. У них есть центральный решетчатый шар, от которого либо по трем, либо по пяти (заметьте, по пяти!) направлениям отходят иглы из небесно-голубого минерала — целестина. В переводе с латинского целестин значит «небесный». «Вся прелесть утреннего неба, — говорила Инна, — сфокусировалась в голубых водяно-прозрачных кристаллах минерала».

Обычно целестин встречается в виде таблитчатых, столбчатых, призматических кристаллов. А здесь, в акантариях, он создавал эффектные острые иглы. Почему? Опять загадка.

Инна подобрала и другую великолепную коллекцию. В ней были фотографии разнообразных животных и растений, умеющих улавливать из той среды, где они обитают, такие химические элементы, как германий, бром, магний, барий, марганец, фосфор, серу и многие другие. Как и зачем они это делают? Никто тоже не ответит.

Видели вы красные мухоморы? Они есть в моей коллекции фотографий. Мухоморы

«умеют» вылавливать из почвы элемент ванадий. Для чего им нужен ванадий? — спросите вы. — Неизвестно.

Но все-таки большинство морских животных выбрало кальцит. Может быть, потому, что его много в природе. А, возможно, по какой-либо другой причине.

Все сказанное я учитывал при опытах. Я добавлял в автоклав и кальцит и другие минералы. В том опыте, о котором я вам рассказываю, в исходном материале было много кальцита.

Мы, кристаллографы, знаем, что на облик минералов можно повлиять различным путем. Известны, например, опыты Земятчинского, добавлявшего в раствор квасцов небольшие количества соляной и йодисто-водородной кислот. Без этих добавок квасцы кристаллизуются в виде типичных октаэдров. Стоит добавить то, что я говорил, и получаются кристаллы с пятиугольными гранями. Кристаллы квасцов принимают пентагондодэкаэдрический облик. В моем опыте были учтены работы Земятчинского. Понимаете, я не мог обойти этой находки причинности возникновения пентаграней. Вот здесь я и подхожу к самому главному. Не забудьте этого.

Мне, — сказал Пантелеймон Сидорович, подчеркивая каждое слово, — удалось получить живое вещество с пятилучевой симметрией! Я получил первопента! Вы понимаете? Первого представителя из класса пятилучевых — первопента!! Я вот этими руками повторил то, что природа сделала во время сотворения жизни. И, может быть, повторяет это сейчас.

Он резко оставил кружку с чаем, встали порывисто заходили вокруг костра.

— Я не могу оставаться спокойным. Меня перестали понимать мои же товарищи. Как только я начинал рассказывать о первопенте коллегам, между нами сразу возникала глухая стена. Они меня не понимают! Они меня обвиняют и в авантюризме, и в забвении основ науки, и в отсутствии должного уважения к авторитетам...

Но ведь я собственными глазами видел первопента!

Рождение жизни

Я не буду рассказывать вам о всех опытах, большей частью безрезультатных. У меня на них ушло больше двадцати лет жизни. Я расскажу вам о самом интересном эксперименте, который удался... Я взял для опыта ил. Тонкозернистый ил, добытый со дна Тихого океана. Его мне подарили океанологи. Они же снабдили свой дар точнейшими химическими анализами. Но это был самый стандартный «синий» ил ложа мирового океана. Его анализ ничем не отличался от тех средних значений, которые вы найдете в любом учебнике по геологии моря. В колбе была прислана по моей просьбе и стандартная океаническая вода. И ил, и вода содержали почти все химические элементы. Почти все.

На этот раз во время опытов присутствовала Инна. Обычно я не разрешал никому следить за тем, что я делаю вечерами в лаборатории. Инне было поручено ответственное дело — фотография.

Загрузил автоклав илом и водой, подключил контрольную измерительную аппаратуру и стал поднимать давление. Все шло нормально. Я заметил только одно отклонение: стрелка компаса как-то беспомощно вращалась. Это означало, что либо испортился компас, либо началась магнитная буря.

И вдруг — вы понимаете, вдруг! — мгновенно, как и при любой кристаллизации вещества, вся масса в автоклаве зашевелилась. В ее центре отчетливо стало видимым пятилучевое существо. Оно шевелилось! Оно жило! Оно возникало из первозданного ила. Это был первопент! Инна успела сфотографировать его. Смотрите, вот он...

И Пантелеймон Сидорович достал из бумажника фотографию.

Наклонившись к костру, я увидел довольно отчетливо существо, очень похожее на морскую звезду.

— А темп жизненных сил нарастал! Появилась вторая, третья формы... Через минуту их стало столько, что они заполнили весь автоклав, а количество первопентов увеличилось и увеличивалось... Все кончилось так же внезапно, как и началось. Раздался оглушительный взрыв. Я упал, оглушенный...

Несколько месяцев я пролежал в больнице. На память о катастрофе мне остались вот этот шрам и седая прядь волос. И только выйдя из больницы, я узнал, что разорвавшийся автоклав смертельно ранил Инну...

Я не забросил опытов. Я стал работать над темой один. Я употребил все силы. Но все — вы понимаете, все! — опыты были после этого неудачными.

Что я недосмотрел? Какие факторы недоучел? Эти и сотни других вопросов занимают меня сейчас. Ответа на них я до сих пор не нашел.

После утраты Инны я оценил все значение ее советов. Для меня озарились новым светом и получили иное звучание все наши прежние разговоры. Вспоминая их, я видел, как тонко умела она направлять мои мысли по нужному руслу. Прошло уже два года, как я работаю один, и все время ощущаю отсутствие этого мудрого советчика.

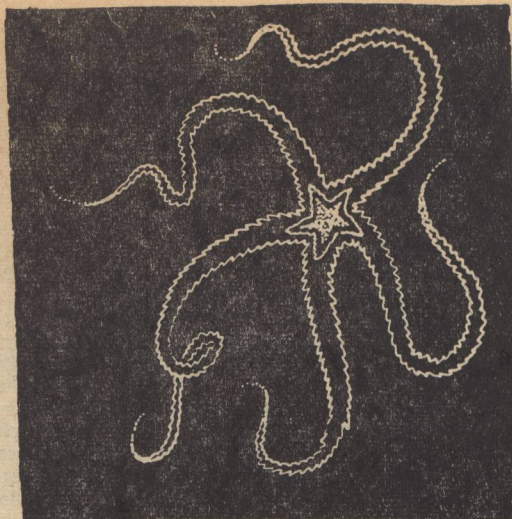
В гостях у морских ежей

Забрезжил рассвет. В молоке тумана раставорились ближайшие скалы, деревья, река.

— Вот видите, — сказал Пантелеймон Сидорович, — уже рассвет. Но расскажу вам еще, как я переквалифицировался и стал палеонтологом, как полюбил изучение жизни ископаемых организмов.

Когда я бился над воссозданием условий для опыта, то неоднократно заходил в тупик: какое необходимо давление в автоклаве? А температура? Насыщать ли атмосферу в автоклаве кислородом, или создать какую-то другую газовую среду?

Инна подсказала мне правильный путь — обратиться за разгадкой к самой природе. Проще всего, выяснить условия обитания у са-

мих пентобиосов всех времен. Надеюсь, вы меня поняли, что пентабиосы — это представители жизни из числа пятилучевых. Их обычно объединяют в единый тип иглокожих.

Конечно, очень важно было изучить на месте горные породы, содержащие древние следы жизни. Для этого нужно попасть на Мадагаскар или в Финляндию. Поехать туда мне, к сожалению, не удалось, и я стал выбирать маршруты более доступные. Несколько дней тому назад, например, я побывал в гостях у морских ежей. Да, да, у ежей! Это здесь же, на восточном склоне Урала. Там есть хорошие разрезы третичных отложений, содержащих в числе окаменелостей и морских ежей.

Я как-то читал о впечатлениях одного туриста, побывавшего на побережье Ионического моря. Он очень подробно описывал, как наколот ногу в море: встал на морского ежа, иглы его впились в пятку и обломились там; рана стала гноиться, дело чуть-чуть не кончилось ампутацией.

Я избежал подобных неприятностей. Мне удалось изучить, как жили ежи того моря, которое здесь расстилалось десятки миллионов лет назад. Понимаете, моря уже нет, а ежи остались. Они-то и рассказали, что глубина в этих местах была небольшой, не более ста метров. Узнать это очень просто. Пласты, в которых встречаются ежи, слоисты. Значит, здесь чувствовалось волнение моря, а оно в современных условиях ощущается до глубин, редко превышающих сто метров.

Мир волшебных сказок открылся передо мной. Я собрал коллекцию странных камней. Внешне они походили на отпечатки животных, но их внутреннее устройство было подчинено кристаллографическим законам. Кстати, оказалось: жизненные формы подчинялись не только цифре пять. Природа делала попытки создавать животных по облику и подобию кристаллов всех систем. Среди древних окаменелостей я обнаружил существа, сходные с разнообразными минералами.

Мы иногда забываем о том, что называется филогенией. Я вспоминал стихи Байрона:

Как благородно, тонко и умно,
И, боже, что за слово «филогения»!
Оно, пожалуй, несколько темно
И может вызывать недоумение,
Но вслух произносить запрещено
Обычное простое выражение,
Не то у всех нас, господи прости,
Была бы «филогения» в чести!

— Ей-богу, господи прости, — рассмеялся Пантелеймон Сидорович, — филогения у нас не в достаточной чести! Ведь каждый организм в своем развитии повторяет главные этапы развития предков. Это и есть филогения. Вот очень древние зверюшки — лихниски. Им около полумиллиарда лет. Они относятся к весьма древним представителям из типа губок, тех самых, которые сейчас употребляются для банных дел. Губки-лихниски имели октаэдрический скелет. Точно такой же, как у минерала куприта — окисла меди. Они подчинялись законам кубической симметрии. И отразили этот этап филогенетического развития в своем скелете.

Ведь мы знаем, что многие из явлений, свойственных, как мы думали, только живым существам, установлены и в неживой природе. В мире «мертвых» минералов есть и сложная межвидовая борьба, и битвы за существование, и многое другое. Наличие у живых существ этих же явлений — тоже филогения.

Были животные, подчинявшиеся и другим закономерностям: шестилучевой, четырехлучевой и многим другим. И все это записано в их скелетах, дошедших до нас из глубин веков. За такими окаменелостями я сейчас и охочусь.

Вот еще группа ископаемых, начавших свое существование свыше миллиарда лет назад. Они похожи на фунтики, свернутые из бумаги. Это водоросли Коллениа. На поиски их мы ездили с Инной на Урал, в один из карьеров Бакальского железорудного месторождения. Многие из таких коллений похожи на минеральные структуры, названные «фунтиковыми». Ученые толком не знают, как образовались фунтиковые минералы. Исследователи окрестили это явление нарушенной

кристаллизацией. Все формы, возникшие при необычной — нарушенной — кристаллизации, описал для Урала профессор К. К. Матвеев, изучавший их в бассейне реки Чусовой. Фунтиковые структуры Матвеева настолько похожи на бакальские, что неопытный исследователь перепутает: где формы растительного происхождения и где — представители неживой природы.

Я видел такие же фунтики из месторождений Поопо, Оуро в Боливии. Они состоят из сернистого свинца, олова и сурьмы. Никто не сомневается в их минеральном происхождении. В музее, где они выставлены, их называют минералом «килиндритом». Внешне же этот килиндрит неотличим от бакальских и чусовских фунтиков.

Но, конечно, самое большое количество ископаемых организмов было подчинено оси пятого порядка — L-5. Только в наши дни живет свыше шести тысяч видов иглокожих. Тысячи видов известны и из числа ископаемых форм.

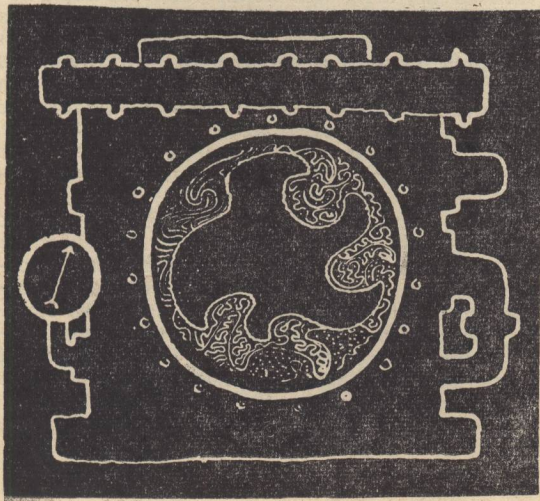
Иглокожие вообще представляют любопытный тип животных: их объединяют с позвоночными и другими близкими к ним формами в крупную группу. Понимаете, весь мир животных разделен, грубо говоря, на две категории. С одной стороны — моллюски, черви, насекомые, а с другой — позвоночные и все формы, подчиненные пятилучевой симметрии.

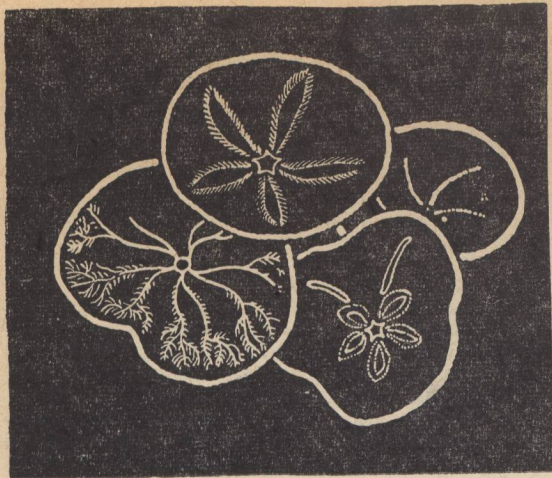
Ископаемые иглокожие рассказали мне и о своем строении, и о своем образе жизни. Много я прочел в трудах, посвященных описанию современных морских ежей, морских лилий, голотурий, офиур, морских звезд и других иглокожих.

В поперечных и продольных срезах ископаемых иглокожих я увидел чрезвычайно тонкие черты филогенеза. Оказалось, что вся сложная система, по которой движется вода у иглокожих, подчинена законам так называемой дендритной кристаллизации. Эту систему у иглокожих называют амбулякральной. Каналы морских звезд и других организмов типа иглокожих представляют чрезвычайно прихотливо переплетенные трубочки и мелкие полости, по которым вода приносит в организм питательные растворы и выносит все продукты распада.

Так вот, в отдельных случаях вы не различите, где амбулякры, где дендриты — ветвистые сочетания сложных кристаллов. А что такое дендриты? Каждый может увидеть их у себя дома, когда мороз нарисует затейливый узор на окнах. Это и есть дендритные кристаллы льда. Есть много других химических соединений, которые рисуют еще более сложный дендритный узор.

Законы дендритной кристаллизации для различных сплавов разработал в прошлом столетии выдающийся русский ученый Д. К. Чернов. Рисунки его гигантского дендритного кристалла — 39 сантиметров — вошли во все учебники по металлосведению. А сейчас ученые создают чудесные модели таких дендритов. Я видел недавно у одного исследователя фотографии дендритов йодистого кадмия. Глядя на них, вы не поверите, что перед вами неживая природа: настолько обманчиво сходство дендритной сетки кристаллов с лепестками живых цветов.

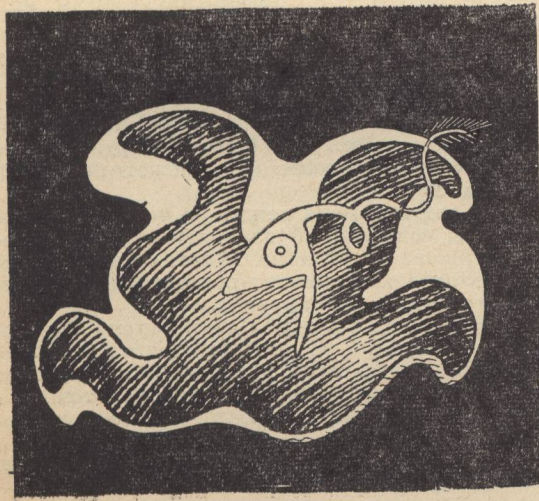

У себя в кабинете я смог бы показать вам сотни фотографий каналов амбулякральной системы иглокожих в сопоставлении с дендритными кристаллами. Приезжайте ко мне в Москву после войны. Я вам даже покажу фильм, снятый под микроскопом. Вы увидите процесс кристаллизации всех таких форм.

А как просто перешагнуть от этих кристаллов к происхождению основных функций живых существ — к способам питания и выделения отходов. По системам дендритных каналов проходила вода и привносила соли разнообразных элементов. Она же могла и выбрасывать ненужное.

Первые животные могли не иметь всех жизненных функций или представлять их в других видах и формах. Ведь нашли же недавно среди позвоночных удивительные существа, не имеющие органов пищеварения. Их, кажется, называли погонофорами. Даже поговаривают о выделении их в самостоятельный тип.

Любопытно, что все современные иглокожие терпеть не могут пресной воды. Они в ней гибнут. Не встречены они в пресноводных осадках и в ископаемом состоянии. Значит, в автоклаве надо иметь соленую среду. Дальше. Многие ежи, голотурии и звезды питаются грунтом. Значит, иловатый грунт — необходимая основа.

Мы еще не затронули в своих исследованиях большого раздела, находящегося на грани живой и неживой природы. Я имею в виду сочетания минералов и органической массы. Я бы назвал этот раздел науки камнеорганическим. Есть, например, минерал конхит — разновидность арагонита, все той же углекислой извести, известки. В виде мельчайших пластинок он входит в состав раковин морских животных. Иногда, в сочетании с органической массой, он создает неповторимые по красоте жемчужины. Со смертью животного конхит самопроизвольно изменяется и превращается в кальцит. Иногда такой процесс перерождения камня (а по-существу его смерти) длится сотни тысяч и миллионы лет. В «умирающем» конхите всегда удастся определить десятые и сотые доли процента аминокислот — составных частей белка. В иловатом грунте, взятом для опыта, было достаточное количество извести.

— Я интуитивно создал тогда в автоклаве именно то, что нужно было для моих пентабиосов. А сейчас...

Ответа пока еще нет, но я чувствую, что он где-то рядом. Еще немного — и придет разгадка.

Среди бесконечно малых

Последние страницы моего дневника содержат отрывочные записи. Не помню, что помешало мне связно воспроизвести рассказ Пантелеймона Сидоровича. Я сумел нацарапать только две странички. Да и из них большую часть не смог разобрать.

В конце нашей беседы Пантелеймон Сидорович излагал основы своего взгляда на происхождение жизни. Ценность его воззрений заключалась в том, что он сам создал жизненные формы.

Проблему зарождения жизни на Земле он решал с точки зрения кристаллографа, точнее, кристаллохимика. В его рассказе много места было уделено химии жизни.

— Еще в 1915 году, — говорил Пантелеймон Сидорович, — наш замечательный кристаллограф Евграф Степанович Федоров в статье «Разум и инстинкт» писал, что «химические частицы в кристаллах занимают наиболее плотное расположение из всех возможных».

Современная кристаллография разобралась, на основе законов Федорова, в строении кристаллического вещества. Ученые сумели дать изображение упаковок атомов и ионов в любом кристалле. Учтите, разбираться пришлось в мире бесконечно малых величин, где счет ведется на ангстремы — стамиллионные доли миллиметра!

Один физик рассказывал мне, как он понял физический смысл бесконечно малых исчислений. Он был в армии. Всех солдат там

остригли. Через месяц волосы отросли. Оказалось, что каждую секунду волос отрастал на 40 ангстрем и вырос за месяц примерно на сантиметр! Так вот, в этом мире бесконечно малых величин и заложены основы упаковки атомов и ионов. Обратите внимание, что кристаллографы рассчитывают только наиболее плотные упаковки. В таких кристаллах, говорят они, возникают и наиболее прочные электромагнитные сцепления между отдельными частичками, составляющими кристаллическое вещество. Как только нарушается упаковка, немедленно возникают электрические токи, появляющиеся из-за неравномерного распределения электрических зарядов в веществе. Вот эти-то электрические токи и дали ту начальную форму движения вещества, которая обуславливает жизнь...

Чему же верить?

Здесь обрываются записи. Остались неразобранными какие-то формулы, которые я записал на память уже после того как мы распрощались. Смысл их теперь мне абсолютно непонятен.

Сейчас, спустя более чем двадцать лет, я все же могу подвести некоторые итоги и подчеркнуть то хорошее и то сомнительное, что, мне кажется, имело место в работе Пантелеймона Сидоровича.

Главной ошибкой его было то, что он не привлек к своим исследованиям коллектив. В наши дни нельзя быть индивидуалистом в науке. Пантелеймон Сидорович хотел один открыть то, что по плечу только коллективу разнообразных специалистов. Ему пришлось самому быть одновременно и кристаллографом, и палеонтологом, и палеогеографом, и физиком, и химиком. Конечно, один человек не мог и не может быть крупным знатоком во всех этих областях знания.

Пантелеймон Сидорович правильно сделал, что стал исследовать возможность эволюции многоклеточных организмов не из простейших, как это принято большинством ученых. Ведь то, что мы называем «простейшими», представляет сложный организм, управляемый саморегулируемыми биохимическими реакциями. Современной наукой вскрыто сложнейшее устройство и у этих «простейших».

Важно учитывать законы кристаллографии и кристаллохимии, и в этом, бесспорно, заслуга Пантелеймона Сидоровича. Правда, вряд ли есть смысл все сводить только к этим законам, но и решать проблему в целом без них, конечно, нельзя.

Может быть, действительно есть смысл пересмотреть основы клеточной теории живого вещества в свете законов дендритной кристаллизации?

Еще более важным является то, что он обратил внимание на электрохимические реакции, идущие в митохондриях. Нам известно, что своеобразная разрядка «электрохимических элементов» происходит на каждом шагу в нервной клетке. Разрядка возникает под влиянием ничтожных количеств ионов калия,

имеющихся в нервном волокне. Мы еще не полностью познали все эти процессы, но уже сейчас ясно, что в свое время мы недоучитывали биохимические электрические цепи.

Важно при этом иметь в виду и скорость процесса, а не сводить все к длительной эволюции. По-видимому, имела место и быстрая кристаллизация вещества, и эволюционная растянутость процесса.

Интересен момент, на который Пантелеймон Сидорович не обратил внимания: это поведение магнитной стрелки во время опыта. Ведь если опыт проводился во время магнитной бури, то, значит, Земля подвергалась или могла подвергаться космическому излучению. Космические частички пронизывали и автоклав. Не были ли они теми биостимуляторами, теми катализаторами, которые содействовали реакции при возникновении первопентов? Конечно, в то время Пантелеймон Сидорович не мог их учесть.

Влияние радиации на ускорение хода химических реакций выяснено в наши дни во многих производствах. Так, при крекинге (расщеплении) тяжелых углеводородов всю массу перед переработкой облучают гамма-лучами. Это облегчает ход реакции и приводит к большему выходу легких углеводородов (бензина). Гамма-лучи — прекрасный катализатор.

А седая прядь, возникшая во время опыта! Не свидетельствует ли она о том, что сам экспериментатор тоже подвергся облучению? Конечно, не каждый седой волос говорит об этом. Седина возникает от многих причин, но в том числе и от облучения.

И еще. Недавно была опубликована фотография, снятая сотрудниками экспедиционного судна «Витязь» на дне одной из тихоокеанских впадин. Там отчетливо виден гигантский пентабиос — какой-то пятилучевой организм, живущий на дне океана на глубине свыше десяти тысяч метров! Он очень похож на фотографию того первопента, которую мне показывал Иванов.

Кажется, все хорошо, все сходится. И в то же время я с сомнением перебираю записи. А что, если я стал жертвой мистификации, и никаких первопентов и пентабиосов не было? Что, если все это выдумка? Ведь история развития науки знает и мистификации, и ложные информации о якобы решенных проблемах.

Нет! Не может быть! Сомнения были рассеяны той справкой, которую мне прислали с места работы Иванова.

Правда, в справке написано, что в служебных шкафах не было обнаружено его дневников и записей. Но, может быть, они где-то хранятся?

А затем у меня лежит на черном бархате камень, содержащий два пятигранника далекого прошлого. Тысячи видов окаменелостей и современных форм подтверждают идею Пантелеймона Сидоровича.

Выполняя просьбу Пантелеймона Сидоровича Иванова, с которой он обратился ко мне в ту памятную ночь, я публикую эти заметки. Возможно, они послужат отправной точкой в работе какого-нибудь исследовательского коллектива.

Рисунки Г. Перебатова

11 сентября исполняется семьдесят пять лет со дня рождения известного уральского революционера, большевика-ленинца Ивана Михайловича Малышева. С его именем связано немало славных страниц в истории подготовки и свершения Октябрьской революции и установления Советской власти на Урале.

Ниже публикуются главы из документальной повести Б. Козулина «Ярким пламенем», посвященной И. М. Малышеву, с рисунками А. Туманова.

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Мороз крепчал. В лунном свете искрился чистый снег. Белые пушистые шапки его покоились на ветвях деревьев, на крышах домов, на пустынных улицах. Время было еще не позднее: около десяти, но витрины магазинов уже скрылись под массивными железными ставнями, а на дверях повисли пудовые с секретом замки. Улицы опустели: Екатеринбург готовился к встрече Нового, 1917, года.

Продрогший городской, постукивая нога об ногу, мелкими шажками прогуливался по Главному проспекту. Иногда он останавливался, поеживался, зачерпывал из сугроба снег и яростно растирал мясистый нос. Празднично сияющие окна домов раздражали городского. «В тепле сидят, — досадовал он. — Овсягов провёл меня на мякине. Не первый раз от службы уходит. Видишь ли, животом замаялся! Живот не живот, а отдежурить должен. Майся теперь за него... А он, небось, уже к столу причалил... Преуменьительно было бы сейчас водочки. Да огурчиком солёным её приглушить сверху-то. Огурчик плотненький, с мелкими пупырышками. Эх-х-х!»

Из-за угла одна за другой вырвались тройки. Взметая снег, передняя лихо промчалась мимо городского. Парень с двухрядкой в руках, заметив его, приподнялся на облучке и прокричал:

— Застыл, селедка! Прыгай ко мне — согрею!

Городовой приосанился, поправил шапку и погрозил гармонисту кулаком.

«Распустился народ. Никакого уважения к властям». А шумная компания с песнями, смехом и заливистыми переборами гармонии уже мчалась по Московскому тракту за город.

Миновав последние домики окраины, тройка остановилась. Люди высыпали из саней. Началась веселая возня. Кто-то кому-то подставил ножку, и, когда неудачник плюхнулся в сугроб, победитель со смехом навалился на него.

— Куча мала!
— Давай сюда!
— Ух-х!

Мужчина в пальто с черным каракулевым воротником и черной шапке пирожком переходил от группы к группе, отводил кого-то в сторону, беседовал накоротке.

— По саням! — крикнул гармонист.

Все бросились занимать места. Мужчине пришлось настигать последние сани.

— А ну-ка, потеснись! — Он прыгнул в сани. — Так до смерти загнать человека можно. Давай!

Гармонист, сдвинув на затылок шапку, бойко перебирал лады двухрядки.

— Из-эх, разудалые! — Кучер встряхнул вожжами. — Залетные!

Копыта лошадей дробили плотный снег. Комья его часто забарабанили по передку саней.

— Из-эх!..

Гармонист запел частушки:

Объявляем всем девушкам,
Тем, что не сосватаны:

Верхисетские ребята
Из железа катаны...

— Откуда такой, а? — спросил мужчина в черном пальто у пожилого соседа.

— Это, Иван Михайлович, верхисетский, наш. Василий, из литейного. При нем говорить можно. Что порешили-то?

— А порешили мы так, — Иван Михайлович понизил голос до шепота. — Партийную конференцию созвать пятнадцатого января, в воскресенье. Передашь другим.

— Добро. А с мест успеют?

— Постараемся обеспечить.

Возвращались за полночь. Вновь тройка взбудоражила сонную тишь Главного проспекта.

Гармонист опять крикнул городовому:

— Не замерз еще? Не прокарауль царствие. — И, сделав паузу: — Небесное!

АРЕСТ

Подготовка к Екатеринбургской партийной конференции проходила в большой тайне, но полицейская слежка за Иваном Михайловичем Малышевым и его друзьями усилилась. Возле дома Ливадных, на втором этаже которого помещалась больничная касса Верхисетского завода, часто появлялся упитанный, краснощекий господин. Он прогуливался по другой стороне улицы и внимательно наблюдал за входом в больничную кассу, словно, фотографировал взглядом каждого посетителя. Да и сама рабочая больничная касса была властям поперек горла. Больше всего краснощекого интересовал секретарь больничной кассы Малышев. Сам господин исправник предупреждал, что за этим бунтовщиком нужен глаз да глаз.

Однажды, возвращаясь поздно ночью с завода, Иван Михайлович у ворот своего дома неожиданно столкнулся с краснощеким. «Значит, не ошибся, — отметил он про себя. — Как бы налет не устроили».

Но не предполагал он, что это произойдет так быстро.

На другой день вечером, когда Наталья Анатольевна, жена Малышева, замесив тесто, уже собиралась завязывать квашню, чтобы поставить ее на печь, в дверь громко постучали.

— Открывай! Полиция!

— Да что вы громыгаете. Сейчас, сейчас... Руки у меня в тесте, — спокойно ответила Наталья Анатольевна. А на самом деле она была встревожена. В печи был спрятан мешочек с типографским шрифтом. «Найдут!» — Наталья Анатольевна достала шрифт и опустила его в квашню.

В дверь забарабанили так, что затрещали доски.

— Пожалуйте, пожалуйста! — приговаривала хозяйка, вытирая фартуком руки.

В комнату ввалились три жандарма и краснощекий господин в штатском. Ротмистр с болезненно-бледным лицом тусклыми глазами скользнул по фигуре молодой хозяйки.

— Почему не открывали сразу? Надо уважать законы!

— Я же объяснила. Руки были в тесте.

— Руки помыть! — ухмыльнулся один из жандармов. — Знаем вас!

— Ведите себя повежливее! — обрвала его Наталья Анатольевна.

Ротмистр с удивлением посмотрел на хозяйку и, поморщившись, спросил:

— Господин Малышев дома?

— Нет.

— Посмотри. — Ротмистр кивнул головой в сторону закрытой комнаты.

Жандарм пинком распахнул дверь и шагнул внутрь.

— Пусто, господин ротмистр.

— Начинайте.

Наталья Анатольевна присела у окна. Жандармы бесцеремонно сбрасывали с этажерки книги, рылись в сундуках и комоде. «Вот-вот должен прийти Ваня. Надо его предупредить». Наталья Анатольевна накинула на голову шаль и, прихватив ведро с помоями, направилась к дверям.

— Помои забыла вынести...

— Помои? — Ротмистр поиграл бровями.

Жандарм взял кочергу и покрутил ею в мутной воде.

— Дозвольте, дамочка, помочь...

Женщина опять опустилась на стул. Ротмистр перелистывал книги. Из соседней комнаты показался выпачканный мелом краснощекий.

— Пока ничего...

Со двора вернулся жандарм, с грохотом поставил у порога пустое ведро и, вытинувшись, доложил:

— Так что, ваше благородие, ничего недозволенного не оказалось.

— Взгляни на печи.

Загрели кастрюли, сковородки, покатались поленья.

Жандарм, поставив табуретку, полез на печь. Осмотрев все уголки, постучал пухлой ладонью по квашне и принялся развязывать полотенце. Наталья Анатольевна, боясь выдать волнение, отвернулась к окну. Жандарм склонился над квашней, потянул ноздрями сдобный воздух, секунду помедлил и, бросив полотенце, спустился на пол.

Обыск закончился. Обнаружен был лишь тайник с антивоенными листовками и нелегальной партийной литературой. Краснощечий, не скрывая своего удовлетворения, сел писать протокол. Внезапно открылась дверь и на пороге появился Малышев. Шпик вскочил.

— Он!.. Пожаловали-таки, Иван Михайлович!

— Вы арестованы! — заученно проговорил ротмистр.

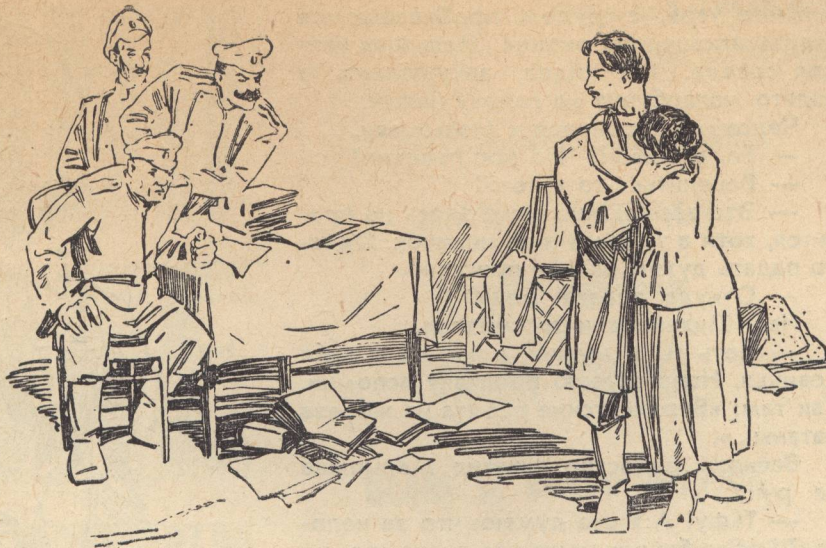
— Что ты, что ты... — заговорил Малышев, поглаживая вздрагивающее плечо припавшей к его груди жены. — У нас такие важные гости, а ты плачешь. То-то, я смотрю, помои у порога вылиты. На тебя, думаю, это не похоже. — Иван Михайлович заметил, что на столе мешочка со шрифтом не было. — Ведь ты умница, Наташа...

— Поторопитесь, господин Малышев.

— Успею. — Он вынул из кармана часы. — Возьми-ка, Наташа, а то в казенном доме хозяева ненадежные.

— Позвольте-ка! — крикнул краснощечий.

Малышев спокойно и, казалось, даже с любопытством смотрел на агента охраны. Тот повертел часы в руках, поднес к уху и, буркнув что-то, протянул их Наталье Анатольевне, не подозревая, что передает вместе с ними важный документ: между крышками находилась отпечатанная на тончайшей папиросной бумаге шифровка о созыве партийной конференции.

В ТЮРЬМЕ

Перед глазами маячила железная решетка екатеринбургской тюрьмы. Сколько дней придется томиться в бездействии, когда дорог каждый час!

— В крепость! — коротко бросил начальник.

Надзиратель и двое конвойных повели Малышева по длинным коридорам и лестницам, с этажа на этаж. «Крепость» находилась в одном из дальних концов здания. Это были пять тесных, примыкавших друг к другу камер с коридором, отделенным от основного двумя рядами толстых стальных прутьев. В «крепости» содержались наиболее опасные противники царского правительства.

В мрачной низкой камере Иван Михайлович осмотрелся. Оконце с крепкой решеткой. Голые стены. Две железные койки. На одной из них, укрывшись с головой, неподвижно лежит человек. Иван Михайлович подошел к своей койке, лег и закрыл глаза. Но сон не приходил. Мысли снова возвращались к событиям дня. В ушах все еще звучал зловеющий голос ротмистра Ивановского:

— Мы знаем о вас гораздо больше, чем вам кажется, господин Малышев. Советую подумать над этим, ибо нам еще не раз придется встретиться!..

...В голубоватом призрачном свете

зимнего утра, с трудом пробивавшемся сквозь крошечное оконце, Малышев увидел соседа. Тот сидел, закутавшись в пальто, нахлобучив на голову шапку.

Человек повернулся к Малышеву.

— Ба, Василий?! Что нос повесил?

— Веселиться-то с чего?

— Это верно. Мне тоже здесь не нравится, хотя в тюрьме я не новичок. Однако падать духом нам не пристало.

— Откуда знаете меня?

Иван Михайлович рассмеялся.

— Хотя ты и мужик, а память у тебя девичья. Новогоднюю прогулку вспомни. Как там: «Верхисетские ребята из железа катаны...».

Василий радостно схватил Малышева за руку.

— Тьфу! А я все думаю: что за человек? Вроде бы в лице что-то знакомое, но где видел — хоть убей, не припомню. Извините, думал, «наседку» подсунули.

Василий повеселел. Он снова был прежним — жизнерадостным весельчаком.

Малышев тоже был доволен, что встретил товарища по общему делу.

ПЕРЕДАЧА

С первых дней заключения Василий стал испытывать благотворное влияние Малышева. Опытный подпольщик, хорошо образованный марксист, Иван Михайлович терпеливо воспитывал молодого рабочего. Иногда у них вспыхивали споры. Горячий, порывистый парень бурно отстаивал свою точку зрения. Малышев возражал спокойно, не торопясь. Но в его простых, неторопливых словах заключалась удивительная сила.

— И как это у тебя получается все так ясно? — недоумевал Василий. — И слова-то вроде обыкновенные...

Ивану Михайловичу удалось предостеречь молодого товарища от многих опрометчивых, опасных поступков.

Однажды Василий сообщил, что готовится убить во время прогулки охранника и убежать.

— Пойми, Василий, — ответил на это Малышев. — На место одного царского сатрапа посадят другого. Корень зла не в отдельных людях, а во всем самодержавном строе. Этот строй уже разваливается, и доконает его революция.

— Выходит, большевики против террора?

— Да. Индивидуальный террор проповедовали народники.

Загремел засов.

— Передача. — Надзиратель протянул связку баранок и жестяной чайник.

Когда дверь снова захлопнулась, Иван Михайлович, потирая руки, сказал:

— Давай-ка, Василий, кружки.

Потом тихо произнес:

— Взгляни, нет ли кого...

С удивлением наблюдал Василий, как Малышев ловко отделил дно чайника, вытащил записку и стал ее читать.

— Арестовано, Василий, двенадцать человек, — сказал он хмуро. — Лепа, Фехтер, Кочкина... Товарищи предполагают, что кто-то выдал...

Тягостная тишина продолжалась долго. Сильная рука Малышева легла Василию на плечо.

— Борьба без жертв не обходится, — твердо проговорил Малышев. — И ты, Василий, запомни, что ряды наши растут. И скоро, очень скоро рухнет старый мир.

МОДИН ВЛОДЕ ВОЖИ

Ю. ДОЛЬД-МИХАИЛИК

Рисунки С. Киприна

Приключенческий роман

КНИГА ВТОРАЯ

Часть третья

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вслед за семью ветрами

А пока что пути вели не далее Фигераса. На окраине, возле маленького домика, скрытого в глубине сада, Фред вышел из машины, а Нунке с Агнессой направились в центральную часть города, где расположены были магазины и немногочисленные городские учреждения.

Молодая женщина, такая оживленная всего лишь несколько минут назад, теперь будто окаменела и, впевив глаза в ветровое стекло машины, отвечала на замечания Нунке кратко и невпопад. Все внимание ее было сосредоточено сейчас только на одном: не обернуться, не посмотреть назад, туда, где осталось таинственное жилище, у которого, почти на ходу, не сказав ни слова, выскочил Фред.

Кто живет в этом домике? Почему Фред никогда не говорил о том, что у него в городе есть друзья? Может быть, спросить Нунке? Нет, нет, ни за что! Он не из тех, кому можно разрешить читать в своем сердце. Чего доброго, еще поднимет на смех, подумает, что она...

Слово «ревнует» Агнесса не произнесла даже мысленно, скрывая от самой себя это тревожившее сердце, туманившее голову чувство. Сегодня ей волноваться нельзя, она должна быть особенно спокойной и уравновешенной, чтобы выполнить все, что велел пад-ре. Но как, как хотя бы на часок избавиться от Нунке?!

Агнесса искоса взглянула на его выхоленные, но сильные руки, уверенно лежавшие на руле. Из таких рук не вырвешься, все, что попадает в них, они держат мертвой хваткой... Будь рядом Фред, он что-нибудь придумал бы, а так... Ноги у нее отяжелели, руки холодные, как две льдинки, и кажется, вся кровь прилила к сердцу. У нее не хватит сил даже на то, чтобы подняться в контору... Нет, сегодня она ничего не сможет сделать! И не только сегодня, а, по всей вероятности, никогда не отважится на такой шаг!.. Наверное, так уж на роду написано ей и несчастной девочке...

И вдруг перед ее глазами возникает лицо дочери. Возбужденное, с сияющим взглядом,

Продолжение. Начало см. № 8, 1963 г.

будто в туманной дымке, вырисовывается оно на ветровом стекле... Каждая черточка этого любимого личика светится радостью. Ах, как мог падре так неосторожно заговорить в присутствии Ирене о поездке в Рим! А она, Агнесса? Зачем она поддержала этот разговор, зачем обещала... Нужно было просто промолчать. Пстой, пстой, ну и зачем же ты хитришь! Ты ведь тоже обрадовалась его предложению, и, словно бурный горный поток, вырвались тогда из твоего сердца и смех, и слезы...

Лишить Ирене этой надежды, этого счастья? Никогда! Ни за что! Это значит — убить тебя, моя крошка. Потому что разве можно жить, не надеясь?!

Отчаянное желание спасти свое дитя представляет Агнессе сил. Глаза ее опять вспыхивают, губы раскрываются в улыбке.

— Герр Нунке,— обращает она вдруг ожившееся лицо к своему спутнику,— может быть, отложим хоть на полчаса наши скучные дела? Что, если мы посидим немножко в каком-нибудь кафе? Я так одичала в этом глухом углу! Если бы вы знали, как хочется мне побыть среди людей!

Нунке удивленно смотрит на Агнессу. В ее глазах простодушная просьба, а на губах такая милая смущенная улыбка, что даже намека на подозрение не закрадывается в его голову. К тому же, выходной костюм молодой женщины так элегантен, а сама она так хороша... С ней не стыдно показаться в обществе.

— Ваш покорный слуга, дорогая патронесса!— говорит Нунке после минутного колебания.— Приказывайте, где остановить машину.

— Вот тебе и на! И вы спрашиваете это у меня, отшельницы! Ведь я же здесь, кроме нескольких магазинов и конторы банка, ничего не знаю. Решайте сами! Конечно, кафе должно быть приличным...

— Что ж, кутить так кутить,— улыбается начальник школы.— Остановим свой выбор на «Эльдорадо», это в нескольких кварталах отсюда.

На что надеется Агнесса? Хочет выиграть время? Отдалить ту неприятную минуту, когда они войдут в мрачную контору мадридского филиала банка, чтобы уладить кое-какие финансовые дела?

Нет, действиями молодой женщины руководит сейчас расчет, только холодный расчет. Она знает: в двенадцать часов весь бомонд города, все модницы высыпают на главную улицу, чтобы пройтись, себя показать и других посмотреть, встретиться со знакомыми и выпить где-нибудь чашечку вкусного кофе с пирожными донна Альвареса, короля местных кондитеров. Едва ли Изабелла, пассия Нунке, о которой рассказывал ей Ворон, будет сидеть дома в этот солнечный весенний день... Встретить бы ее, только бы встретиться!.. Эта особа не из тех, кто позволяет своему поклоннику появляться в обществе с другой женщиной...

В кафе былолюдно. Проходя по залу, Агнесса невольно оперлась на руку своего спутника и, чтобы скрыть смущение, опустила глаза. Она видела теперь только носки своих туфель и бесконечный, как казалось ей, проход между столиками, поэтому и не заметила, с каким любопытством смотрели на нее при-

сутствующие: мужчины — явно любясь, женщины — с едва скрываемой враждебностью. Зато Нунке хорошо понимал значение этих обращенных на его спутницу взглядов.

«В конце концов, появление рядом с красивой женщиной только повысит мой престиж,— рассуждал он.— Напрасно я до сих пор пренебрегал этой возможностью. Правда, Изабелла тоже красива, но... Странно все-таки: глядя на патронессу, никогда не скажешь, что Менендос подделал ее где-то в таборе. Горделивая осанка, движения и речь сдержанны и в то же время непринужденны...»

— Прошу, уважаемый сеньор и высокоуважаемая сеньора! Тут вам будет уютно, удобно,— прервал его размышления официант, указывая на свободный столик.

Пока Нунке заказывал пирожные и кофе, Агнесса внимательным взглядом обвела лица присутствующих. Ни единой женщины, похожей на Изабеллу, которую она, хотя никогда и не видела, но хорошо представляла себе со слов Ворона!

«У нашего шефа не хватает вкуса,— рассказывал он.— Его пассия довольно красива, только ни в чем не знает меры. Одним словом, сеньора Слишком! Правда, неплохое имя я ей придумал!»

Донья Менендос посмеялась тогда, разве могла она предположить, что когда-нибудь ей придется воспользоваться этим словесным портретом? Старый генерал очень образно охарактеризовал красавицу. Еще минуту назад Агнессе казалось, что она сразу же узнает ее, а теперь, в этом человеческом потоке...

И вдруг будто электрическая искра пронизала ее. Даже не рассмотрев еще как следует, Агнесса почувствовала: она!

Женщине, остановившейся в дверях, и в самом деле очень шло имя, данное Вороном. Одетая она была изысканно, но подчеркнуто модно. Короткие волосы, выкрашенные хной, слишком яркие для смуглой кожи и угольно-черных бровей. Жемчужины в ожерелье слишком велики, чтобы казаться настоящими.

И в самом деле сеньора Слишком!

Скользнув по фигуре Нунке, большие черные глаза женщины впились в лицо Агнессы.

— Герр Нунке, взгляните, какая красавица! И почему-то смотрит в нашу сторону... Вы не знакомы с ней?— Агнесса изо всех сил старалась сохранить беззаботный вид, но в голосе ее слышалось замешательство: Изабелла не сводила с нее своих горящих глаз.

Рука Нунке, державшая чашечку кофе, застыла у рта. Как обычно, он собирался пойти к Изабелле вечером, и вдруг — такая неожиданность!

— Будьте джентльменом! Если это и в самом деле ваша приятельница, пригласите ее к нашему столу! Иначе она бог весть что подумает о нас!— настаивала Агнесса.

Растерявшийся было Нунке овладел собой. Стремительно поднявшись, он помахал Изабелле рукой и с радостной улыбкой поспешил ей навстречу.

Встретившись лицом к лицу в нешироком проходе, оба на мгновение остановились. Агнесса видела, как гневно прошептала что-то Изабелла, как, очевидно извиняясь, подался всем телом вперед Нунке. Потом он пропус-

тил свою даму вперед и, слегка поддерживая ее под локоть, подвел к столику.

— Разрешите представить: донья Менендос, патронесса школы, где я имею честь работать... А это — моя хорошая приятельница, донья Изабелла. Счастливый случай привел ее сюда, и я буду рад...

— И в самом деле счастливейший случай! Если бы не знакомая машина у подъезда кафе, ваша, как вы говорите, «хорошая приятельница» так и не узнала бы, что вы в городе, — едко прервала его Изабелла и, повернувшись к Агнессе, прибавила: — Нет, нет, только мы, женщины, умеем ценить старую дружбу! Не так ли?

— Мы с герр Нунке, старые знакомые, — улыбнулась Агнесса, — и мне кажется...

— Что ж, значит, вам повезло больше, чем мне, — нетерпеливо прервала ее Изабелла, с иронией делая ударение на слове «вам».

— Вы не дослушали меня, — спокойно продолжала Агнесса. — С ним мы живем почти рядом, часто встречаемся по делам школы. Уверю вас, что герр Нунке...

Изабелла метнула гневный взгляд в сторону Нунке и деланно рассмеялась:

— О, не будем говорить о достоинствах нашего общего друга! А то, чего доброго, он и сам в них поверит!

Пододвигая Изабелле кофе и печенье, только что принесенные официантом, Нунке попытался обратить все в шутку.

— Наглядное опровержение только что сказанного вами, Изабелла: ваше любимое миндальное. Как видите, я хорошо знаю, что вы любите...

— Вы собираетесь так легко отделаться? Вы видите, донья Менендос, какой это самоуверенный человек!

— Готов искупить свою вину... — с деланной покорностью склонил голову Нунке.

— Донья Менендос, какое наказание мы ему придумаем?

— Женщина должна быть милосердной...

— Ну, нет! Я не из милосердных! А поэтому, герр Нунке, беру вас под арест на весь день. Даже не под арест, а в плен. Я не шучу, имейте в виду! Сегодня у меня собирается небольшое общество, и вам придется развлекать гостей.

— Через час-другой я буду полностью в вашем распоряжении.

— Герр Нунке! — вмешалась Агнесса, стараясь скрыть волнение. — А почему бы нам не сделать так: я схожу в банк и получу деньги, а документы, о которых мы с вами говорили, можно будет оформить и в следующий приезд... Когда вы собираетесь быть в Фигерасе?

— Мне хотелось обязательно закончить со всем этим сегодня... — неуверенно начал Нунке, но Изабелла капризно воскликнула:

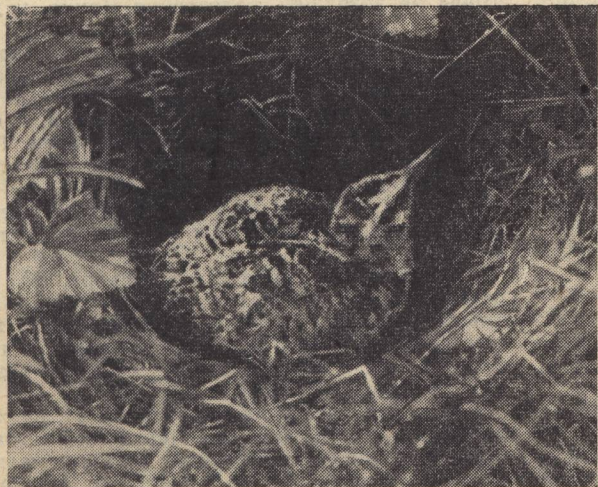
— Вы слышали, что я сказала? Вашей особой с этой минуты распоряжаюсь я! Если донья Менендос говорит, что может справиться сама... Так ведь? Я правильно вас поняла? — Изабелла повернулась к Агнессе и теперь смотрела на нее с недоверием и в то же время с готовностью пойти на примирение, если та ответит положительно.

— Конечно, правильно. Получить определенную сумму для школьных нужд не так уж сложно. Ну, а обо всем остальном... Боже, неужели все это так срочно!.. Мой покойный муж тоже был деловым человеком, но стоило мне захотеть поехать куда-то или развлечься, он моментально забывал о своих бумагах и счетах...

— Решено: я вас не отпускаю! — громко воскликнула Изабелла и захлопала в ладоши. Нунке поморщился.

— Хорошо, хорошо, дорогая. Согласен на все условия!

Лесные малыши

Осенью в лесу тихо, но тишина эта обманчива. Птицы еще не улетели, почти каждая пара вывела нескольких птенцов, и, бродя по лесным дебрям, то встретишь молодого дрозденка, внезапно с криком сорвавшегося с ветки, то вдруг раздастся торопливо-отрывистый треск «тк-тк-тк» самки рябчика.

Недавно, собирая грибы, мы с товарищем натолкнулись на выводок вальдшнепов. Мать куда-то исчезла, а малыши прижались в траве и сидят, не шелохнутся. Неожиданно один из них побежал, пытаясь скрыться. Я — за ним. Сделает вальдшнеп несколько шагов и останавливается. Посмотрите на этого бегуна.

А. КЛЕБАНОВ

Агнесса встала.

— В таком случае я тотчас отправляюсь. Очень рада, что познакомилась с вами, донья Изабелла! До скорого свидания, герр Нунке! Надеюсь, с вами будут обращаться не слишком строго.

Довольная, что избавилась от начальника школы, Агнесса направилась было к выходу, но Нунке остановил ее.

— Одну минутку! Я не могу взвалить на ваши плечи столько хлопот! Это будет не по-джентльменски да и неосторожно: сумма большая, а по городу бродят разные люди... Что же нам придумать? Ага! Разрешите оставить вас одних на четверть часа. Пять минут на то, чтобы доехать к Фреду, пять — чтобы доставить его сюда. Остальное — на непредвиденные задержки в пути... Только после этого я смогу чувствовать себя спокойным: у доньи Менендос будет надежный советник, чичероне, защитник...

— Чудесно! — щеки Агнессы слегка порозовели. — С Шульцем я и в самом деле буду чувствовать себя уверенней... Донья Изабелла, смилуйтесь над своим пленником и подарите ему пятнадцать минут свободы. Гарантирую: он не убежит!

— Засакаю время! — Изабелла взглянула на часы. — Сейчас — половина первого. Значит, через пятнадцать минут...

— Даже раньше, даже раньше! — уже на ходу крикнул Нунке.

Только теперь убедившись, что ей неожиданно повезло, Агнесса вздохнула с облегчением. Десять-пятнадцать минут она уж как-нибудь потерпит общество сеньоры. Слишком, хотя та и разглядывает ее, как вещь, выставленную в витрине, и, по всему видно, собирается приступить к настоящему допросу, чтобы удовлетворить свое любопытство. Как вести себя с ней? Сразу развеять ее опасения, или продолжать игру? Но ведь ей надо во что бы то ни стало избавиться от Нунке! И она отвечает Изабелле, подбирая такие выражения, чтобы нельзя было отличить правду от небольшой лжи, с чисто женской интуицией находя ту грань, которую нельзя переступить.

К счастью, Нунке возвратился раньше назначенного срока. Вслед за ним шел Фред. Церемония знакомства и прощания много времени не заняла.

— Боже, как я устала! — вырвалось у Агнессы, как только она села в машину рядом с Фредом.

— Какая-то непонятная ситуация: вы, наш шеф и эта... дама. В чем дело? Из слов Нунке я понял только одно: его приглашают к какой-то знакомой, он не может вас сопровождать, и поэтому приехал за мной. Вид у него при этом был довольно кислый.

Смеясь от всей души, Агнесса рассказала о том, что произошло в кафе.

— А теперь — немедленно в банк! Я должна устроить все свои дела как можно скорее, чтобы он вдруг не спохватился.

— У вас появились какие-то секреты от Нунке?

— Падре посоветовал перед поездкой в Италию перевести деньги за границу, чтобы я не зависела от прихоти Нунке. Вы поможете мне?

— По очень важным для вас и для меня соображениям мне хотелось бы остаться в стороне. Позже я объясню вам, в чем дело.

Агнесса укоризненно взглянула на своего спутника.

— Просто вы не в духе! Потому что Нунке вам помешал... Я понимаю, как это неприятно: развлекаешься с друзьями, а тут вдруг взваливают тебе на голову такие хлопоты... Только об этом я совсем не просила его, и вы напрасно...

Сняв одну руку с руля, Фред прикрыл ладонью пальцы Агнессы.

— Я был не у друзей, а... занимался обычным служебным делом. Таким неинтересным, что мне просто тошно было... И я счастлив, что избавился от него и сижу теперь рядом с вами...

— Правда? Ну, тогда я не буду сердиться.

— Значит, вы сердились на меня? За что? Агнесса покраснела.

— За то, что вы отказываетесь пойти со мной, — наугад сказала она, холодея от мысли, что Фред может догадаться об истинной причине тревоги.

— Дело не в том, что я не хочу. Я просто не могу... Впрочем, я охотно расскажу вам, как это оформить. Слушайте внимательно...

Но оказалось, что и падре неплохо разбирался в делах чисто земных и тщательно проинструктировал свою богатую прихожанку.

— Вот видите, совсем не так сложно самой распоряжаться своим имуществом, — подбадривал Фред Агнессу, останавливая машину возле банковской конторы. — Держитесь уверенней, напомните управляющему о необходимости хранить тайну вклада и операций, которые производятся по распоряжению вкладчика... Я буду ждать за углом, в переулке.

Второй раз сегодня пришлось Агнессе играть непривычную для нее роль, и второй раз скорее инстинкт, чем разум, подсказывал ей, как вести себя. Волнение, с которым переступила она порог конторы, постепенно исчезало. А вскоре она и совсем успокоилась: давала распоряжения, подписывала нужные документы, пересчитывала деньги, которые хотела оставить наличными для нужд школы, чтобы не возбудить подозрение Нунке, и для себя, на расходы, связанные с поездкой.

Выйдя из конторы, Агнесса почувствовала, что нервное напряжение начало спадать. Наконец-то закончились все испытания сегодняшнего дня! Еще несколько шагов, и она окажется в переулке, где ждет ее Фред. Тогда можно будет полностью отдаться чувству переполнявшей ее радости...

Не замечая прохожих, Агнесса быстро шла вперед, но вдруг чья-то рука коснулась ее локтя.

— Берегись, прекрасная сеньора, ой, берегись! Как туча, надвигаясь на солнце, закрывает его, так и твое красивое личико может затмить тоска-печаль... Хочешь, помогу отвести ее? — скороговоркой бубнил рядом чей-то хриплый голос.

Молодая женщина вздрогнула от неожиданности и остановилась. Перед ней стояла старая, сгорбленная цыганка. Волыная черная шаль окутывала всю ее сухощавую фигуру и низко свисала над темными, пораженными трахомой слезящимися глазами.

«Адела?!» — мгновенно пронеслось в голове Агнессы. Да, это была она, приспешница старого Петра, принесшая ей столько горя, когда попала она ребенком в кочевой табор. Правда, старая цыганка очень изменилась: годы еще больше высушили и согнули ее, лицо теперь безобразили воспаленные, с ярко-красными веками глаза и множество мелких морщин, а рот глубоко провалился. Но эти изменения вызывали жалость только в первый миг. За ними проступали хорошо знакомые черты, навеки запечатленные в памяти.

Агнесса невольно отшатнулась и, будто ища защиты, посмотрела вокруг. А цыганка, не узнавшая в этой красивой, хорошо одетой сеньоре бывшей Марии, которой помыкала когда-то, поняла ее движение по-своему.

— Молодость и красота с брезгливостью глядят на старость, а богатство — на бедность. Но красота вянет, а деньги уплывают, сеньора! Не гордись! Счастье можно привлечь и отвлечь, наговорить и отговорить!..

Последние слова Адела произнесла с угрозой, потом схватила руку Агнессы, повернула ее ладонь вверх и начала бормотать скороговоркой:

— Знак на руке хоть кривой да твой. Вправо его повернешь, счастье найдешь, коль налево повернуть — долю обмануть. Как есть оставлять — путь-дорогу терять...

Адела, крепко зажав пальцы Агнессы в своей костлявой холодной руке, продолжала бубнить, а молодая женщина стояла неподвижно, вслушиваясь в эту с детских лет знакомую присказку. Воспоминания о прошлом всколыхнули в ее душе давно забытые чувства.

— Погадаешь мне в таборе. Где вы поставили шатры?

Старую цыганку не удивило ни предложение, ни вопрос Агнессы. За долгие годы кочевой жизни она привыкла к различным капризам богатых сеньор и сеньоров.

— Там, — махнула она рукой, показывая куда-то на запад от города.

— Подожди здесь, на углу вот этого дома. Свернув в переулок, Агнесса быстро направилась к машине, которую Фред уже вел ей навстречу.

— У вас озабоченный вид. Что-нибудь случилось? — встревоженно спросил он, как только она села рядом.

— Нет, нет. Все в порядке: перевод оформлен, деньги при мне.

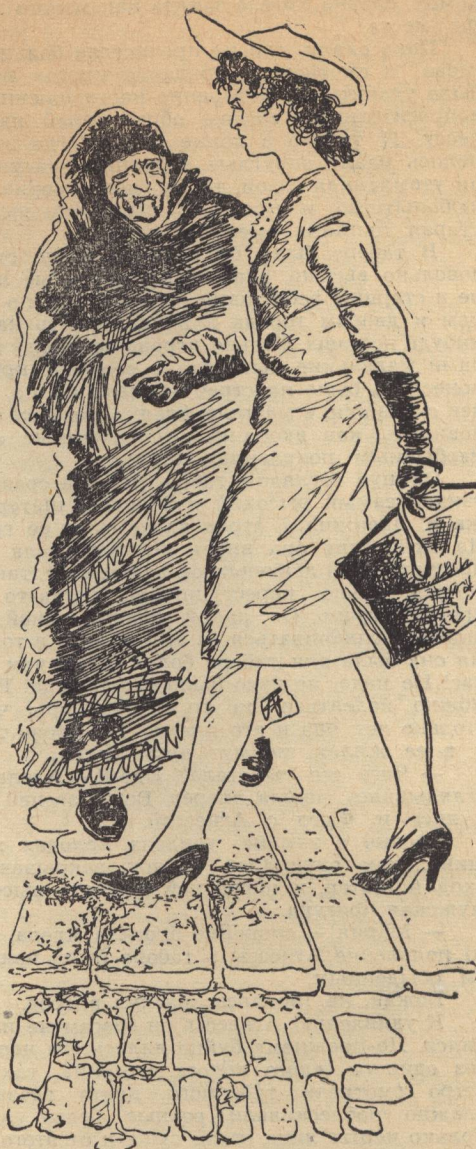
— Тогда в чем же дело?

Агнесса рассказала о встрече с Аделой. — Вы не будете смеяться надо мной? Над тем, что мне захотелось побывать в таборе?

— Машина в нашем распоряжении до самого вечера. И я с удовольствием съезжу с вами.

— А Адела? Можно взять ее с собой? Вся жизнь мне казалась, что я не встречу ее больше. И всех остальных тоже. А теперь, когда увидела, как она состарилась, какой немощной стала... Странное у меня чувство...

— Прошлое всегда дорого нам, Агнесса! Тем более, что лукавая служанка-память старательно просеивает его через сито, оставляя сверху только хорошее. А все горькое и неприятное, все, что тяготит, — прячет в самых далеких тайниках. Иначе у людей не хватило

бы сил, чтобы жить. Мы согнулись бы под тяжестью воспоминаний.

— Наверное, это правда. Иначе мне не захотелось бы поехать в табор... А вот и Адела! Остановитесь на минутку!

Старая цыганка нерешительно подошла к машине и взглянула на Агнессу. В глазах ее застыл немой вопрос.

— Садись, Адела! Покажешь, куда ехать...

— Адела?! Разве я когда-нибудь гадала сеньоре? В каком-то другом городе? Не помню, чтобы мы бывали в этих местах...

— А я тоже гадалка. Но, в отличие от тебя, умею заглядывать только в прошлое, — пошутила Агнесса. — Старый Петр еще жив?

— Увидишь! — коротко отрубил Адела и, забившись в угол заднего сиденья, сжалась в

комок, словно хотела занять как можно меньше места.

Пока ехали, она не произнесла больше ни слова. В смотровом зеркальце иногда можно было уловить ее растеряннo-настороженный и вопросительный взгляд, обращенный на Агнессу. И только в конце пути, когда завиднелись вдаль округлые верхушки шатров, то ли утомленная ездой, то ли удовлетворив свое любопытство и придя к какому-то выводу, старая цыганка смежила веки.

В таборе было безлюдно. Солнце стояло довольно высоко, значит, все взрослые цыгане и старшие ребятишки бродили еще по улицам и дворам города в поисках хоть какой-нибудь поживы. Только игравшие между шатрами маленькие цыганята с веселым криком понеслись было навстречу приезжим, но, увидев сидевшую в машине Аделу, сразу же остановились, как вкопанные, пораженные столь необычным появлением старухи.

Окинув взглядом табор, Агнесса сразу же узнала самый высокий и большой шатер вожака. Давнишний страх вдруг сжал ее грудь. На мгновение она вновь почувствовала себя простодушной любопытной девчушкой, так неосмотрительно переступившей когда-то запретную грань. Ох, какой дорогой ценой пришлось расплачиваться за это! А ведь в то время она была для табора более своей, чем сейчас! Не надо, не надо было ехать сюда! Разве можно надеяться на то, что теперь, через столько лет, она и это племя, чья кровь течет и в ее жилах, поймут друг друга...

— Чего же ты стала? Идем! — Адела, не оглядываясь, пошла вперед. Вслед за ней двинулись и Фред с Агнессой.

Словно в тумане, увидела молодая женщина, как откинулся войлок, закрывавший вход в шатер, и перед ней выросла высокая мужская фигура.

— Мария! — спокойно бросила Адела, буд-то появление Агнессы в таборе было явлением обыденным.

Вожак, не торопясь, шагнул вперед.

К удивлению Агнессы, он совсем не изменился. По-прежнему буйно вилась его черная, без единого седого волоса чуприна, так же остро смотрели табачного цвета глаза, и влажно поблескивали ровные белые зубы. Только черты лица стали суше и от этого казались более резкими.

— Мария? — тоже спокойно переспросил он, с ног до головы окидывая молодую женщину внимательным взглядом. — Что ж, заходи, коль пришла, и вы, сеньор, тоже, если не побрезгуете нашей цыганской берлогой. Ей-то не в диковинку, — кивнул он в сторону Агнессы, а вот вы... — старик насмешливо покосился на Фреда. — Вам может показаться неудобным такое необычное для знатных людей жилище.

— Во время войны многим из нас пришлось жить кочевой жизнью, и такой шатер тогда показался бы дворцом.

— Ну, если так... — Вожак откинул войлок наверх и закрепил его специальной планкой.

Солнечные лучи осветили внутренность шатра. У задней его стенки, поверх мешков с домашним скарбом, укрытых попоной, горой лежали подушки. Бросив две из них на толстый брезент, устилавший землю, хозяин при-

гласил гостей садиться, а сам, пренебрегая удобствами, устроился прямо на полу.

— Много воды утекло с тех пор, как ты уехала от нас, — сказал старый цыган, теперь уже с откровенным любопытством рассматривая Агнессу. — Ты что, и в самом деле сеньора?..

Он не закончил фразу, но молодая женщина хорошо поняла, что он хотел сказать, и щеки ее вспыхнули.

— По твоей милости, вожак, я и в самом деле могла стать кем угодно, — с укором вырвалось у Агнессы.

— Значит, ты сеньора, да еще и богатая, — спокойно констатировал Петро. — Зачем же ты пришла? Похвастаться?

— Я цыганка. Наверное, потому и пришла.

— Поздненько же ты об этом вспомнила!

— Так сложилась судьба... Да и значки, что оставил твой кнут на моем теле, все время напоминали о том, кто я. — Агнесса невольно провела пальцами по плечу, нащупывая старые рубцы.

— А теперь не боишься?

— Я пришла не одна. И не с пустыми руками. Вот, возьми! Что ни говори, а ты был неплохим крестным отцом! — Агнесса вынула из сумочки пачку ассигнаций и протянула ее Петру. Глаза Аделы, сидевшей на корточках у входа в шатер, жадно блеснули, а старый цыган спокойно отвел руку Агнессы.

— Значит, ты и в самом деле пришла похвастаться красотой своей и богатством... — насмешливо заметил он. — Поэтому и его привела? — старый цыган кивнул в сторону Фреда. — Чтобы себя показать?

— А ты не изменился, вожак! Ты снова встречаешь меня кнутом! Не знаю, который из них стегает сильнее... Пришла я к тебе с открытой душой, и то, что дарю, дарю от чистого сердца. И не тебе одному, а табору. Хотя и недобрым он был мне домом, но все же домом... Я думала... я хотела... — голос Агнессы задрожал, и она, прикусив губу, умолкла.

Насмешливый взгляд старого цыгана смягчился.

— От чистого сердца, говоришь? Домом табор считаешь? Тогда прости, а слова недобрые забудь. Небогатые мы люди, но встретим тебя, как дочь. Аге-ей, Адела! Забирай Марию и приготовь все, как положено. А чтобы нам с сеньором не было скучно, подай вон тот бурдюк и два бокала! И трубку.

Агнесса вскочила и подбежала к стене шатра, где за тесьмой, пришитой в виде петель, торчало несколько трубок.

— Эту? — спросила она, и Фреда удивило ее взволнованное лицо.

Вожак улыбнулся.

— Ладно! Давай с длинным чубуком!

Пока Адела вытаскивала из дальнего угла бурдюк с вином и вытирала почерневшие от времени серебряные бокалы, такие неожиданные среди нищенской обстановки, старый цыган набил трубку, разжег ее и, глубоко затянувшись, передал Фреду.

— Не побрезгуй! У нас такой обычай, если кто-нибудь приходит к нам, как друг...

— С удовольствием. — Фред сделал несколько затяжек и возвратил трубку хозяину. — Хороший табак, давно не курил такого...

— А это табак особенный. Для добрых людей и дружеского разговора... Что же ты стоишь, Адела! Не слыхала разве, что я приказал? Зови с собой Марию и уходи! У нас мужской разговор, а у вас свой, женский.

Женщины вышли. Впервые с той минуты, как пришла она в табор, Агнесса вздохнула с облегчением. Поглядывая вокруг, она отыскивала знакомые приметы, которые помогли бы ей вернуться к давно прошедшим дням. Все, как когда-то. Кибитки, палатки, а то и просто шалаши, шатер вожака... Остатки большого костра, над ним висит почерневший от сажи котел... Стреноженные лошади, засаленные одеяла, цветастые подушки, выброшенные на солнце. На них с визгом кувыркаются детишки... Коза, натянув до отказа веревку, роет задними копытцами землю, стараясь дотянуться до лакомого кустика травы... Большая облезлая собака с торчащими ребрами и запавшими боками бродит между возами в безнадежных поисках чего-нибудь съестного... Плохо ей живется в таборе, здесь на ее долю приходится больше пинков, чем вкусных костей, но когда цыгане снимаются с места, она, высунув язык, все равно бежит за ними, потому что свобода дороже ей, чем сытая жизнь за каким-нибудь высоким забором...

Да, кажется, все как прежде, а впрочем нет, не все... Меньше стал табор. Да и лошади уже не те — кожа да кости... Одеяла грязные и порванные, а подушек, которые служат цыганам и мебелью, и постелью, и от холода их спасают, ой, как мало!

— Неужели табор так обеднел, что даже ты вынуждена ходить в город? — спрашивает Агнесса, чувствуя, что от старой неприязни к старухе не остается и следа. — Или молодые так обленились?

— Ох, не то... — Адела грустно качает головой и не произносит больше ни слова.

Зайдя в свой шатер, она садится на неприбранную постель и, уставившись в одну точку, долго молчит. Только тело ее ритмически покачивается из стороны в сторону. В шатре царит полусвет. На стенах и даже на потолке висит множество узелков с высушенными травами. Они одуряюще пахнут, и от этого запаха у Агнессы слегка кружится голова.

— У тебя, наверное, много внуков, — говорит Агнесса первое, что приходит ей в голову, чтобы хоть как-то нарушить гнетущее молчание. — Ведь Мигель женился еще при мне, а Хуан...

— Нет ни Мигеля, ни Хуана, нет почти никого из тех, кого ты знала... Послушай, как было... В то лето подались мы далеко в горы, и поначалу неплохо нам было, потому что живут в тех краях люди, похожие на наших басков... И говор и обычаи у них такие же. Много всякого добра было у нас в то лето, и никогда еще парни и девушки наши не пели и не плясали с таким жаром. Но недаром испокон веков известно: вслед за радостью большой приходит большое горе. И свалилось оно на нас, как гром с ясного неба, как черная чума, о которой слыхали мы от прадедов...

Скупое роняя слова, Адела рассказала, как бедствовал табор, когда началась война, как перегонажили его с места на место немцы, за-

хватившие в то время Францию. Как обрекли они на гибель всех цыган. Только немногим удалось живыми уйти из-за колючей проволоки, а еще раньше самых молодых да сильных увозили куда-то... Беглецам пришлось уходить пешком, нехоженными тропками пробираться через горы, устлая свой путь трупами умерших от голода и жажды...

— Вот так и рассеялось семя рода моего, так сложили головы невестки и внуки... А сыновья... Передавали люди, что сгорели они вместе с другими цыганами в адских печах и черным дымом поднялись к небу...

— Как же выжила ты, такая больная и слабая? — пораженная рассказом Аделы, Агнесса не замечала, что по ее щекам катятся слезы.

— Нужно было остальных спасать. Петр вел, а я съедобные корни разыскивала, раны лечила травами да наговорами... Вырвалось на свободу человек пятьдесят, а дошла горсточка. Заново пришлось жизнь устраивать, цыган собирать... Если бы не Петр...

И Адела умолкла, отдалась своим грустным мыслям. Потом махнула рукой, поднялась и начала рыться в мешках и мешочках. Она извлекла из своих тайников круг овечьего сыра, большой кусок копченого мяса, пресные лепешки, связку вяленой рыбы, маслины.

— Давай, я приготовлю все, — стараясь помочь ей, предложила Агнесса, — а ты отдохни. Но старуха решительно приказала:

— Сиди! Расскажи лучше, почему ни разу не дала о себе знать? Искали мы того господина, что увез тебя, да сказали нам люди, что куда-то за моря и океаны подался он. Значит, и ты с ним уехала?

Адела была единственной женщиной, знавшей о ее прошлом. Агнесса могла говорить с ней откровенно, ничего не скрывая. И будто плотина прорвалась в ее душе. Начав с того, что мучило ее больше всего — с болезни Ирене, Агнесса рассказала о страшной автомобильной катастрофе, о своем отчаянии, когда у дочери отнялись ноги, о тоске по мужу, к которому она после рождения ребенка начала понемногу привыкать, хотя после свадьбы руки хотела на себя наложить. И снова заговорила о болезни Ирене.

— Она будто цветок с надломленным стебельком. Кажется, вот-вот завянет. Ой, Адела, собственные ноги отрубила бы я, да ей приставила, чтобы могла она ходить! Всю кровь свою до капельки отдать готова!

— Правду говоришь, Мария! Бьется ли материнское сердце под красивым платьем или под такими вот лохмотьями, как у меня, — одинаково болит оно. Жаль, не пришла ты раньше. Уходим мы на рассвете... Может, и помогла бы чем-нибудь. Умею я залечивать раны, переломы, от чахотки разные травы есть у меня, от колик — корешки. Есть цветы, что могут желчь разогнать, и такие, что поганую кровь очищают... От злого глаза, от бешенства... И приворотное зелье есть... И от грудницы, и от лихорадки...

Адела, будто в забытье, перебирала названия болезней и лечебных трав, стараясь вспомнить, какие из них смогли бы помочь дочурке Марии. Вдруг ее глаза радостно сверкнули, она бросилась к своим мешочкам и на-

чала ощупывать и обнюхивать их, выбирая нужные.

— Вот из этого и из этого... от ломоты, от грызоты, а отсюда — чтобы спинка не болела, чтобы личико не желтело...

Приговаривая, Адела отсыпала из каждого мешочка по несколько щепоток цвета, листьев или корешков, потом завязала все в узелок и протянула Агнесе.

— Возьми, Мария, и слушай, что я буду тебе говорить. Сваришь все травы в семи кружках воды, и семь раз доливай по кружке в воду, в которой дитя купать будешь. А потом всю воду слей, да так, чтобы ни капельки не пролилось, и ровно в полночь отнеси на самую высокую скалу, где ветры гуляют. Семь раз поклонись ветрам и семь раз скажи: «Болезнь найденная, насланная, придуманная, болезнь ветряная, водяная, земляная, огненная, я тебя заговариваю, вслед за семью ветрами пускаю: с глаз, с плеч, с груди-пагруды, с сердца-пасердца, с живота-паживота, с рук, ног, с кости-пакости, с крови-пакрови, с семи-десяти суставов. Тут тебе не бывать, внезапной смерти не знать! Я тебя посылаю за моря глубокие, за горы высокие, в пропасти невиданные, в дебри нехоженные, где ноге человеческой не ступить, где колоколу не звонить. Там тебе пить, там гулять, там с братьями повстречаться!»...

Глаза старухи пылали, голос, произносивший слова заклинания, звучал властно. Агнесе стало страшно, на мгновение ее охватил ужас перед неведомыми силами, управляющими судьбой человека. Но тут же промелькнули перед глазами картины детства, все Марианны и Луизы, которых старые цыганки учили, как надо гадать, чтобы получше обмануть легковых. Правда, были среди них и такие, что по-настоящему умели лечить тра-

вами, но умения их хватало лишь на то, чтобы врачевать раны и обычную простуду.

«Бедная Адела! Ведь ты же и собственных глаз вылечить не можешь!» — подумала Агнесса, но, чтобы не обидеть старуху, трижды повторила за ней слова заклинания и старательно спрятала на груди узелок с травами.

— Спасибо, Адела! А чтобы и ты меня не забыла, возьми вот это. — Агнесса сняла с плеч белый пушистый шарф, который на всякий случай захватила с собой в дорогу. — Он теплый и пригодится тебе в плохую погоду.

Огрубевшими шершавыми пальцами старая цыганка осторожно погладила шарф, потом прижала его к лицу.

— Как горстка пуха, мяконецкий да легкий! Как дыхание ребенка, теплый... Боже, боже, разве поверит кто-нибудь, что старая цыганка не украла его!

— А ты будешь оборачивать им спину и грудь зимой. Под кофточкой его никто и не увидит.

Долго еще приговаривала бы растроганная старуха, если бы Агнесса не напомнила:

— Пойдем, нам пора ехать. Да и Петр уже, наверное, сердится.

К превеликому удивлению обеих женщин, вожак встретил их приветливым взглядом и кивком указал, куда поставить угощение. По всему было видно, что они с Фредом хорошо поняли друг друга и выкурили уже не одну трубку. Деньги, оставленные Агнесой на полу, исчезли.

— Угощайтесь, сеньор! Присаживайся и ты, Мария, — спокойно, с достоинством пригласил хозяин и, разломив на две части лепешку, протянул ее гостям, а сам принялся нарезать сыр и мясо.

Ни Агнесе, ни Фреду есть не хотелось, но они знали, что, отказавшись от угощения,

обидают вожака, и поэтому сделали вид, что и в самом деле проголодались. Но аппетит пришел после первого же глотка. Все нравилось гостям. Агнесса не могла нахвалиться сыром, душистым и таким мягким, что его можно было резать, как масло. Фред с удовольствием обсасывал косточки какой-то рыбы, по вкусу напоминавшей тарань. А Петр, угощая гостей, ел мало. Ему страстно хотелось, чтобы этот импровизированный обед тянулся как можно дольше, до тех пор, пока соберется весь табор. Чтобы знала молодежь, какие гости бывают у их старого атамана... В мыслях его сегодняшнее появление Марии подсознательно связывалось с теми далекими днями, когда каждый приезд гостей сопровождался буйной гульбой всего табора — большого, богатого, дружного.

— Вот увидишь, сеньор, какие у нас певцы и танцоры! — уговаривал старый цыган Фреда, почему-то уверовав вдруг, что сегодня искра веселья, как прежде, воспламенит души утомленных, потерявших веру в справедливость цыган.

— Если бы я был таким же свободным человеком, как ты, вожак, то с удовольствием остался бы. Но, к сожалению... — Фред взглянул на часы. — Мы еще не закончили всех дел в городе, а учреждения скоро закроются. Спасибо за все: за гостеприимство, за внимание, за интересный разговор...

Фред хотел встать, но Петр остановил его.

— Погоди, налей еще по бокалу! Чтобы дорога не пылилась, как говорят у нас. Пью за тебя, сеньор! По душе ты мне пришелся... И за тебя, Мария! Порадовала ты мое сердце: хорошо, что помнишь о нас. За деньги, подаренные, — от всего табора спасибо тебе. Я дал сеньору адрес. Человек один верный есть у меня в Фигерасе. Если в помощи будешь нуждаться, к нему обратись. Скажешь, что ты от Петра, сына Хозе и Терезы. Он для меня все сделает. И ты помни об этом, сеньор! В жизни всякое случается...

— Буду помнить! — ответил Фред, крепко пожимая руку вожака и вкладывая в два эти коротенькие слова всю силу вспыхнувшего в нем чувства благодарности. Иметь своего человека в Фигерасе! Это было то, к чему он так долго стремился!

...Машина мчалась по дороге в город. Маленький клочок бумаги с адресом, лежавший в кармане, казался Фреду сгустком живого человеческого тепла, и он не сразу заметил, что плечи Агнессы вздрагивают.

— Вам нехорошо? Может быть, остановить машину? — встревожился он. — Я никогда не видел вас такой бледной...

— Мне что-то холодно стало. Наверное, потому, что я сегодня очень волновалась. Вы даже представить себе не можете, как! Подумать только, я осмелилась самостоятельно решать свои дела в банке! Мне кажется, что это — шаг в будущее. А табор... табор был шагом в далекое прошлое. Я ни минутки не жила сегодняшним днем, он как бы выпал совсем... У меня такое чувство, что все это происходит во сне. А сама я — только неясная тень из этого волшебного сна... Наверное, виной всему Аделино колдовство.

— Колдовство? Она наколдовала вам что-нибудь?

— Не угадали. Она учила меня колдовать! Вы только послушайте, я теперь настоящая цыганка! Вот волшебное зелье, а сейчас я произнесу и заклинание: «Болезнь найденная, насланная, придуманная, болезнь ветряная, водяная, земляная, огненная...»

Агнесса, сурово сдвинув брови, выговаривала слова так же торжественно, как и Адела, но вдруг не выдержала и расхохоталась.

— Бедная Адела! Как старательно отбирала она травы, как верит в то, что я буду купать Ирене в этом зелье...

Молодая женщина высунула из машины руку с развязанным узелком, и встречный ветер вмиг слизал с нее корешки и сухие стебли.

— Летите вслед за семью ветрами! — тихо прошептала Агнесса.

«Вот и улетела прочь шелуха... А здоровое зерно будет жить, — подумал Григорий. — Ты даже не подозреваешь, Агнесса, что сегодня и сам Нунке по твоей милости улетел вслед за семью ветрами...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Буря в террариуме

— Герр Шульц! Зовите Ворона, и немедленно ко мне! — голос Нунке звучал взволнованно и почему-то торжественно.

Позвонив генералу, Фред поспешил в кабинет шефа. Тот, склонившись над радиоприемником, напряженно ловил каждое слово.

— Садитесь и слушайте! Только молча!

— Что передают? — войдя в комнату и услышав немецкий язык, шепотом спросил Ворон у Фреда. Тот только плечами пожал: он и сам еще не понял, в чем дело.

— Изложение речи, которую произнес Черчилль в Америке в присутствии президента Трумэна, — коротко пояснил Нунке и взялся за ручку настройки, пытаясь усилить звук.

Но через несколько минут передача закончилась. Очевидно, им удалось прослушать только ее заключительную часть.

Выругавшись вполголоса, Нунке бросился к телефону.

— Библиотека? Сегодняшнюю почту! Немедленно! Выступление Черчилля в Фултоне опубликовано? Несколько номеров газеты — ко мне! — Опустив трубку на рычаг, он повернулся к Шульцу и Ворону: — Вы понимаете, что означает эта речь?! И чья? Черчилля!

— Трудно сказать что-нибудь определенное, ведь мы слышали только ее конец, — уклонился от прямого ответа Фред. — Ясно одно: она направлена против России.

— Вы слишком осторожны в выводах, или не совсем поняли, в чем дело. Фактически это же новое наступление на русских! Какое событие! Поворот на сто восемьдесят градусов! — широко развел руками Нунке.

Дежурный принес пачку газет, и все трое с жадностью набросились на них. В испанских было только сообщение о выступлении в Фултоне с довольно неясными комментариями. Французские газеты напечатали речь полностью, на первых страницах.

— Читайте! — приказал Нунке Ворону,

безукоризненно владеющему французским языком.

Ворон с годами становился все более дальноразборчивым и тщательно скрывал этот дефект. Но теперь, забыв о предосторожности и далеко вперед вытянув руку с газетой, он читал, старательно отделив слово от слова, иногда впадая в патетический тон, останавливаясь на непонятных слушателям словах и необычных оборотах. В эту минуту генерал чувствовал себя в центре внимания и заметно гордился этим.

По мере того как он читал речь бывшего английского премьера, несмотря на отставку игравшего важную роль в политической жизни Англии, сердце Фреда, вернее того, кто скрывался под этим именем, болезненно сжималось: вчерашний союзник в борьбе с фашистами, так восторженно приветствовавший победу Советской Армии, сегодня призывал к созданию блока против Советского Союза. А ведь еще и года не прошло со дня окончания войны!

Черчилль, не слишком беспокоясь о том, чтобы выдвинутая им идея казалась оригинальной, не был оригинальным и в своих формулировках и аргументах. Если фюрер несколько лет назад утверждал, что лишь арийская раса должна руководить миром, то мистер Черчилль в своей речи доказывал, что вершить дела мира могут только нации, разговаривающие по-английски.

— Гершафтен! Поздравляю! Поздравляю с новой эрой! Ну, что вы теперь скажете? — обращаясь то к одному, то к другому, повторял сияющий Нунке.

— Вы правы: международная жизнь вступает в новую эру, — резюмировал Шульц.

— А работы у нас прибавится! — воскликнул Ворон.

— О, да! Теперь мы, по всей вероятности, будем играть важную роль!

— Жаль, что не вернулся из Нью-Йорка Думбрайт...

— Зато он привезет самые свежие новости!

— Да, новостей на этот раз будет много, — задумчиво произнес Нунке, прикидывая в мыслях, как новый курс может отразиться на делах школы.

Первой ласточкой была зашифрованная телеграмма, в которой босс приказывал все отделы, кроме русского, направить по указанным адресам, преимущественно в Баварию и Западный Берлин. Не успели выполнить это задание, как из лагерей для перемещенных начали прибывать новые кандидаты в «рыцари». К удивлению Нунке, здесь были не только русские, украинцы, белорусы, которых он называл одним словом «славяне», но и туркмены, узбеки, таджики, армяне, даже абхазцы и киргизы.

— Ну что я с ними должен делать? Где найти столько воспитателей? — приходил в отчаяние начальник школы, размещая новое пополнение.

Все стало на свои места через несколько дней, когда приехал возбужденный и веселый Думбрайт.

— Мы должны готовить агентов для всех районов России. Не станем же мы засылать украинца или белоруса в кавказский аул!

Ведь он там белой вороной будет! Поэтому в нашей школе должны быть представители всех многочисленных национальностей Советского Союза.

Изменился не только состав слушательской школы, но и программа, и сам метод обучения.

Во всех боксах установили телевизоры, по которым строго по расписанию передавались обязательные для всех будущих «рыцарей» двухчасовые лекции, посвященные так называемой «духовной подготовке». Читали их «профессора», привезенные Думбрайтом из Нью-Йорка.

Они поучали своих слушателей, как в беседах с советскими людьми лучше пропагандировать прагматизм, неопозитивизм, неореализм и прочие новорожденные «измы», выращенные на Западе и в послевоенное время, словно грибы.

Конечно, все новейшие философские теории преподавались очень сжато. И, несмотря на это, слушатели должны были уметь на следующий же день точно, без каких-либо комментариев изложить содержание лекции. Но главный смысл заключался даже не в пересказе услышанного, а в умении дискутировать. Каждую неделю кандидат в «рыцари» встречался с лектором, как оппонент выдвигаемых им положений. Все это объяснялось тем, что агенты и резиденты готовились теперь не только собирать агентурные данные, производить диверсии, создавать трудности на том или ином участке, но и быть пропагандистами враждебных советскому обществу идей. Диспуты с лекторами служили для них своеобразной тренировкой.

Особенным вниманием Думбрайта пользовалась группа «Аминь», члены которой должны были действовать именно в сфере идеологии. Тех, кто входил в эту группу, освободили от всех видов тренировок; теперь они занимались только стрельбой (на случай провала) и особенно много радиodelом. А «духовную подготовку» значительно усилили. Профессор богословия Брандт, невысокий сухоощавый старик, систематически посещал всех членов группы, проверяя знание сектантских обрядов и молитв, обучая умению читать проповеди на любую тему. А Думбрайт, часто и охотно сопровождавший его, предупреждал каждый раз:

— Поменьше откровенно антисоветских высказываний! А просто...

Те из слушателей, кто хорошо знал Думбрайта, подхватывали:

— С душком! С душком!...

Думбрайт довольно улыбался и шел в следующий бокс. И все же состояние учебной работы в школе его не удовлетворяло.

Он спешил.

— Я обещал через месяц-другой отправить к большевикам десятка полтора хорошо подготовленных агентов и диверсантов. А бросать слова на ветер не люблю. Доверие базируется на точном выполнении данного слова. В нашем деле доверие — это не только карьера, но иногда и жизнь, — говорил Думбрайт Нунке в редкие минуты откровенности.

Работы прибавилось у всех, особенно у Фреда, оставшегося теперь единственным воспитателем в русском отделе, потому что

Ворон занимался исключительно группой «Аминь».

— Герр Нунке, — предупредил Шульц начальника школы вскоре после проведенной Думбрайтм реформы, — я не успеваю выполнять работу, которую выполнял до сих пор.

— Почему?

— В русском отделе я по-прежнему работаю один, а количество слушателей в последнее время увеличилось почти вдвое. А ведь я обязан не только слушать лекции профессоров, но и особенно тщательно готовиться к диспутам с ними, чтобы быть примером для остальных... Для этого требуется время и время. А мои основные обязанности воспитателя? Их же никто с меня не снимал. Наоборот, требования увеличились... Просто сообразить не могу, как уложиться в двадцать четыре часа! О сне и отдыхе я уже не говорю. Если прилягу на часок, у меня такое чувство, что я обворовываю время.

— А как вам нравятся новые порядки в школе? — ничего не ответив на жалобу Фреда, неожиданно спросил Нунке.

— Мы с вами старые боевые друзья, поэтому буду откровенным. Не очень.

— Признаться, — только пусть это останется между нами, — я тоже не доволен... Ведь это же парадокс! Мы бьемся над тем, чтобы как можно лучше законспирировать агентов и резидентов, стараемся придать им вид правдовернейших из правдоверных, и вдруг пропаганда антибольшевистских идей. Где логика? Здравый смысл?

— Меня это тоже удивляет. Как бы ни были осторожны наши люди, но стоит им допустить малейшую ошибку — и ниточка к тому, кого мы так тщательно готовили, — в руках советской разведки.

— Я собираюсь написать докладную в Нью-Йорк. Надеюсь, там меня поддержат.

— Через голову Думбрайт?

— Я с ним не говорил на эту тему, но ведь вы же знаете босса. Для него существуют лишь собственное мнение, собственное настроение, собственные вкусы...

— Не завидую вам, но другого выхода не вижу. Однако возвратимся из высших сфер к нашей будничной жизни. Что вы скажете на мое заявление?

— Согласен: объем работы у вас действительно увеличился. Что же вы предлагаете?

— Необходимо назначить в русский отдел еще одного воспитателя. Только и всего...

— Если есть хоть какой-то выбор. А если нехватка, куда ни повернись?.. Может быть, подыщем временно какую-нибудь кандидатуру в классе «А» или «Р»?

— Надо согласовать это с Думбрайтм. Ведь он же обещал, что из Нью-Йорка скоро придет к нам новые преподаватели и инструктора. Если это так, то, может быть, среди них...

Фред замолчал, потому что в это мгновение в комнату ввалился утомленный, вспотевший Думбрайт.

— Фу-у, — произнес он, падая в кресло. — Конец марта, а жара, как летом. Черт бы побрал эту Каталонию! Я с удовольствием оказался бы сейчас где-нибудь в средней полосе.

— Впервые вижу вас таким уставшим, — заметил Нунке, подавая шефу стакан разбав-

ленного водой вина. — Выпейте, испанцы не дураки: это прекрасно утоляет жажду.

— Хватит с меня и того, что мне пришлось пить это пойло у патронессы!

— Вы от доньи Менендос? — удивился Нунке.

Все финансовые дела с Агнесой до сих пор вел он, и поэтому слова Думбрайтм о посещении виллы неприятно поразили его.

— С такой очаровательной женщиной можно было бы просто пофлиртовать, а мне пришлось заниматься препротивнейшим делом. Вот две цидульки, они громко именуются посланиями. Одну написал я с Брандтом, другую — падре Антонио, чтоб ему черти руки переломали!.. На основании этих двух текстов надо составить один. Объедините их и придайте такую форму, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Дело в том, что одно послание не нравится патронессе, а еще больше падре. А написанное Антонио не устраивает меня.

Фред взял обе бумаги и принялся молча читать.

— А что это за послание? — заинтересовался Нунке.

— Нью-Йорк настаивает, чтобы мы, используя название школы и историю ее основания, обратились ко всем религиозным организациям (от имени патронессы, конечно) с призывом организовать при всех церквах, храмах, костелах и молитвенных домах богослужения, которые сопровождались бы проповедями, направленными против гонителей веры. Намечено сделать это одновременно, чтобы придать движению широкий размах и организовать общественное мнение всего мира вокруг нашего идеологического наступления на коммунизм. Понятно, проповеди будут сопровождаться сбором средств для восстановления разрушенных храмов — читай: в России! — и для нашей школы, как центра миссионерского движения.

— Но правительство России едва ли разрешит принять такие пожертвования, — вмешался Нунке.

— А мы и не собираемся передавать их русским. Важно, чтобы поднялся шум, как можно больше шума о том, что большевики преследуют верующих! Что же касается собранных денег, то они понадобятся нам самим. Принимая во внимание новый объем работы...

— Так почему же два текста?

— Погодите. Кажется, Фред уже кончил читать... Ну как, заметили, в чем расхождение?

— Заметить не трудно. Одно послание, очевидно написанное падре, обращено исключительно к католикам. Второе — ко всем верующим, независимо от того, какую религию они исповедуют, и даже к тем, кто откололся от церкви и перешел в секты. Вы предлагаете объединить оба текста в один, а потом снова дать на подпись патронессе? — спросил Фред. — А что, если она и на этот раз будет возражать?

— Расхождения уже ликвидированы, и все согласовано, по крайней мере с патронессой. Красивейшая женщина, но, боже мой, как далека от политики! Всем заправляет этот падре. Кстати, откуда он взялся и почему держится с таким гонором? Удивляюсь, герр Нунке! Как могли вы допустить, чтобы он

вертелся возле дела, к которому его и близко подпускать нельзя?

— Падре Антонио — один из фундаментов школы. Вернее, инициатор ее создания. Мне поручили связаться с ним, потому что вывеска святой церкви плюс прехорошенькая женщина, которая столько перенесла по вине безбожников... В свое время он был очень полезен нам, но последние месяцы его влияние на донью Менендос приобрело совсем нежелательное направление.

— И вы не смогли своевременно обезвредить этого падре?

— То есть? — голос Нунке сорвался, звучал неестественно хрипло.

— Это похоже на анекдот! — насмешливо воскликнул Думбrait. — Начальник школы разведчиков не понимает, что означает «обезвредить»! Может быть, прочитайте вам специальный курс лекций.

— Вы не так меня поняли... Возможно, я выразился неудачно, — побледнел Нунке, — но...

— Неудачно выражаются те, кто не имеет собственного соображения, кому выразить нечего... А я, уверяю вас, достаточно сообразителен и обладаю здравым смыслом... Даю две недели сроку. Чтобы ни на вилле, ни в Фигерасе и духа падре не было! А если он совсем исчезнет, лучшего и придумать нельзя. Слишком уж много знает этот черный стервятник о нашей школе. Да и влияние его на патронессу чрезмерно велико. Подыщите ей другого духовника, который действовал бы согласно с нашими планами. А еще лучше — прибрать ее к рукам иным путем...

Шульц и Нунке невольно переглянулись.

— Да, да! Женщине в ее возрасте нужен галантный рыцарь, а не проповедник морали и добродетели! Кстати! Неужели никто из вас не подумал об этом? Что скажете вы, Фред? В каких отношениях вы с патронессой? Тоже, небось, читаете ей наставления?

— Раньше был в приятельских, а теперь у меня просто нет времени для того чтобы часто бывать у нее. К тому же падре Антонио...

Нунке улыбнулся.

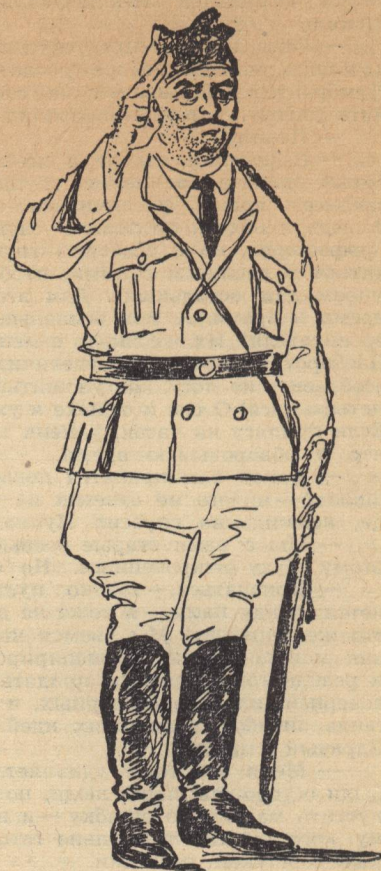
— Лишиться такой прихожанки ему, конечно, жаль. Не удивительно, что он побаивается, как бы Агнессы не выскочила замуж...

— Тем более, ко всем чертям этого падре! Слушайте! Идея! Фред, а что, если мы жемим вас на Агнесе Менендос? Это же замечательный выход! Мы навсегда сохраняем вывеску, такую удобную для школы, прибираем к рукам всю финансовую часть... Вы получаете очаровательную жену... Лучшего бизнеса вы не делали и никогда не сделаете. Хотите, подпишем контракт, как это полагается между всеми порядочными людьми? За Агнессой мы дадим порядочное приданое. Ну? Что вы скажете? Я понимаю, конечно, что брать в жены, пусть и красавицу, но с такой добавкой, как калека-дочь... Фи!

— Особенно сейчас, когда девчонке стало хуже! — напомнил Нунке.

— Хуже? Так это же чудесно! Болезнь можно ускорить. Развяжутся руки у матери, у вас, и, наконец, перестанет страдать ребенок. В таких случаях лишняя проволочка — свидетельство сентиментальности самого низкого пошиба.

Фред почувствовал, как в голову его

ударил горячая волна. Чтобы скрыть негодование и не броситься на Думбрайта, который по-существу вынес только что два смертных приговора — падре и Ирене, — он быстро отвернулся к окну. Выдать себя в эту минуту — значит погубить все дело! Но как преодолеть чувство все возрастающего гнева?

— Думайте, думайте, Фред! Даю вам не больше двух недель! За это время можно штурмом взять самую неприступную крепость. А уж вы, герр Нунке, должны подумать над тем, как обеспечить Шульцу по крайней мере два свободных часа каждый вечер!

— В том-то и беда, что выкроить эти два часа просто невозможно. Как раз перед вашим приходом мы с Фредом говорили о том, что фактически русский отдел остался без надлежащего руководства.

— О чем же вы думали раньше?

— До сих пор отдел был вдвое меньше...

Нунке рассказал о сложившемся положении.

— Понятно. Отдел нужно укомплектовать. А пока речь может идти только о помощнике. У вас есть кто-нибудь на примете?

— Может быть, взять Протопопова? — скорее спросил, чем предложил Нунке.

— О Протопопове забудьте. Он для вас умер. А отца Палиевкта — ну и имя же выбрал себе святой отец! — мы готовим для великих дел на ниве религиозной.

— Тогда Домонтовича? — назвал еще одну фамилию Нунке.

— Слишком молод, — возразил Фред.

— Ведь он же старше вас! — сердито напомнил Нунке.

— А вот это и в самом деле подходящая кандидатура! — согласился Думбрайт. — Прекрасно усвоил все предметы, сообразительный, перед войной работал вашим агентом в России и, если я не ошибаюсь, имеет даже награ-

ды за выполнение каких-то заданий... Не понимаю, Фред, почему вы возражаете против Домонтовича?

— У нас с ним сложились не совсем доброжелательные отношения. Боюсь, что это невольно может отразиться на работе...

— Глупости, — безапелляционно заявил Думбрайт. — Наоборот, это будет даже полезно. Если мы назначим его вашим помощником, вы будете внимательней относиться к ошибкам друг друга... Итак, решено: пока не подыщем кого-нибудь другого, возьмем в русский отдел Домонтовича. А теперь к черту все дела! Я плохо пообедал и еще не ужинал. И спать хочу, как после трех бессонных ночей. В конце концов, все мы люди, как говорит Ворон, все человеки, и...

В это время зазвонил телефон. Нунке снял трубку.

— Слушаю. Что?! Пусть войдет! — распорядился он и тревожно сообщил: — Специальный гонец Барселонской контрразведки...

— Странно!

— Я сам ничего не понимаю.

Через минуту в сопровождении дежурного вошел низенький толстый человек с нафиксатуренными усами, двумя острыми стрелками, торчащими над верхней губой. Его волоокие, с синеватыми белками глаза быстро обехали присутствующих.

— Сеньор Нунке? — ни к кому персонально не обращаясь, словно в комнате был только один человек, спросил он.

— К вашим услугам, — поклонился Нунке.

Офицер контрразведки вынул из кармана листок бумаги, написал на нем несколько слов и протянул Нунке. Тот прочитал и в свою очередь черкнул что-то. Утвердительно кивнув головой, офицер достал спички и сжег бумагу над пепельницей.

— Что это за комедия? — сердито бросил Думбрайт.

— Пароль, — беря из рук офицера пакет с несколькими печатями, ответил Нунке.

Толстяк, стараясь сохранить выправку, козырнул Нунке, затем Думбрайту и вышел из кабинета. На Фреда он даже не взглянул.

— Чем мы обязаны появлению этого типа? Уж не сошел ли он со страниц юмористического журнала прошлого столетия? — фыркнул Думбрайт.

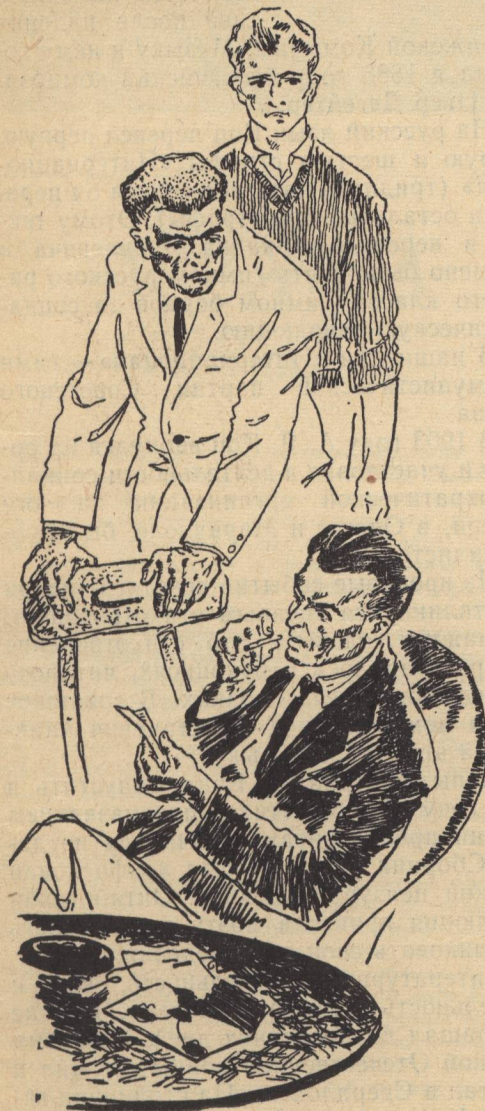
Начальник школы, не торопясь, вскрыл конверт, вынул из него второй, прошитый шпагатом, и, осторожно срезав его, извлек маленькую бумажку. На ней было напечатано всего несколько слов, но Нунке читал их очень, очень долго.

— Скажете ли вы, черт возьми, в чем дело? — рявкнул Думбрайт.

Нунке посмотрел на него остановившимся взглядом и хрипло произнес:

— Сегодня ночью испанская контрразведка запеленговала в квадрате нашей школы подпольную радиостанцию...

Перевод с украинского Н. НИКОЛЕНКО

(Продолжение следует)

ПЕРЕВОДЧИК ПРОЛЕТАРСКОГО ГИМНА

Первая массовая революционная организация рабочего класса — I Интернационал, вызвана к жизни подъемом пролетарского и демократического движения конца 50-х, начала 60-х годов прошлого века. Инициатива его создания принадлежала Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу.

Идеи I Интернационала оказали огромное влияние и на революционное движение в России конца прошлого века.

Отражая революционный подъем среди трудового народа, поэты создавали песни, созвучные бурной эпохе. В те дни появились: «Смело, товарищи, в ногу» Л. Радина, «Варшавянка», «Красное знамя» и «Беснуйтесь, тираны», переведенные с польского Г. М. Кржижановским.

Многие революционные поэты мечтали создать гимн пролетариата и пытались использовать мелодию «Марсельезы», но вскоре убеждались, что мелодия широко известной революционной песни, ставшей к тому времени официальным гимном буржуазной Франции, не ключ к решению задачи.

Стихи на мотив «Марсельезы» написал и живший в Париже молодой русский студент Аркадий Яковлевич Коц.

Песня Коца («Песня пролетариев») была опубликована в 1902 году в журнале «Жизнь», выходившем в Лондоне, и неоднократно перепечатывалась в различных большевистских газетах, журналах и листовках. Однако подлинный успех и необычная судьба

ожидали другое произведение Коца, помещенное в том же номере «Жизни», — вольный перевод с французского на русский знаменитого «Интернационала».

Текст «Интернационала» был написан французским поэтом Эженом Потье через несколько дней после падения

Парижской Коммуны. Музыка к нему сочинил в 1888 году бельгийский композитор Пьер Дегейтер.

На русский язык Коц перевел первую, вторую и шестую строфы «Интернационала» (тридцать пять лет спустя он перевел и остальные три строфы). Этому тексту в переводе Аркадия Яковлевича и суждено стать гимном русского рабочего класса, гимном борцов за социалистическую революцию.

В наши дни «Интернационал» — гимн Коммунистической партии Советского Союза.

В 1903 году А. Я. Коц вернулся на родину и участвовал в деятельности социал-демократической организации на юге России, в Одессе и Мариуполе, был пропагандистом.

На кровавые события девятого января он откликнулся гневным стихотворением «Обнажите головы!» Это стихотворение распространялось в рукописях, читалось на революционных сходках. В советское время композитор Д. Шостакович написал на этот текст музыку.

Попытка Аркадия Коца выпустить в 1907 году сборник стихов под названием «Песни пролетариев» окончилась неудачей. Сборник сразу же был конфискован царской цензурой. Только Октябрьская революция принесла поэту возможность опубликовать свои произведения.

Литературную деятельность, как и деятельность горного инженера, Коц не прекращал до последних дней. Во время Великой Отечественной войны он жил и работал в Свердловске. На страницах газеты «Уральский рабочий» часто появлялись стихи поэта, пронизанные твердой верой в победу над фашистскими агрессорами.

Умер Аркадий Яковлевич в мае 1943 года в Свердловске.

Л. С.

ВАЛЬТЕР УЛЬБРИХТ В СВЕРДЛОВСКЕ

В начале нынешнего лета правительственная делегация Германской Демократической Республики во главе с Первым секретарем ЦК СЕПГ и Председателем Государственного Совета ГДР товарищем Вальтером Ульбрихтом посетила Свердловск. От имени партийной организации магдебургского завода имени Тельмана Вальтер Ульбрихт вручил рабочим Уралмаша Красное Знамя. Уралмашевцы подарили высокому гостю макет блюминга и модель кузнечного прессы.

К. КОЗЛОВ

ДРУЖБА СЕРДЕЦ

Надя Коваленко прямо-таки замучила своих знакомых. Нужны книги об Урале. Самые интересные, чтобы в них было все — и о сказочных уральских богатствах, и о прекрасных реках и лесах, о смелых и умелых людях Урала.

Книги эти плывут в далекую Гавану к Антонио Родригос Морено. Антонио — студент Гаванского университета. И хотя ему всего 15 лет, он по праву считает себя борцом революции.

У членов Клуба интернациональной дружбы, который открылся при Свердловском Дворце пионеров, много хороших друзей в самых различных странах мира, отовсюду сюда приплывают, прилетают, приезжают письма в белых и пестрых конвертах, с обыкновенными и диковинными марками.

Зденка Козаркова крепко любит родную Прагу и пишет о прекрасных ее улицах, площадях, фонтанах.

В свою очередь уральцы в ответных письмах рассказывают ей о Свердловске, о чудесном Дворце, об учебе. Приглашают Зденку в гости.

Недавно в клуб пришло письмо от пионеров Германской Демократической Республики.

«Обращаемся к вам с большой просьбой, — пишут они. — В нашей школе есть кружок по минералогии, и у нас неплохая коллекция минералов. Однако нет уральских камней. Мы были бы очень благодарны, если бы вы сумели нам их прислать.

С пионерским приветом,
пионеры ГДР».

Юные минералоги Дворца пионеров собрали и отправили немецким друзьям коллекцию уральских камней.

«Мне двенадцать лет, — пишет итальянская девочка Аврора Мадзотти.

В этом году я училась во втором классе, поэтому меня интересует жизнь советских школьников. Посылаю приветы и поцелуй моим друзьям-школьникам, хотя мы и разных национальностей».

Дети разных народов, говорящие на разных языках, хотят одного: жить в дружбе, в мире.

На всю жизнь запомнили ребята встречу с вождем кубинской революции Фиделем Кастро.

Надя Щипачева, Боря Новиков подарили Фиделю цветы, а Алена Журавлева, волнуясь, произнесла по-испански приветствие.

В мае члены клуба, как и весь Дворец, готовились ко Дню защиты детей. Сколько было хлопот, подготовки! Зато ребята выглядели чудесно в своих разноцветных галстуках. Зеленые, желтые, красные — цвета пионеров разных стран мира. Пионеры Виза надели галстуки Германской Демократической Республики, ребята Октябрьского района пришли в галстуках Кубы, Орджоникидзевского района — в ярких галстуках Африки.

Подняли знамя Мира, и в торжественной тишине прозвучали стихи:

Мы дружим, как братья,
а дружба сердец

Лучше всяких гидов.
Приветствует вас пионерский Дворец.
Freiheit! Freundschaft! Freiden!

Г. СТОРОЖЕНКО

Наша богатырша

Ныне, в сентябре, Камской гидроэлектростанции исполняется десять лет. Со дня пуска она уже дала в объединенную энергетическую систему Урала около семнадцати миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Новая гидроэлектростанция очень заметно помогает народному хозяйству индустриального Урала: экономит большое количество топлива, привозимого подчас издалека.

А энергетики всегда отмечают еще одно существенное достоинство Камской ГЭС.

Как известно, потребление электроэнергии в хозяйстве неравномерно. Поздней ночью оно меньше, а утром, когда в городах пойдут трамваи и троллейбусы, когда включатся миллионы станков на заводах, потребление возрастает. Бывают часы, когда электроэнергии может не хватить — наступают так называемые «пики» нагрузки.

Для покрытия этих «пиков» — для того чтобы не случилось перебоев в электрообеспечении, у каждой энергосистемы должен быть нагрузочный резерв. Раньше на тепловых станциях непременно держали загодя растопленными дополнительные котлы, тратили дорогое топливо. А на гидроэлектростанции включить резервную мощность гораздо легче, и, главное, дешевле. На Камской ГЭС агрегаты, пускающие резерв в систему, включаются и выключаются автоматически.

Такое же преимущество у гидроэлектростанции и с аварийным запасом электроэнергии. Случись в огромной Уральской энергосистеме (сна — одна из крупнейших в нашей стране) на какой-нибудь тепловой станции авария или надо своевременно подмонтировать оборудование, т. е. выключить некоторые агрегаты, вырабатывающие ток, — на Камской ГЭС всегда есть резерв. Надежный ре-

зерв электроэнергии, позволяющий и планировать ремонты и выходить из непредвиденных затруднений.

Созданное большой плотинной огромное водохранилище дает возможность регулировать расход воды так, чтобы гидрогенераторы станции работали равномерно и летом и зимой. Этому Камскому морю рады и речники. Оно намного облегчило судоходство на Западном Урале. Море скрыло сто тридцать один пережат Камы, пятьдесят два из них особенно затрудняли движение речного транспорта. Теперь и притоки Камы судоходны. По Чусовой и Сылве можно проехать больше, чем на сто километров. Даже небольшие речки, такие, как Косьва, Яйва, Иньва, стали водными дорогами Пермской области.

Вот что дает Уралу богатырша Камская ГЭС.

И. ОЧЕРЕТИНА

Артиллерия помогает горнякам

Известно много случаев, когда с танков снимали башни и орудия, а машины использовали как тягачи. Но не только танки служат мирным целям.

В горном деле нашли свое место приборы для просмотра артиллерийских стволов.

На североуральских бокситовых рудниках широко внедряется прогрессивный метод добычи руды с креплением металлическими штангами. Но штанги можно использовать там, где надежная кровля.

— А как определить ее надежность? — задумались в научно-исследовательской лаборатории предприятия.

Среди горняков нашлись бывшие артиллеристы. Они-то и предложили для проверки кровли пробурить в ней шпур (отверстие), а затем артиллерийским прибором просматривать сечение.

Этот метод уточнения надежности кровли горняки считают сейчас наиболее эффективным.

А. МАЛЬЦЕВ

Налимовцы

— Лучшая доярка Егоршинского совхоза Свердловской области — Клара Васильевна Налимова, а лучший тракторист — Иван Михайлович Налимов. Я тоже Налимов. У нас все Налимовы. И деревня наша Налимова, — рассказывает управляющий отделением совхоза Петр Ефимович Налимов. — Жили шесть братьев. Все Налимовы. Венедиктовики по отчеству: Михаил, Василий, еще Василий, Савва, Архип и Степан. Дружные были Венедиктовики. Пятеро ушли в гражданскую добровольцами. Хозяйство оставили на одного. После войны вшестером колхоз местный сколачивали. Добрый след оставили на земле братья, добрых детей воспитали.

Рядом с деревней Налимовой, в Артемовском, мы встретили высокого старика с красивой русской бородой — Налимова Федора Антоновича. Ему пошел уже восемьдесят шестой год. Повидал он на своем веку немало.

— За японскую, — показывает Федор Антонович старую медаль. — Побывал я и на «германской». «География» получил. Ну, думаю, отвоевался. Нет, опять винтовку в руки взял.

Бывалый солдат отчетливо помнит то время.

— Из Алапаевска, где мы формировались, наш отряд бросили под самые Егоршинские копи. Как фельдфебеля,

меня избрали ротным командиром. Возле деревни Елкино были особенно жаркие бои. Здесь меня ранило. Рана хоть и не ахти какая, а пришлось командирство передать односельчанину, Матвею Степановичу Налимову. Наша 8-я рота входила в 4-й Уральский полк. В ней почти все были налимовцами. После боя под Елкино выстроили роту в центре деревни, и командир полка Иван Вышев объявил:

— В этом бою вы завоевали право быть особой отдельной ротой. Так и назовем ее — Налимовской.

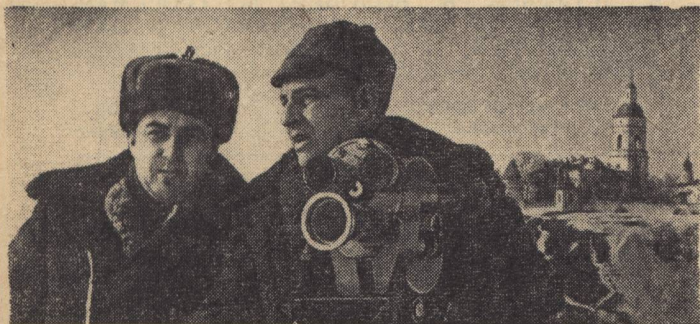
Хорошо сражались налимовцы на фронтах гражданской войны. Да и в мирное время трудятся они славно: первый командир 8-й отдельной налимовской роты — Федор Антонович Налимов, несмотря на возраст, в колхозе еще одну медаль заработал, трудовую награду.

А. БРЫЛИН,
П. КОВЕРДА

В старом городе

Древний Тобольск хранит память о многих замечательных людях. Здесь родились великий Менделеев, композитор Алябьев, художник Перов. Сюда были сосланы декабристы Кюхельбекер, Фонвизин, руководитель освободительного движения на Украине Устим Кармелюк.

С 1899 по 1902 год в Тобольске отбывали ссылку украинский поэт-революционер Павел Арсеньевич Грабовский. Сохранился дом, где он жил. Его именем названа улица. В местном архиве и музее-заповеднике хранятся документы, рассказывающие о революционной деятельности поэта.

Зимой в городе побывала творческая группа Киевской киностудии научно-популярных фильмов. Она создает корот-

кометражную картину «Воспоминание о земляке», посвященную Павлу Арсеньевичу Грабовскому. Фильм снимают режиссер Лев Удовенко и оператор Орест Оржеховский. На экранах фильм появится к 100-летию со дня рождения поэта.

Готовятся отметить юбилей и тоболяки.

В библиотеке музея-заповедника организована выставка материалов, документов о жизни и деятельности Павла Арсеньевича, его книг, комплекта газет «Сибирский листок» где в свое время печатались статьи Грабовского, его стихотворения.

Выставка эта пользуется большой популярностью в городе.

И. САПОЖКОВ

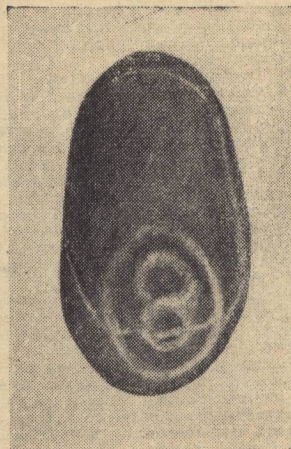
На снимках: 1. Дом № 10 по Октябрьской улице, где жил поэт-революционер. 2. Идет съемка фильма.

Море-«математик»

В Крыму на золотом пляже группа свердловчан прощалась с Черным морем...

— Море, море, подари мне что-нибудь на память,— пошутила я.

В пене прибоя мелькали, перекатываясь, разноцветные камешки. На одном из них был ясно виден ноль, в который аккуратно вписана восьмерка,

а по бокам — знаки «Х». В первую минуту подумалось, что это шалость каких-нибудь ребят, но море так яростно «мыло» и терло камешки, что всякий рисунок давно бы исчез.

Я привезла «подарок» в Свердловск, показала минералам горного института. Они сказали:

— Это известняк с прожилками кальцита. Прожилки образовались в результате заполнения трещинок, возникших при сжатии известняка много миллионов лет назад.

А от себя я добавила:

— Может быть, море занималось математикой и выбросило нечаянно свое «наглядное пособие»?

Н. РОЗ.

СВЯЗНОЙ ГЕРЦЕНА

В расписке говорится: «В Тобольский тюремный замок принят от первого отделения Тобольского областного губернского управления арестант Владимир Трувеллер», дата: «20 марта 1864 года» и подпись: «Помощник смотрителя...».

Преступник важный. О его прибытии исполняющего обязанности Тобольского гражданского губернатора уведомили заранее специальным письмом, в котором говорилось: «За распространение возмутительных воззваний».

Юнкер 23 Флотского экипажа Владимир Трувеллер на фрегате «Олег» плывал в Англию, где получил от Герцена листовки для доставки в Россию. Вел революционную пропаганду среди нижних чинов. Намечал открыть подпольную типографию, для которой купил в Киле русский шрифт...

Судил Трувеллера военный суд. Приговор: «Лишить воинского звания, всех прав состояния и сослать в каторжные работы в крепостях на три года». Утвердил лично «Его Императорское Величество».

Через месяц царь принял новое решение: «Возвратить Трувеллера из каторжных работ и сослать его на поселение в Сибирь в менее отдаленные места, с поручением генерал-губернатору учредить строгий надзор за ним и ежегодно сообщать Управляющему морским командованием о поведении и образе мыслей Трувеллера».

Приговор дали прочитать осужденному, заставили расписаться. Из Петербурга в Тобольск привезли быстрее чем за месяц.

О сыне хлопочет мать. Она представила в Петербург пятьсот рублей, прося «переслать оные в Тобольск, с тем чтобы деньги эти выдавать сыну по мере надобности, не объявляя ему, что они присланы от матери».

Трувеллер заболел. Он ходатайствует о переводе туда, где есть возможность лечиться кумысом. Новым местом ссылки определен Курган.

Общественная жизнь этого зауральского городка в то время была сосредоточена вокруг ссыльных повстанцев Польши, борьбу которых поддерживал Герцен. Трувеллер с головой окунается в нее. Сходки. Обсуждение жгучих вопросов политической жизни страны. Планы борьбы.

Но обострилась болезнь. Мать пишет в Петербург, выражая желание послать к сыну «вольноопределяющегося врача Николая Гейера, которого снабдит нужными деньгами». Она просит исходатайствовать Владимиру помилование.

Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии лично докладывает об этом царю. «Милость» монарха сводилась к следующему: «...чтобы с возвращением из Сибири Трувеллер был отбан на попечение матери и под ее наблюдение и чтобы за ним в месте его жительства учрежден был полицейский надзор».

Чем кончилась эта страшная история связного Герцена — неизвестно. Но полицейский надзор в Боровичском уезде Новгородской губернии, куда должен был приехать к матери больной сын, учредили заранее.

Ю. РЯБОВ

В НОМЕРЕ:

ОГОНЬ ЗЕМЛИ. Ю. Зимин. Очерк	1
ЛЮБОВЬ. Владимир Суслов. Стихотворение	7
КАК ТУШАТ ВИРУСНЫЙ «ПОЖАР». Ф. Батурин	7
ЧАПАЕВ. О бессмертных	8
ФЛАЖКИ НА КАРТЕ. П. Викторов. По Великой Программе	11
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ. Ю. Курочкин. Очерк	12
ПРИНИМАЙ, ДЕД, СМЕНУ! В. Еременко	21
«ПЕРВОЕ В МИРЕ». П. Толстиков	23
СИНГАПУРСКАЯ МАРКА. Л. Румянцев. Рассказ	24
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ. В. Крапивин. Рассказ	33
МЫШИ С ПАСПОРТАМИ В. Большаков, кандидат биологических наук	43
ГОСТЬЯ С ТИХОГО ОКЕАНА. В. Шимов	47
В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ. А. Маренич, народный артист РСФСР. К 60-летию со дня рождения Николая Островского	48
ДИКОВИНЫ ХИМИИ. Д. Финкельштейн, кандидат химических наук	48
ЭЛЬ-5 — СИММЕТРИЯ ЖИЗНИ. А. Малахов доктор геологических наук. В мире реальной фантастики	50
В НОЧЬ ПОД НОВЫМ ГОД. АРЕСТ. В ТЮРЬМЕ. ПЕРЕДАЧА. Б. Козулин. Главы из документальной повести	59
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман. Книга вторая, часть третья. Продолжение	63
ЛЕСНЫЕ МАЛЫШИ. А. Клебанов	65
ПЕРЕВОДЧИК ПРОЛЕТАРСКОГО ГИМНА. К столетию I Интернационала. Л. С.	76
ВАЛЬТЕР УЛЬБРИХТ В СВЕРДЛОВСКЕ. К. Козлов	77
ДРУЖБА СЕРДЕЦ. Г. Стороженко	77
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	78
СВЯЗНОЙ ГЕРЦЕНА. Ю. Рябов	80

Обложка В. Васильева.

Главный редактор В. ШУСТОВ
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ, Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Рукописи
не возвращаются

Технический редактор
Э. Максимова

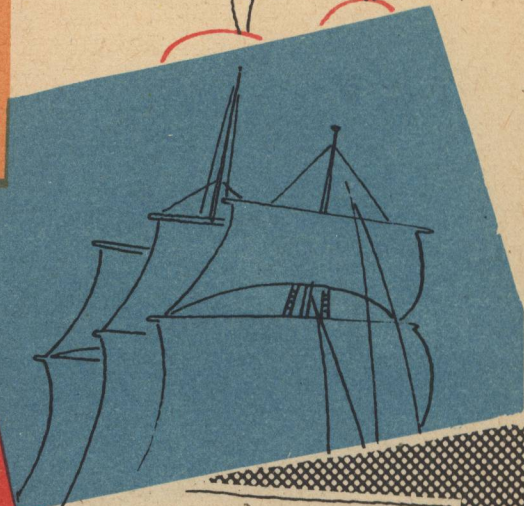
Корректор
Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 25/VIII 1964 г.
НС 29710.

Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. уч.-изд. л. М.75
Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 538.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

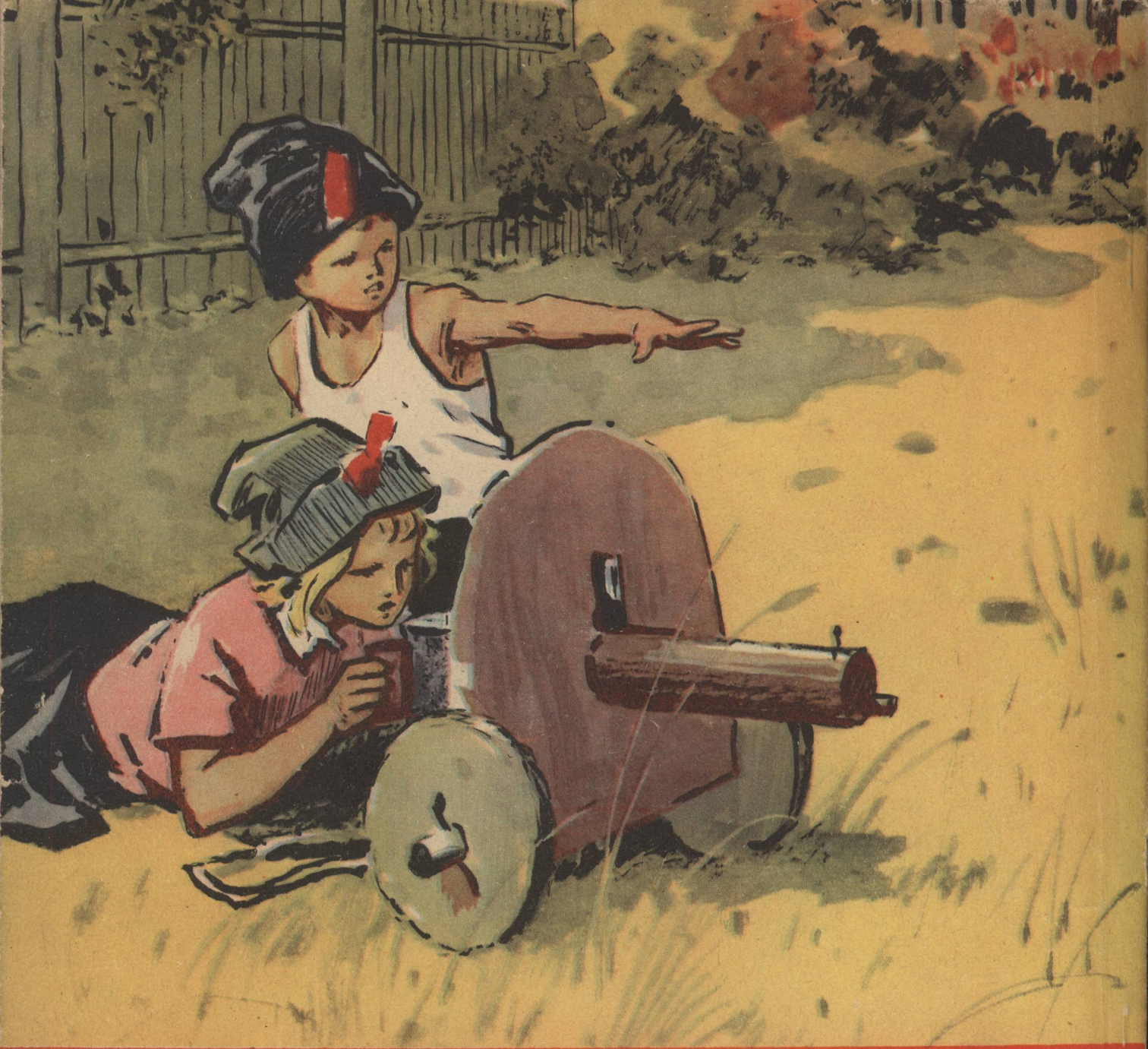
ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ

Ч

РАЛЬСКИЙ

С

ЛЕДОПЫТ

30 коп.

73413

2018 9 9